

«СМЕЛЫМ БОГ ВЛАДЕЕТ»:
наступление
Юго-Западного фронта 1916 г.
глазами нижнего чина Е. В. Тумиловича

Автор воспоминаний, Евгений Владиславович Тумилович родился в бедной крестьянской семье. В 1915 г., будучи 18-летним юношей, он отправился добровольцем на фронт и оказался в составе 326-го пехотного Белгорайского полка. Вместе с полком он принял участие в Брусиловском прорыве, а также в тяжелых боях в Лесистых Карпатах. За подвиги он дважды был награжден Георгиевским крестом.

После Октябрьской революции Е. В. Тумилович вернулся домой. В 1918 г. он поступил в Путьский институт в Петрограде и в дальнейшем всю жизнь работал инженером. В 1939–1940 гг. он участвовал в советско-финской войне, а во время Великой Отечественной занимался строительством железной дороги к «Дороге жизни» у Ленинграда. Умер Е. В. Тумилович в 1972 г.

В качестве наследия в семье остались его многочисленные автобиографические рассказы, а также мемуары, которые охватывают период с начала XX в. (жизнь в деревне) до советско-финской войны. Часть воспоминаний, посвященная участию в Первой мировой войне, была передана для изучения в Российское военно-историческое общество и публикуется в настоящем издании.

326-й пехотный Белгорайский полк начал свой боевой путь в августе 1914 г. с участия в Галицийской битве. Он сражался у д. Суходолы и Травники, а осенью — на р. Сан и у Перемышля. В неудачном для русской армии 1915 г. белгорайцы отражали наступление противника у г. Чертково, р. Стрыпа и Стырь. В январе–феврале 1916 г. находились в резерве Юго-Западного фронта в д. Казачизна — Лановице. Здесь полк был укомплектован солдатами маршевых рот. Вероятнее всего, среди них был и Е. В. Тумилович. С 13 марта (29 февраля) полк занял позиции по р. Онут.

Накануне Брусиловского прорыва 326-й пехотный Белгорайский полк (командир полковник Н. К. Чижевский¹) входил в состав 82-й пехотной

¹ Чижевский Н. К. (1861–1918) — окончил Одесское пехотное юнкерское училище, с февраля 1915 г. — командир Белгорайского полка. В ноябре 1916 г.

дивизии (начальник генерал М.Н. Пронтов²). Она, в свою очередь, располагалась на левом фланге 9-й русской армии прославленного генерала П.А. Лечицкого³, одного из лучших командармов Первой мировой.

Летом 1916 г. русская армия планировала вместе с союзниками крупное наступление. Весьма показательно, что даже после Великого отступления 1915 г., сопровождавшегося тяжелыми потерями, наше командование придерживалось активного способа ведения действий. В конце 1915 г. неудачей кончилось наступление у р. Стрыпа и Черновиц⁴, а в марте 1916 г. — у оз. Нарочь. Всё это заставило наших противников думать, будто русская армия более не представляет серьезной опасности. Неудивительно, что в начале 1916 г. Германия основные бои перенесла на Западный фронт, где стремилась обескровить французскую армию под Верденом. Австрийцы же решили сосредоточить свои силы против Италии.

Россия же в спешном порядке перевооружала армию. К лету 1916 г. прошлогодний кризис вооружения был преодолен. На совещании в Ставке 14 (1) апреля был выработан общий план операций. Предполагалось,

произведен в генерал-майоры. Награжден Георгиевским оружием. В 1918 г. в г. Пятигорске был взят в заложники вместе с рядом известных генералов (Я. Г. Жилинский, Н. В. Рузский и пр.) и убит.

² Пронтов М.Н. (1857–1950) — герой русско-японской войны. В годы Первой мировой сначала командовал 32-й артиллерийской бригадой, а затем 82-й пехотой дивизией. В июне 1916 г. командовал Сводным корпусом в составе армии П. А. Лечицкого. С июля 1916 по апрель 1917 г. — командир 23-го армейского корпуса. В сентябре 1917 г. стал командующим 9-й армией. В годы Гражданской войны служил в Добровольческой армии. В 1920 г. после боев у Одессы вместе со своими войсками отошел в район действий польской армии. Интернирован. Жил в Югославии. Умер в Белграде.

³ Лечицкий П. А. (1856–1923) — выдвинулся в годы русско-японской войны как один из лучших командиров полков. Не без протекции свыше за пять лет прошел путь от командира полка до командующего войсками Приамурского военного округа. В 1914 г. году возглавил 9-ю армию, которая сыграла значимую роль в победе в Галицийской битве. Осенью 1914 г. способствовал срыву планов противника прорваться на Варшаву. В октябре награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Успешно действовал в период Великого наступления (особенно в боях у Дзвиняче в 1915 г.) и во время Брусиловского прорыва (1916 г.).

⁴ Город Черновцы основан в XII в., с 1775 г. — в составе Австрии. Во время Первой мировой трижды занимался русскими войсками. В настоящее время находится на Украине.

что основной удар нанесет Западный фронт генерала А. Е. Эверта⁵ (из Молодечно на линию Ошмяны — Ковно), а Северный (генерала А. Н. Куропаткина⁶) и Юго-Западный (генерала А. А. Брусилова⁷) фронты окажут содействие вспомогательными ударами. При этом и генерал А. Е. Эверт, и генерал А. Н. Куропаткин сомневались в успехе предстоящего наступления, выступая за активную оборону. Исключением был генерал А. А. Брусилов, заявивший, что Юго-Западный фронт может и должен активно наступать.

Объяснение такой разницы во мнениях стоит искать не столько в личных качествах главнокомандующих, сколько в особенностях положения наших фронтов. Против войск А. Н. Куропаткина и А. Е. Эверта находились германцы, сумевшие создать глубоко эшелонированную линию обороны. По сути, война здесь начала приобретать характер «классического» (как во Франции) позиционного противостояния. Перед Юго-Западным фронтом не было столь серьезных оборонительных позиций противника, а потому здесь русское командование справедливо могло рассчитывать на успех.

Генерал А. А. Брусилов отказался от идеи наступать всеми силами в одном направлении. Главный удар осуществляла 8-я армия генерала А. М. Каледина⁸ (на Ковель⁹), в то время как все остальные армии должны были перейти в наступление и прорвать фронт на своих участках. В результате наносилось четыре мощных удара по австрийским позициям. Действия

⁵ Эверт А. Е. (1857–1926) — участник русско-японской войны. Награжден Георгиевским оружием. В 1914 г. возглавил 4-ю армию, а в августе 1915 г. стал главнокомандующим Западным фронтом.

⁶ Куропаткин А. Н. (1848–1925) — герой кампании 1876 г. против Кокандского ханства, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и боев в Ахалтекинском оазисе. В годы русско-японской войны, однако, стал одним из виновников поражения русских войск в Манчжурии. Несмотря на это по протекции со стороны генерала М. В. Алексеева в конце 1915 г. вернулся в строй, сначала возглавлял гренадерский корпус, затем — 5-ю армию, а после и весь Северный фронт. В июле 1916 г. назначен Туркестанским генерал-губернатором.

⁷ Брусилов А. А. (1853–1926) — участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Значительную часть службы провел в Офицерской кавалерийской школе. Благодаря протекции вел. кн. Николая Николаевича в 1906 г. возглавил 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. С начала Первой мировой — командующий 8-й армией. Проявил себя в первых боях в Галиции, а затем — в Карпатах.

⁸ Каледин А. М. (1861–1918) — генерал, выдающийся кавалерийский начальник. С весны 1916 г. — командующий 8-й армией.

⁹ Город Ковель известен с 1518 г. В настоящее время находится на Украине (Волынская область).

армий между собой были мало скоординированы, а самим командующим предоставлялась значительная свобода для личной инициативы.

Командование сумело тщательно подготовить операцию. В русских войсках наблюдался моральный подъем, что можно связать с преодолением кризиса вооружения и прибытием на фронт пополнения. Подготовка к наступлению велась по всему Юго-Западному фронту, что сделало практически невозможным для противника определение планов русского командования. Более того, учитывая активность германцев у Вердена и австрийцев против Италии, в начале июня 1916 г. австрийский Северный фронт не имел значительных резервов и мог полагаться исключительно на свои силы¹⁰.

4 июня (22 мая) войска генерала А. А. Брусилова перешли в наступление, которое сопровождалось мощнейшей артиллерийской подготовкой. Австрийский фронт был прорван. Особых успехов добилась 8-я армия, 7 июня (25 мая) 4-я стрелковая дивизия генерала А. И. Деникина¹¹ взяла Луцк¹². По просьбе А. А. Брусилова Ставка начала перекидывать на Юго-Западный фронт дополнительные силы, тем самым ослабляя войска А. Н. Куропаткина и А. Е. Эверта. Вскоре продвижение 8-й армии временно прекратилось, поскольку А. А. Брусилов опасался за ее правый фланг. Он полагал, что дальнейшее наступление необходимо развивать совместно с Западным фронтом. Однако 16 (3) июня германцы сами перешли в контрнаступление на р. Стоход и Стырь, поставив войска А. А. Брусилова в тяжелое положение. Развитие первоначального успеха А. А. Брусилов видел в организации наступления на Ковель и дальше — на север в тыл германским войскам, располагавшимся у Пинска. Итогом стали кровопролитные бои в районе Ковеля и р. Стоход в июле, августе и сентябре 1916 г., которые не привели к желаемому успеху. В это время А. А. Брусилов фактически игнорировал успешное развитие операций на левом крыле своего фронта, а именно наступление 7-й армии генерала Д. Г. Щербачева и 9-й армии генерала П. А. Лечицкого, в рядах которой и сражался Е. В. Тумилович.

К началу Брусиловского прорыва 9-я армия занимала фронт протяженностью 90 км в районе р. Днестр и Прут. Севернее нее (на правом

¹⁰ *Нелипович С. Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 11.

¹¹ Стоит отметить, что в годы Первой мировой Деникин отличился как один из лучших начальников дивизий.

¹² Первое упоминание о г. Луцке датировано 1085 г. Во время Первой мировой войны был дважды взят 4-й стрелковой дивизией генерала А. И. Деникина. В настоящее время находится на Украине (Волынская область).

фланге) располагалась 7-я армия генерала Д. Г. Щербачева, а южнее — румынская граница. Против войск П. А. Лечицкого оборонялась 7-я австро-венгерская армия генерала К. фон Пфлянцер-Балтина¹³. На этом участке фронта русские войска не имели серьезного преимущества в численности или артиллерии, однако предстоящий успех во многом был обеспечен продуманной подготовкой операции, грамотным распределением сил и средств, а также промахами противника, который вовремя не сумел разгадать наши планы¹⁴. Основной удар русские планировали нанести силами 11-го корпуса. Его левому флангу содействие должен был оказывать Сводный корпус, куда была включена 82-я пехотная дивизия.

Наступление началось 4 июня (22 мая), причем оно было предварено мощной артиллерийской подготовкой и газобаллонной атакой. Уже в первый день линия обороны противника была прорвана, русские войска продвинулись на несколько километров. К сожалению, ожесточенное сопротивление противника не позволило развить успех. Через три дня тяжелых боев П. А. Лечицкий отдал приказ закрепиться на занятых позициях. Сводный корпус выполнял в целом пассивную задачу, обстреливая позиции противника и демонстрируя наступление. Как отмечалось в журнале боевых действий 326-го Белгорайского полка за 22 мая 1916 г.: «Демонстрация увенчалась успехом лишь вначале, когда было замечено нервное настроение противника, но уже вскоре после полудня ввиду слабых действий артиллерии противник убедился в отсутствии активных намерений у нас, и было замечено, как целый полк был выведен из д. Топоровце и двинулся на север»¹⁵. На следующий день пришли сведения об успехе 11-го корпуса, взятии 13 000 нижних чинов, 232 штаб- и обер-офицеров и 16 орудий. 6 июня (24 мая) 326-й Белгорайский полк пытался перейти в наступление, однако из-за неподготовленности и сильных позиций противника (до 20 рядов колючей проволоки) оно фактически провалилось¹⁶.

10 июня (28 мая) 9-я армия опять перешла в наступление, которое сломало оборону австро-венгерской армии. 41-й и 11-й корпуса взяли

¹³ Пфлянцер-Балтин К. фон (1855–1925) — австро-венгерский военачальник. В октябре 1914 г. была сформирована группа войск под его командованием. В феврале 1915 г. взял Черновцы. После ряда неудач летом 1916 г. отстранен от командования.

¹⁴ *Базаревский А.* Наступательная операция 9-й русской армии. М., 1939. С. 50–52.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 155. Л. 2 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 155. Л. 3.

в плен 18 000 нижних чинов, 347 офицеров и 1 генерала. К. фон Пфлянциер-Балтин начал поспешный отвод своих войск сначала за р. Прут, а затем — за Днестр. Русские войска начали преследование.

В целом успех генерала П. А. Лечицкого был полным. Всего за 10 дней боев (с 4 по 13 июня) 9-я армия продвинулась на главном направлении на 50 км¹⁷. К сожалению, А. А. Брусилов искал развитие прорыва намного севернее, в районе Луцка, а потому успех 9-й армии остался без внимания. Сам П. А. Лечицкий решил сосредоточить внимание на левом фланге и форсировать р. Прут. К сожалению, из-за недостатка переправочных средств и выявившихся проблем с подвозом снарядов операция была отложена на три дня. В это время 7-я австро-венгерская армия была усилена двумя дивизиями, а начальником штаба стал талантливый генерал Сект.

В ночь на 18 (5) июня части 11-го корпуса (в состав которого 16 (3) июня была включена 82-я дивизия) начали форсирование р. Прут. Переправа проходила в тяжелых условиях, однако сопротивление австрийцев было сломлено, а части 32-й и 82-й дивизий одновременно вошли в Черновцы. Несмотря на колоссальный успех, из-за усталости войск, растянутости фронта и расстройств тыла к вечеру 19 (6) июня преследование основными силами пришлось прекратить. Исключение составили части 82-й, 103-й пехотных дивизий (отряд генерала Промтова) и 3-го кавалерийского корпуса, которые шли по пятам 11-го австрийского корпуса к карпатским перевалам. В плен были взяты 2000 австрийцев¹⁸. 23 (10) июня противник оставил г. Куты¹⁹, который заняла 1-я Донская казачья дивизия. В этот же день А. А. Брусилов изменил задачу 9-й армии, а именно приказал наступать по направлению Станислав — Галич²⁰, тем самым объединяя действия с войсками генерала Д. Г. Щербачева (7-я армия). К 24 (11) июня австрийцы были отброшены к Якобени, а в плен к русским попало 3000 нижних чинов и 40 офицеров²¹.

¹⁷ Базаревский А. Указ. соч. С. 100–101.

¹⁸ Там же. С. 133–135.

¹⁹ Первое упоминание о г. Куты датировано 1448 г. С 1772 г. в составе Австрии. В годы Первой мировой несколько раз переходил из руки в руки. В настоящее время поселок городского типа в Косовском районе Ивано-Франковской области, Украина.

²⁰ Город Станислав основан в 1662 г. В настоящее время находится на Украине и носит название Ивано-Франковск. О г. Галич первое письменное упоминание — в 1140 г. В августе 1914 г. был занят войсками 8-й армии генерала А. А. Брусилова. В настоящее время находится на территории Украины.

²¹ Ветошиков Л. Брусиловский прорыв. М., 1940. С. 113.

Успешное наступление П.А. Лечицкого заставило противника усилить 7-ю австро-венгерскую армию, а ее командующему было приказано держаться во что бы то ни стало: «Русский больше не должен овладеть ни пядью земли в Семигорье и Верхней Венгрии. Каждый боец должен знать, что тут идет бой за решение кампании и судьбу родины»²². Сам К. фон Пфлянциер-Балтин решил организовать контр наступление, однако активность нашей 9-й армии сорвала эти планы: 28 (15) июня наши перешли в наступление между р. Днестр и Черемош. Фронт противника был прорван, в плен попало около 15 000 солдат и офицеров.

В эти дни особенно тяжелые бои развернулись на фронте 326-го Белгорайского полка. Поскольку они достаточно хорошо описаны в воспоминаниях, на них хотелось бы остановиться подробнее.

26 (13) июня предполагалось атакой с трех сторон наступать на горный массив высот 704 и 698. После тяжелого 20-верстного перехода, который включал пересечение многочисленных рукавов р. Черемош (причем течение было настолько сильным, что несколько человек смыло), 326-й полк был брошен в окопы. Артиллерия еще не успела занять позиции, а связь с соседним 41-м Селингинским полком отсутствовала. Приказ о переходе в наступление в 14:00 пришел за десять минут — в 13:50. Всё это в совокупности заставило отложить атаку до 3 часов 27 (14) июня. В это время противник продолжал укрепление позиций. О том, что он собирался упорно обороняться, свидетельствуют заключительные слова одного из приказов, отобранного в дальнейшем у пленного офицера: «Если вы сдадите эти высоты, вы сдадите Австрию!».

27 (14) июня 326-й полк попытался перейти в наступление. Однако из-за слабой артиллерийской поддержки, а также 2-километрового разрыва между правым флангом и Селингинским полком атака захлебнулась.

На следующий день попытка повторилась. После перегруппировки 326-й полк занимал меньший боевой участок, а справа от него разместились 42-й пехотный Якутский полк. В первую линию были выдвинуты 2-й и 4-й батальоны, за ними располагались 1-й и 3-й батальоны соответственно. Стоит отметить, что Белгорайский полк должен был наступать вдоль горного массива высоты 698, оставив в тылу высоту 704. Обе они были заняты австрийцами, которые получали возможность вести огонь по нашим наступающим солдатам. Частям же 328-го Новоузенского и 325-го Царевского полков, которые занимали позиции напротив этих высот, давалась пассивная задача.

²² *Ветошников Л. Указ. соч. С. 120.*

Артподготовка (всего 6 легких батарей) началась лишь в 7 часов утра. Причем из-за плохой ориентировки некоторые батареи начали обстрел частей Белгорайского полка. А поскольку связи с ними не было, то в конечном итоге одну из рот пришлось вообще выводить из-под своего же огня. Приказ о наступлении был отдан в 8:15. Первым в бой пошел 4-й батальон (левый фланг). Он преодолел проволочные заграждения и ворвался в окопы. Наиболее активно действовала 13-я рота, а ее командир прапорщик Зубрицкий погиб в бою. Австрийцы бежали, вскоре белгорайцы взяли высоту 436. В это время и 2-й батальон ворвался в окопы противника. Преследование отступающих австрийцев велось до 10:50, когда наши солдаты достигли д. Черхановки.

Однако самые тяжелые бои еще были впереди. Справа Якутский полк так и не смог продвинуться вперед. 4-й батальон (левый фланг) выдвинулся достаточно далеко вперед, оторвавшись от Новоузенского полка. В разрыв были направлены из резерва три роты, однако они физически не могли его закрыть. Именно здесь и контратаковали австрийцы. Более того, они начали обходить и правый фланг 2-го батальона. Наши войска дрогнули и стали отступать. Некоторые подразделения были окружены и уничтожены. Артиллерия открыла огонь в целях поддержки левого фланга отступающих, при этом проигнорировав ситуацию на правом. Полковник Н. К. Чижевский бросил туда из резерва две роты Новоузенского полка. Однако, продвигаясь вперед, они попали под огонь австрийцев и, не выдержав, бросились бежать. В тылу началась паника. Положение спас начальник штаба дивизии полковник И. А. Рот²³. Он верхом на лошади поскакал вперед и остановил бегущих. Прекращению паники способствовал и командир 1-го батальона полковник Виноградов, который отдал приказ 1-му взводу пулеметной команды прапорщика Ищенко открыть пулеметный огонь по отступающим. Пока на правом фланге была паника, на левом 4-й и 3-й батальоны при поддержке пришедших из резерва двух батальонов Новоузенского полка перешли в наступление и опрокинули противника, взяв 200 пленных. В это время и сосед справа, Якутский полк, сломил оборону противника, взяв его окопы. К 19:00 австрийцы начали отступать по всему фронту 326-го Белгорайского полка. Как отмечалось в его журнале военных действий: «Так был закончен к 20 часам небывалый в истории полка по упорству и ожесточению бой». В ходе боя полк

²³ Рот И. А. (1878– ?) — в 1907 г. окончил Николаевскую академию генерального штаба. С сентября 1914 г. начальник штаба 82-й пехотной дивизии. В 1916 г. награжден Георгиевским оружием.

понес существенные потери: выбито из строя 25 офицеров (из них 8 убиты или умерли от ран) и 1500 нижних (из них 300 убитых). Сам полк пришлось отвести в дивизионный резерв²⁴.

Однако вернемся к описанию боевого пути 9-й армии. Не только Белогорайский полк понес значительные потери 28 (15) июня. Резервов же развивать успех у П. А. Лечицкого не было. Только 30 (17) июня генерал А. А. Брусилов (после уговоров со стороны начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала М. В. Алексева) направил в 9-ю армию две пехотных и одну казачью дивизии²⁵. В ночь на 1 июля (18 июня) противник неожиданно снялся с позиций. Русские войска устремились вперед и заняли г. Коломыю²⁶. 2–3 июля (19–20 июня) противник контратаковал, тем самым задержав наше продвижение.

5 июля (22 июня) П. А. Лечицкий снова атаковал, нанося основной удар севернее р. Прут, и сумел немного продвинуться вперед. В последующие несколько недель П. А. Лечицкий вел активные бои на своем левом фланге силами 11-го корпуса. 31 (18) июля состоялось следующее крупное наступление, фронт опять был прорван, однако из-за отсутствия резервов воспользоваться успехом не удалось.

7 августа (25 июля) 9-я армия устремилась вперед, опять прорвала фланг противника и через четыре дня боев взяла г. Станислав, а также около 20 000 пленных²⁷. Успех сопутствовал и соседней 7-й армии генерала Д. Г. Щербачева. Однако 13–18 августа (31 июля — 5 августа) развернулось контрнаступление австрийцев: группа генерала К. фон Конты на Карпатских перевалах нанесла поражение левому флангу 9-й армии и заставила ее вести оборонительные бои. Попытки наступать в сентябре хоть и привели к взятию в плен 2600 вражеских солдат, но в целом были отражены противником. В октябре в Добрудже тяжелое поражение потерпела румынская армия, а потому все свободные силы Юго-Западного фронта были брошены на ее спасение.

Именно таким был контекст событий, которые описывает Е. В. Тумилович. Мемуары написаны живым литературным языком, что свело к минимуму редакторскую работу. Даты в тексте приводятся по старому стилю.

²⁴ РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 5–15.

²⁵ *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 18.

²⁶ Первое упоминание о г. Коломыя датируется 1241 г. Во время Первой мировой русские войска впервые вошли в город в сентябре 1914 г. В настоящее время находится на территории Украины.

²⁷ *Нелипович С. Г.* Указ. соч. С. 28.

Воспоминания Е. В. Тумиловича

На фронт!

Бесконечные занятия, работа на ферме и в мастерских, ничтожный отдых и редкие минуты встречи с Верой слегка заглушали тяжелую действительность моей жизни. Но в тот момент, когда я подходил к дому и открывал тихонько двери своей комнаты, воскресала и точила прежняя глубокая тоска. Постоянные слезы матери, человеконенавистнические окрики и угрозы безнадежно больного брата жестоко угнетали и терзали меня.

Что делать? Как выйти из этого глухого тупика? Нервы мои не выдерживали, и я жестоко страдал. Однажды, закрывшись в комнате, я прислонился к окну и тупо смотрел на пыльную, избитую колесами дорогу, на листья, летевшие по ветру, на быстро меркнувшее небо. Стёкла внезапно заплакали первым осенним дождем. Что делать? Что делать? Эта мысль не оставляла меня. На улице послышался отдаленный скрип крестьянской телеги и тоскливый рев раздираемой с сердцем гармошки. Эти звуки быстро подкатились.

Я распахнул покрытое слезами окно. В телеге, запряженной парой шустрых лошадок, сидело человек пять-шесть молодых краснолицых парней-хуторян. А впереди, неистово размахивая длинным кнутом, стоял на ногах крепко клонувший старый солдат.

Его шинель, небрежно брошенная на телегу, одной полой волочилась по грязной, быстро намокающей дороге.

Вдруг гармошка снова злобно рванула и шесть безумно бесшабашных голосов хватили с досадой и злостью:

— Эх ты, милка моя, на войну везут меня!

Тебя сваты сватают, меня в солдаты прятают,

Ээх!...

Звуки гармошки и дикие выкрики песни быстро заглохли, где-то там далеко за углом, а по колеям, убегающим вслед за скрывшейся телегой, крадучись ползла дождевая вода.

Куда их везут? Кого из них дождутся обратно дома?

Ради чего, ради какой святой идеи или цели повезли их на смерть?

Эти мысли, не находящие ответа, заглушили во мне собственное горе. Сердце болезненно сжалось. И глядя вслед давно исчезнувшей

телеге, я невольно по-детски заплакал. И в этот миг где-то в глубине сознания сам по себе я увидел мой собственный приговор. Вопрос «Что делать?» решился как-то совсем легко и просто, но твердо и бесповоротно.

На следующий же день я подал заявление о вступлении в армию добровольцем. Кроме меня еще два моих товарища по оркестру, Андриюшка Рыков — скрипач и Яша Русанов — трубач, бог знает чем руководствуясь, совершили такой же поступок.

На третий день в городском соборе приняли мы присягу и получили, согласно нашему желанию, направление в артиллерийский полк в Смоленске.

В последний день, когда улеглись все волнения и возврат к старому был уже невозможен, у меня явилось страстное желание проститься с родными полями, взглянуть на безбрежное море созревших хлебов, на старые вербы у тихой дороги. И, вероятно, последний раз в жизни проводить заходящее солнышко над безмолвными липами старого кладбища.

Вскинув ружье на плечо и захватив несколько патронов, я незаметно выбрался в поле и пошел торопливо и быстро, сам не сознавая куда. Потом так же бессознательно повернул в направлении кладбища.

Разбросав руки и стараясь захватить в свои объятия побольше тяжелых колосьев, внезапно сквозь перепутанную сетку золотой соломы я увидел сидящую на зеленом откосе оврага у опушки знакомого кладбища Веру.

Низко склонившись над книгой, она была неподвижна, точно холодный надгробный памятник над последней могилой уснувшего кладбища.

В первый момент я чуть было не бросился к ней. Желания поделиться своими переживаниями перед роковой неизвестностью будущего были почти непреодолимы. Но страшным усилием воли я удержал себя. Зачем терзать себя и возбуждать сожаления и участие у других, не нужно.

Еще несколько минут любовался ею, мысленно держал ее прекрасные косы, нежно лаская ее маленькие теплые ручки, и так же мысленно поцеловал ее голову, хотя в действительности никогда не позволяя себе подобный поступок. Склонившись во ржи, чтобы быть незамеченным, я свернул на другую сторону и быстро спустился в лощину, где вдоль болотистого ручейка стеной стояли и тихо шептались сухие камыши. Иногда здесь взлетали дикие утки, или проворный бекас стремительным полетом взвивался в небо. Сам не сознавая зачем, я зарядил ружье и тихо побрел вдоль густых камышей. День клонился

к вечеру. Неподвижный воздух и глубокая, ничем не нарушаемая тишина царили вокруг. Камыши кончились, и перед моими глазами открылась бесконечная равнина заболоченных тучных лугов, уходивших в голубоватый ползущий туман. Где-то далеко-далеко в неподвижном пространстве как прерванный сон мягко прозвучали два выстрела: паф! паф!

Легкое эхо слегка затянулось за ними, и снова всё стихло. Я вскинул мгновенно ружье и таким же салютом ответил своему неизвестному брату.

Вернувшись домой с успокоенным чувством, я сообщил матери и брату о совершенном мною поступке. И тут только я понял, как жестоко поступил по отношению к матери: один сам умирал на глазах поневоле с страшною жадной жизни, другой сам добровольно уходил тоже почти на верную неизбежную смерть.

Всю ночь просидела она в слезах надо мной, я, глаз не смыкая, глядел на нее, стараясь запомнить до конца своих дней ее дорогие черты.

Ласкал ее, утешал, стараясь внушить, что война скоро кончится и я снова вернусь к ней сюда же, в этот маленький, крытый соломой домик. Но материнское сердце трудно утешить холодной надеждой и заставить поверить его в почти невозможное.

Когда в окно заглянули лучи восходящего солнца, лицо матери я почти не узнал: оно постарело, осунулось и слабые искорки, зажигаемые надеждой, погасли в ее карих, когда-то веселых лучистых глазах.

Момент прощания с матерью и братом был настолько тяжел, что и сейчас при воспоминании о нем я не нахожу оправдания своему легкомысленному поступку. Но в то время мне казалось, что другого выхода из такого безнадежного положения нет и быть не могло.

Ясно сознавая неизбежность своей близкой смерти и прощаясь со мной в последний раз и навсегда, брат горько и безнадежно плакал.

Но хватит, слишком больно вспоминать даже сейчас об этом. От горя и внезапных переживаний мать настолько ослабела, что не в состоянии была проводить меня на вокзал. Туманный серый вечер, два протяжных звонка да заунывный гудок паровоза, вот и всё, что было свидетелем в минуты тяжелой разлуки с родными полями, с лесными тенистыми дебрями, с любимой рекой, со всем тем, что так мило и дорого юному сердцу, что на всю жизнь, навеки запечатлевается в памяти, никогда не забывается и вновь воскресает в воображении с величайшей точностью в минуты духовного одиночества.

На следующий день мы прибыли в Смоленск и отправились разыскивать артиллерийскую часть, куда имели направление. Но, к сожалению, эта часть выбыла из города неизвестно куда.

Местный воинский начальник дал нам направление в этапную часть, где должны были установить нахождение нашей воинской части. Не успели мы войти в этапный пункт, как обратный выход для нас был немедленно закрыт. Не считаясь с тем, что мы фактически были добровольцы, и не обращая никакого внимания на наши протесты, на несколько дней нас поместили в этапные казармы вместе с отставшими, дезертирами и так далее и бросили на растерзание миллиардам откормленных вшей и клопов.

Первую ночь я не спал совершенно и, сидя на покрытых соломенными матами нарах, безуспешно отражал непрерывные атаки разъяренных паразитов. К утру всё тело мое было покрыто множеством красных волдырей и синих пятен.

Этапная рота, в которую мы попали, на третий день под конвоем была погружена в теплушки и отправлена в Орёл в 203-й запасной полк. Здесь нам выдали вначале какое-то старое поношенное обмундирование, после чего началась обычная муштра с ночными перекличками, тревогами, стрельбами и т. д.

А самое главное это было «отдание чести», без умения и знания этой науки нас не выпускали ни на шаг за ворота казармы. Нашей так называемой маршевой ротой командовал некий подпоручик Ежаков, по происхождению казак.

Не знаю, чем объяснить его озлобленность и жестокость, — тем, что он попал в пехоту, или были какие либо другие причины, — но вел он себя по отношению к новобранцам первое время возмутительно. В его сознании это были не живые люди, а так, просто бесчувственные игрушки, вроде детских деревянных солдатиков. Его любимым, как казалось в то время, издевательством была команда «ложись» и обязательно где-либо в лужу или непроходимую грязь; и это повторялось в день по несколько раз: всякое замешательство неминуемо восстанавливалось неистойвой русской бранью.

К счастью, он не применял рукоприкладства, что наблюдалось в других ротах, и поэтому пользовался даже некоторым уважением в серой солдатской массе.

Любил он также бег под песню, бег до изнеможения, до потери сознания. Песни эти состояли, конечно, из набора самых пошлых и некультурных отрывистых фраз, зато имели четкий ритм, способствовали

легкости бега и, конечно, очень легко воспринимались вечно болтающей возле солдат детворой.

Когда наука отдания чести была нами усвоена в совершенстве и новые шинели перешиты по росту ротным портным, в ближайший воскресный день мы получили разрешение на прогулку по городу без команды.

Провожая нас за ворота, наш взводный Фуртаев напутствовал нас следующими словами:

— Ну, ребята, с богом, гуляй да слушай и смотри по сторонам, как зайцы; от генерала ныряй в первую подворотню, а то всё равно губы не миновать.

И вот эта прогулка была действительно похожа на свадьбу бездомных собак, которые обычно инстинктом чувствуют близость петли и бросаются во все стороны в любую подворотню.

Но солдат — это все-таки человек, а нормальный человек отличается свойством приспосабливаться к любым условиям жизни. Наше начальство, выражаясь солдатским языком, немного поотпустило вожжи. Чаще начали давать нам увольнительные и даже сами иногда принимали участие в наших прогулках и проказах.

Светлой личностью среди непосредственного начальства был у нас взводный командир — старший унтер-офицер Фуртаев. С первых дней войны он служил в каком-то гвардейском полку, был ранен и после выздоровления попал, так же как и мы, в 203-й запасной батальон.

Это был человек огромного роста, прекрасно сложенный, чрезвычайно красивый, обладающий зычным, чистым басистым голосом и добрым мягким характером. На груди его висели два серебряных креста.

Мое место на нарах было рядом с его постелью. По национальности он был русским, но прожив с детства всю жизнь на Кавказе, облик его получил легкий отпечаток горного жителя.

Часто перед сном, когда кончались неиссякаемые солдатские анекдоты, он любил помечтать и поделиться со мною воспоминаниями о детстве, о горах, об оставленной там возлюбленной, и когда неясная грусть всё же добиралась до его крепких нервов, начинал тихонько напевать свою излюбленную песенку:

— Ты склони свои черные кудри на мою исхудалую грудь...

И, обычно вздыхая, заканчивал словами:

— И над трупом моим, дорогая, будешь слезно и горько рыдать.

Иногда более сердечная публика начинала подтягивать поменьку, потом всё шире и шире и, наконец, превращалась в какой-то

надгробный, бессловесный, бархатный напев, похожий на торжественно-грустные звуки органа.

Кроме нас троих, то есть меня, Андрея и Якова, в роте было еще два вольноопределяющихся — братья Николай и Михаил Берлизовы.

Вскоре мы с ними подружились, и так как семья их находилась здесь же, в Орле, то мы часто с увольнительной и без оной после вечерней поверки, как бесплотные духи, исчезали из казармы, оставляя под одеялами свое сонное подобие, и проводили время до утра в семье наших новых друзей.

Уезжая на военную службу, Андрей захватил с собой свою неразлучную скрипку, а я флейту. И вот в семье Берлизовых под аккомпанемент на рояле младшей дочери, хорошенькой и прекрасно воспитанной 16-летней девушки мы устраивали импровизированные концерты и этим по возможности украшали свою солдатскую грубую жизнь, не думая совершенно о завтрашнем дне.

Пылкий Андрей быстро влюбился в Анечку и посвящал ей задушевные звуки своей рыдающей скрипки, но, к сожалению, ростом он был очень мал, и борода лопаточкой, которую он носил для солидности, не прибавляла ему успеха в сердечных делах.

Хотя прекрасно сложенная и чудная, как юная Венера, Аня мне тоже очень нравилась, но, не желая огорчить своего пылкого друга, я всячески уклонялся от голубых взоров нашей общей подруги, и когда, замечая необычное внимание ко мне юной красавицы, Андрей становился мрачным и молча вешал нос, я уходил к старенькой доброй бабушке наших друзей, которая напоминала и заменяла мне здесь мою мать.

Трудно сказать, за что она полюбила меня как родного, может быть, своим чутким материнским сердцем она поняла и почувствовала без слов мое горе, может, моя музыка под аккомпанемент Анечки раскрыла ей мою душу.

На почве ревности, в которой с моей стороны не было никакой вины, отношения мои с Андреем незаметно ухудшались. Он старался избегать наших встреч. К Берлизовым, ничего не говоря мне, уезжал один и возвращался оттуда мрачнее темной ночи.

Однажды, замечтавшись и прозевав команду «на плечо», стараясь исправить свою ошибку, он попал себе штыком американского винчестера в ноздрю и распорол ее. Тут было, конечно, много необдуманных насмешек и немало крови. И так как с перевязанным носом посещение объекта своих чувств и грез он считал неудобным, а я, не вдаваясь

в психологию этого вопроса, продолжал бывать у Берлизовых, то старая крепкая дружба наша быстро подвигалась к пропасти — к разрыву. Но внезапно возникшие события в нашей среде изменили наше до некоторой степени привилегированное положение и смягчили напряженность отношений между мной и Андреем.

203-й запасной пехотный батальон, в котором мы проходили ускоренную подготовку перед отправкой на фронт, представлял собой внушительную часть, в нем были, не помню точно, 12 или 14 рот основных, да в каждой роте по 12 маршевых рот. В общем, с утра и до ночи город был полон звуками самых разнообразных солдатских песен и выкриками всевозможных команд.

Солдатская наука нелегко давалась многим новобранцам и доводила некоторых до полного изнеможения и отчаяния. На городской огороженной со всех сторон площади было установлено множество различных препятствий и чучел для развития ловкости и обучения штыковому бою. Будучи еще в школе, мы состояли в так называемых «потешных», и всю эту нехитрую премудрость изучили почти в совершенстве под руководством старого опытного фельдфебеля. А поэтому для нас эта наука здесь не была особо тяжелой и утомительной. Да к тому же наш ротный командир Ермаков не особенно любил заниматься со своей ротой на глазах у командира батальона, старого капризного генерала, и старался под разными предлогами увести людей куда-либо за город на тактические занятия или стрельбу, где он сам фактически отдыхал, отдавая свою роту на растерзание ретивым фельдфебелям и взводным командирам. Но большинство офицеров относилось к своим обязанностям особо ревностно и превращало военную науку на городской площади в систему изощренных издевательств. Особой жестокостью отличался один из кадровых офицеров соседней с нами роты.

Целый день он стоял у чучела и без конца гонял одного за другим своих молодых и пожилых солдат из запаса в атаку на исколотое, избитое чучело, при этом он с особым злорадством унижал своей беспримерной руганью человеческое достоинство измученных солдат и незаметно бил кулаком в подбородок так, что головы их прыгали вверх, а шапки надвигались на глаза.

В одно из таких занятий доведенный до иступления пожилой солдат по приказу своего командира в сотый раз с криком «ура!» бросился на чучело, но штык его весь до отказа очутился в груди офицера.

Последний молча с искаженным лицом скорчился, присел на землю, потом повалился на бок и испустил дух¹.

Совершивший преступление солдат швырнул в сторону винтовку, упал лицом в пушистый снег и зарыдал как безумный.

Занятия на площади были немедленно прекращены, роты разведены по казармам. По пути домой солдаты и офицеры шли молча, без обычных песен, и никто не проронил ни одного слова. И если ранее между солдатами и офицерами иногда происходила до некоторой степени товарищеская беседа, то сейчас вдруг между ними выросла черная, непроницаемая невидимая стена. В это время наш взводный Фуртаев не возвратился в казарму. Некоторые тихо таинственно шептались по углам, большинство молчало, еще не представляя себе исхода неожиданных событий.

На следующий день полевой суд вынес убийце смертный приговор, который немедленно же был приведен в исполнение. Перед выстроенными частями батальона на городской площади было и сообщено о его исполнении. Несколько тысяч народа встретили это сообщение гробовым молчанием, некоторые, не сдержав команды «смирно», сняли шапки и перекрестились. Но команды разводить части по казармам не последовало. Офицерский состав стоял на своих местах, все чего-то ждали.

Где-то справа раздалась команда:

— Смирно! Равнение направо, господа офицеры!

И на середину площади старческой, но еще довольно бодрой походкой, задрвав голову, вышел сам генерал. Все устремили на него взоры, но он молчал и чего-то ждал.

Через одну-две минуты на другом конце площади показались три фигуры: по бокам две низеньких [...], а посередине шагал твердо и решительно стройный и спокойный, как дуб, богатырь — наш взводный! Глубокий вздох тихо прошел по рядам нашей роты.

— Замолчать! — свирепо заревел генерал.

Стража ушла, посередине площади остался один Фуртаев. Гордый взгляд его был обращен куда-то в пространство над массой притаившихся человеческих голов. Вдруг снова раздался отвратительный голос генерала:

¹ Стоит отметить, что тема взаимоотношений офицеров и нижних чинов, особенно в запасных батальонах, была одной из центральных в воспоминаниях участников Первой мировой войны, опубликованных в советское время.

— Этот мерзавец нарушил дисциплину нашей армии и нанес оскорбление офицеру. Таким нет места в наших рядах.

Он подошел к Фуртаеву и со злостью сорвал с него погоны и с груди блестящие Георгиевские кресты (что по уставу не имел права делать), потом, ударив погонами по лицу, велел убрать арестованного.

В тот вечер казарма молчала, как затаившийся зверь, ни звука слов, ни песен нигде не возникало. Гробовое молчание мрачной тучей нависло над городом.

Еще через день нашу роту спешно грузили в эшелон. На станции стояло оцепление из военной полиции.

Паровоз пронзительно свистнул. Вагоны плавно колыхнулись, и мы неожиданно уехали из города, не успев даже проститься с нашими новыми друзьями. Отношения между мною и Андреем быстро восстановились, его пылкая ревность так же быстро угасла. Моя флейта и скрипка Андрея были забыты у Берлизовых. Дальнейшая судьба Фуртаева осталась для нас неразгаданной тайной.

Куда направлялась наша часть, никто из нас, конечно, не знал, но часы и дни бежали. Смутная неясная тревога начинала понемногу заглядывать в пробужденное сознание. Кто-то в углу на верхних нарах затынул:

Быстры, как волны, все дни нашей жизни,
Что час, то короче к могиле наш путь.

Но сидевший у чугунной печки наш новый взводный, тоже бывалый уже в боях солдат, громко перебил:

— Давайте-ка лучше споем фуртаевскую любимую.

И все вдруг как по команде затынули:

Ты склони свои черные кудри на мою исхудалую грудь...

Эта песня после долгого перерыва вновь вошла в наш репертуар.

День был солнечный и слегка морозный, раскаленная докрасна печка создавала в вагоне атмосферу, подобную парной в деревенской бане. Один из солдат, насколько припоминаю, Козлов, сегодня почему-то нервничал, толкался без нужды по вагону, наступая людям на ноги и поглядывая часто на часы.

— Эх, ребята, натопили — дышать нечем, открою-ка я дверь.

Никто не возражал ему. Дверь завизжала, широко распахнулась, Козлов покачнулся, вскрикнул и исчез. Все в вагоне зашумели, заволновались. Взводный выглянул и закричал:

— Бежит, догоняет, — но кто-то наверху с усмешкой покойно произнес:

— Догоняет, да никогда не догонит, дело известное.

Падение Козлова заметили и из других вагонов. Поезд остановился, из вагонов повыскакивали офицеры, но фигура Козлова мелькнула раз-другой на опушке леса и бесследно исчезла в густой темной чаще. Несколько револьверных выстрелов прозвучало ему в спину, но было уже поздно. Опытный дезертир скрылся². Никто, конечно, за ним не погнался, и поезд снова набрал свой обычный монотонный ритм, неумолимо тянул многих из нас к роковому концу.

— К Киеву подъезжаем, — шумели и волновались хохлы.

— Побриться бы надо, — глядя в осколок зеркала, промолвил Мороз — огромный широкоплечий украинец, бывший солдат гвардейского Волынского полка³.

— Возьми зеркало потолще, — смеясь, заметил Непейвода, — а то это твоей морды, ей-богу, не выдержит.

Все дружно расхохотались.

Сам киевлянин-кузнец по фамилии Пятак, слащаво улыбаясь, глотая слюни и щуря маленькие глазки, хитро и радостно воскликнул:

— Ну, не був я Пятак, и винца я вам, братцы, у Кииви достану доброго и дешевого, вырваться бы только до дому.

Все одобрительно загудели, а взводный, по-видимому, большой любитель нескромных напитков, невероятно оживился, глаза его загорелись:

— Неужели достанешь, Пятак?

— Вот провались на этом месте, достану! — воскликнул киевлянин.

² По подсчетам А.Б. Астахова, за годы войны (до Февральской революции) военными и жандармами было задержано на фронте и в тылу около 350 000 дезертиров (сама Ставка Верховного Главнокомандующего оценивала число дезертиров за этот период в 195 000 человек). Непосредственно на Юго-Западном фронте были задержаны 64 582 человека, пытавшихся бежать во время движения на театр военных действий. Важно подчеркнуть, что оценка размаха дезертирства осложняется и таким явлением, как «бродяжничество», когда нижние чины намеренно задерживались в тылах, тем самым затягивая свое отбытие на фронт. См. подробнее: *Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность*. М., 2014. С. 466–495.

³ Лейб-гвардии Волынский полк, сформирован в 1817 г. В годы Первой мировой сражался в Восточной Пруссии, под Лодзью (1914) и под Сморгонью (1915). В феврале 1917 г. унтер-офицер запасного батальона этого полка Т.И. Кирпичников сыграл видную роль в начавшейся Февральской революции.

— Добре, — принимая какое-то решение, сказал взводный, многозначительно подмигнув Пятаку. На этом порешили и смолкли.

Наконец перед вечером поезд прибыл в Киев и остановился на каком-то бесконечно далеком от вокзала пути. Быстро, без особого шума собрали у желающих попробовать киевского винца гроши, и Пятак, захватив с собой еще одного шустрого парня, бывшего балаганного актера, быстро прошмыгнул в полумраке, незамеченный охраной эшелона.

Поезд в Киеве должен был стоять около 3 часов. О бомбежках в таком сравнительно глубоком тылу в то время понятия у людей еще не было, и потому настроение у всех было приподнятое. Как из-под земли появились торговки с пирогами, фруктами, яйцами и т. п. Началась торговля, шутки, смех, и войны как будто не бывало.

Не более как за полчаса до отхода поезда показался раздутый со всех сторон Пятак со своим напарником. Их осторожно втащили в вагон и окружили со всех сторон плотным кольцом. Пятак и актер торжественно вынимали из всех возможных карманов и тайников своего солдатского обмундирования самые разнообразные бутылки с многообещающими разноцветными этикетками и ставили вокруг себя на пол. Тут была мадера, церковное, малага и многие другие. Все головки бутылок были под фирменными сургучными печатями. В общем, Пятак сделал свое дело и торжествовал, обводя гордым взглядом окружающих⁴.

— Убрать под нары и до отхода поезда ни-ни, — скомандовал взводный.

Команда всеми была выполнена, и последний, присев на нары, закрыл ногами цветную батарею бутылок.

Трудно сказать, пронюхал ли кто-либо или подсказал о нашем приобретении, но перед самым отходом поезда к нам в вагон весело вскочил молодой взводный офицер, которого, кстати сказать, ребята уважали за его человеческое и даже товарищеское отношение. И хлопнув взводного по плечу, присел на нары рядом с ним.

— Ну, вояка, ты ведь уже старый солдат, расскажи-ка нам, где воевал, много ли австрийцев посадил на штык? — смеясь задавал вопросы он взводному, но тот смущенно улыбался и не находил слов, мысли его были, вероятно, далеко, в одной из соблазнительных бутылок. Ребята многозначительно и вопросительно поглядывали на него

⁴ Хотя с началом войны в России был введен «сухой закон», на деле он постоянно нарушался, в том числе и на фронте.

со всех сторон, взводный смущенно двигал плечами и виновато косился по сторонам.

— Да что это с вами, ребята, ужели недовольны моему приходу? — промолвил офицер, снимая с головы папаху. Потом он, круто поворачиваясь к взводному, вероятно, каблуком задел одну из бутылок; та, издав приятный звон, покачнулась, упала на соседнюю, и вдруг под ногами пошла такая музыка, которую так любовно и легко воспринимают опытные ресторанные и подвальные гуляки. По вагону пробежал невольный вздох.

Не успел взводный придумать какую-либо хитрость, как прапорщик быстро наклонился и заглянул под нары. Но какую грешную душу не смутит такая малиновая музыка небрежно развалившихся и нежно булькающих на ходу поезда стеклянных красавиц?

Прапорщик даже ахнул от удивления, и, не скрывая восторга, его ранее смущенное и строгое лицо начало постепенно расплываться в сладкую улыбку. Оглядевшись вокруг и убедившись, что люди здесь все свои, никто не выдаст, он хлопнул в ладоши:

— А ну-ка, взводный, доставай!

Но последний, еще не сознавая, как понимать восклицание командира, виновато, точно боясь, чтобы его сверху не прихлопнули по шее медленно, доставал из-под нар одну за другой бутылки, не спуская глаз с прапорщика.

— Ребята, доставай кружки, взводный, вероятно, не хочет, — бойко выкрикнул прапорщик, шутя отстраняя растерявшегося взводного. И тут только на старого солдата нашло просветление.

— А ну, открывай, ребята, — заревел он.

Бутылки зазвенели, зашипели, загремели кружки и стаканы.

— Ваше благородие, какого вам желательно, малажки или мадерцы? — подобострастно обратился взводный к прапорщику.

— Сперва мадеры, а потом посмотрим, — не задумываясь, объявил молодой прапорщик, вышедший, вероятно, из такой же солдатской голи, которая его сейчас окружала.

Пятак блаженствовал. Его красная, слащавая морда, освещаемая пылающими в печке дровами, сияла, как восходящая в тумане луна.

— Ваше благородие! Это я уважил ребят.

— Верно, это Пятак, это он, молодец Пятак, — загудели со всех сторон весело голоса.

Взводный налил прапорщику и себе «мадерцы», а остальная братва — кто во что горазд. Вино забулькало, запело на все лады.

Прапорщик торжественно поднял кверху расписную, довольно вместительную кружку и провозгласил короткий тост.

— Выпьем, братцы, первую за нашу матушку Россию, за наш честной народ.

— Выпьем, будем здоровы, за Ваше благородие, — загудел дружно народ.

Потом офицер по-рыцарски поднес кружку к губам и стал жадно пить большими глотками. Но вдруг остановился, лицо его обратилось в образец недоумения. Он заглянул снова в кружку, понюхал, потом обвел глазами публику и, остановившись вопросительным взглядом на взводном, который еще не успел пригубить свою «чару», выплеснул остаток содержимого своей кружки прямо в его глупую физиономию.

— Пей свою мадерцу, хрен голландский, — с досадой проговорил он и присел на нары.

— А у вас что, ребята? — добавил он, оглядывая смущенных солдат.

С минуту, как у гоголевского ревизора, продолжалась немая сцена.

— Лимонад який, — вдруг заревел своим звериным басом, похожий на медведя Мороз и, взявшись за живот, так захохотал, что стены вагона задрожали.

— Ну и уважив Пятак, трясца твоей матэри, — гремел, захлебываясь от кашля и смеха, веселый хохол.

Взводный подскочил к сгорбившемуся и глядящему исподлобья, как провинившаяся собака, Пятаку. Раздался треск звонкой пощечины. Пятак, как тяжелый мешок, кувыркнулся с верхних нар на пол и, желая спрятаться под нижними нарами, застрял, оставив открытой всю свою по-бабьи широкую заднюю часть. Колени его усердно скользили по полу, но всё остальное не двигалось ни туда, ни сюда.

— От так и сиды, бисов сын, — слегка успокоившись, прохрипел Мороз и своим огромным сапогом так пнул под зад бедного Пятака, что тот завертелся и завыл не своим голосом.

Все вдруг захохотали и сразу же успокоились.

— Ну что, ребята, давайте допьем хотя уж эту пакость, — с досадой вымолвил прапорщик. Молча разлили по кружкам остаток «вина», а жалкому в этот момент актеру сунули в руки самую грязную, без всяких наклеек и сургуча бутылку. Начали пить без тостов и без обычных улыбок.

— Вино! Будь я проклят, вино! — вдруг зашипел своим вечно охрипшим голосом актер, с жадностью допивая содержимое своей маленькой

стопки и артистически протянув в пространство свою левую руку, пальцы которой судорожно и быстро шевелились.

В один миг на него набросились со всех сторон; бутылка была отнята, и честь взвода перед самодовольно улыбающимся прапором была восстановлена.

После неудачной пьянки в Киеве мы почти без остановок доехали до Каменец-Подольска⁵. Здесь эшелон разгрузился, нас группами разместили в оставленных жителями домах. В этом городе уже чувствовалась близость войны: магазины почти все были закрыты. На крышах установлены антенны редких в то время радиостанций. Гражданское население на улицах почти не появлялось.

Солдаты и солдатские песни — вот что наполняло и оживляло замерший город. А по ночам то и дело доносилась далекая пулеметная дробь и грохот орудий.

В Каменец-Подольске должно было закончиться формирование роты. Несколько раз нас водили еще на стрельбу для завершения боевой подготовки. Нужно напомнить, что братья Берлизовы какими-то судьбами остались в Орле, и из вольноопределяющихся в Каменец-Подольск прибыли только мы втроем: Андрей, Яшка да я.

Еще перед отъездом из Орла меня предупредили, что документы на права вольноопределяющихся Андрея и Якова прибыли, а мои где-то затерялись, и их необходимо разыскивать. Я написал об этом домой и успокоился.

Мне хочется сказать еще несколько слов о втором моем товарище Яше Русанове.

Еще в училище он был весьма жизнерадостным и предприимчивым человеком, хорошо играл на корнете и был правой рукой у директора. Но на военной службе он постепенно становился грустнее и грустнее, особенно после того, как в Орле навещала его мать.

Сразу разочаровавшись, по-видимому, в солдатской службе, он стал молчаливым и в свободное время обычно спал в любом положении — сидя, стоя, как угодно, причем рот его во время сна был широко открыт, и оттуда вылетали трубные звуки его могучего храпа.

Когда эта музыка надоедала или даже выводила из терпения, я совал ему в рот корку хлеба, он в тот же миг зажимал ее крепко зубами,

⁵ Город Каменец-Подольский, ныне в составе Украины. В годы Первой мировой войны находился в прифронтовой полосе. 17 (4) августа 1914 г. был занят австрийцами, однако в ночь на 21 (8) августа его очистили.

широко раскрывал глаза и просыпался. Во время этой безобидной шутки вокруг обычно раздавался взрыв смеха. Яшке это не нравилось, и он в конце концов рассердился на меня.

В один из пасмурных зимних дней нашу роту при полном снаряжении выстроили во дворе особняка, где мы размещались, и так мы с полчаса стояли, не понимая, что будет дальше. Наконец появился Ежаков и ротный писарь со списком в руках. Взводный скомандовал смирно. Ежаков поздоровался и начал напутственную речь; она была коротка, проста и переплетена его обычными нецензурными оборотами речи.

Потом писарь пофамильно прочитал состав роты, в числе которой не было Андрея и Яшки. В дополнение всего Ежаков разъяснил, что мои документы до настоящего времени не найдены и поэтому я направляюсь с ротой в действующую часть, а Рыков и Русанов остаются в городе с целью последующей отправки в военное училище.

С этой минуты я оставался один среди чужих мне людей, и поэтому не мог сказать, что эту внезапную разлуку я перенес так легко и просто, хотя внешне я оставался прежним неисправимым мастером любых выдумок и каверз. В последний раз простился с моими друзьями, Яшка не выдержал, и из его больших выпуклых глаз быстро закапали крупные слезы. Я же тихо шепнул ему на ухо: «Яша, ради бога, успокойся и не расстраивай меня — мне сейчас плакать стыдно и нельзя».

Ежаков подошел и, тоже прощаясь, сказал:

— Не падай духом, солдат, пока твоим приятелям повесят на плечи золотые погоны, ты будешь уже защищать свою Родину и станешь героем.

— Становись! — раздалась команда. — Смирно! Правое плечо вперед, шагом марш!

Мокрый грязный снег полетел во все стороны от поступи тяжелых русских сапог. Сгорбившись под грузом полной выкладки и под тяжестью гнетущего сознания роковой неизбежности, люди молча, раскачиваясь в такт подаваемой команды, двинулись в свой, для огромного большинства последний, жизненный путь.

К исходу дня рота втянулась в какую-то опустевшую деревушку. Тут должен был состояться отдых и ночлег. Мокрые и измученные солдаты разбрелись по избам. Многие повалились на холодный глиняный пол и уснули глубоким мертвым сном. Взводный выбрал избу получше и позвал меня с собой. В пустой, но чистенькой комнатке было холодно и сыро — землистый запах мокрой глины вызывал удушливый кашель. Не глядя на страшную усталость, мы нарубили дров из сухой изгороди

и затопили русскую печь. Пламя, шипя и волнуясь, лизало кирпичный свод огромной остывшей печи. Достали воды, согрели чай, и сразу стало как-то легко и уютно. В избу пришли еще двое ребят. Чтобы было веселее и отраднее, за разговором и чаем всё время подбрасывали в печь дрова.

Потом, разомлев от тепла и усталости, забрались на печь, разостлали палатки и уснули богатырским сном. Дневальные у командирской избы без привычки тоже, по-видимому, уснули, и в деревне воцарилась мертвая тишина. Какой-то кошмарный сон внезапно разбудил меня. Я приподнялся. В избе кружился едкий отвратительный дым, смешанный с испарением от мокрых стен и грязных портянок. Удушливый дым перехватил дыхание, из глаз ручьем текли слезы. С большим трудом я растолкал спящего взводного. В момент, когда он протирает глаза и ругался, в углу на печке рядом с нами вспыхнула палатка. Подхватив снаряжение и винтовки, мы, приседая к полу, бросились к двери.

В этот момент красное зловещее зарево ярко осветило лежащий у избы нетоптанный снег. Это соломенная крыша нашей избы вспыхнула ярким факелом, потом затрещали жерди. Огонь шумел и разгорался. Кое-где на порогах соседних изб показались кроваво-красные, освещенные огнем лица проснувшихся солдат. Не успели мы еще прийти в себя и заняться тушением пожара, как вдруг над головами что-то взвизгнуло. Раздался резкий пронзительный взрыв, за ним второй, третий и т. д. Народ начал метаться во все стороны, усталость была забыта. После каждого выстрела падали в снег на землю, вновь подхватывались и бежали, сами не понимая куда.

К счастью, сонные австрийские артиллеристы не могли ночью определить точно расстояние до пожара и стреляли наобум святых. Когда стрельба прекратилась, народ постепенно собрался — все оказались налицо. На следующее утро временный командир, выстроив роту, долго вычитывал мораль о постыдной трусости и страхе. Когда же во время этих нотаций над деревней снова просвистело и разорвалось несколько шрапнельных снарядов, ни одна душа, кроме храброго командира, не тронулась с места. Причина же ночного пожара так и осталась никем не разгаданной.

Вечером того же дня нашу роту под прикрытием маскировки местности подвели к глубокому ходу сообщения, и мы наконец влились в состав 326-го, впоследствии первого большевистского, пехотного полка. Упомянутый 326-й пехотный полк, входивший в состав 82-й дивизии, занимал

рубеж вдоль заболоченной широкой низменной равнины, по другую сторону которой в расстоянии не менее полукилометра располагались австрийские окопы.

Здесь было покойно и тихо, часто за обедом или чаем мы в одиночку бегали прямо по открытой местности. Иногда взвизгивавшие и падавшие на землю пули не приносили вреда и не вызывали никакого страха. Днем большинство людей обычно спали, а ночью дежурили у бойниц или, пробравшись под собственным проволочным заграждением, сидели по сменам до утра в секрете.

Я подружился с пожилым солдатом — артиллерийским наблюдателем, который сидел всегда в наших окопах и сообщал на батарею о замеченных передвижениях групп неприятеля.

Это был мужчина средних лет, уроженец Саратовской губернии. Круглое рябоватое лицо его было украшено густой окладистой рыжей бородой. Роста он был среднего, широкоплечий, крепкий, как дуб. Говорил он очень мало, сидел больше на скамейке и наблюдал в бинокль за территорией противника.

Ранее я неоднократно слышал о блестящих способностях наших артиллеристов, но впоследствии мне пришлось убедиться воочию. Однажды Иван Терентьевич — так звали артиллериста — опустил бинокль и, взяв в руку телефонную трубку, покойно и медленно заговорил:

— Николай Андреевич, слушай: мне думается, что на трубе у завода, чуть правее точки цель № X, сидит австрийский наблюдатель. Надо бы сковырнуть его оттуда.

Потом он снова взял бинокль и назвал еще какие-то условные приметы.

Километрах в трех за окопами противника действительно стояла высокая заводская труба. Через несколько минут в нашем тылу грохнула трехдюймовка, и вслед за выстрелом разорвался снаряд в направлении стоявшей трубы.

— Правей маленько, чуть-чуть, на полспички, — покойно сообщил в телефонную трубку Иван Терентьевич.

Раздался второй выстрел, и перебитая посередине труба стала падать как-то очень медленно, потом быстрее и быстрее, разрушаясь на лету, и затем, грохнувшись на землю.

— Всё в порядке, — сказал наблюдатель и, повесив трубку, обратился тихо ко мне, — попьем чайку што ли?

Я постепенно подружился с артиллеристом и перебрался из сырой, лишенной света землянки в маленькую клетушку нового приятеля,

которая для удобства наблюдения была расположена на холмике, вернее, на самом высоком месте в пределах расположения нашей роты.

В дневное время от безделья и скуки я писал домой письма или развлекался стрельбой по далеким подвижным целям. Иногда далеко за окопами противника появлялась среди низкого кустарника какая-нибудь фигура верхом на лошади или пеший солдат-одиночка. Тут Терентьевич давал мне расстояние, я ставил прицел и начинал гонять зеваку по кустам. Конный старался не обращать внимания на мою стрельбу, но когда мои пули одна за другой всё ближе и ближе начинали посвистывать вокруг него, то последний соскакивал на ходу с лошади и метался по кустам, безуспешно разыскивая убежище на совершенно открытом незащищенном месте.

Эти мои развлечения, по-видимому, изрядно беспокоили моих противников, и вот однажды я чуть не поплатился за них собственной жизнью.

После бессонной ночи, постреляв немного, я забрался в нашу крохотную землянку, прилег на примитивную койку, состоявшую из двух досок, и уснул крепким здоровым сном. В это время австрийский наблюдатель, заметив, вероятно, на нашем холмике своего коллегу, решил отомстить и за сбитую трубу, и за мою назойливую стрельбу. Шестидюймовые снаряды с равными промежутками начали ложиться в районе нашего холмика. Иван Терентьевич куда-то отлучился по своим делам и ничего не слышал.

Помню только момент, как на меня навалилось что-то тяжелое и стало душить упорно и безжалостно. Я хотел повернуться, закричать, но все мои усилия оказались напрасными. Во рту, в глазах было полно земли, дышать было нечем. Потом я как будто поехал куда-то плавно и мягко по наклонной плоскости. Завертелись какие-то красные шары.

— Неужели конец? — мелькнула на один миг страшная мысль, и всё внезапно прервалось. Когда солдаты раскопали мою могилу и привели лошадиными дозами нашатырного спирта в чувство, никаких особых повреждений на себе я не обнаружил. За исключением весьма солидной шишки на лбу, которую соорудила мне висевшая над моей головой тяжелая икона моего религиозного сожителя.

После месячного пребывания в окопах переднего края рота наша вышла в резерв на отдых километров на 4 или 5 в тыл. Разместили нас в сухих уютных землянках на песчаных холмах, заросших молодым сосновым бором. Наиболее важным событием в резерве было долгожданное мытье в бане. Сооружение это было весьма примитивное, для

оборудования его использовалась широкая просторная землянка, в ней стояла огромная каменная печь с котлами. Здесь же у бани коптилось белье и обрабатывалось верхнее платье.

Потом началась обычная военная учеба, в основном метание боевых гранат — наших бутылочных и круглых французских бризантных. На питание нельзя было жаловаться: обед всегда состоял из двух блюд — хороший мясной суп с большим куском мяса и какая-либо каша, очень жирная и вкусная. Сахара и белого хлеба к чаю также было вполне достаточно.

Однажды в сырой дождливый день роту вывели на высокое открытое место для рытья окопов второй линии обороны. Людей расставили вдоль холма и проинструктировали. В самом начале работы внезапно начался жестокий артиллерийский обстрел холма шрапнельными снарядами по всей его площади. Укрытия никакого не было. Народ в страхе начал бросаться во все стороны, некоторые падали и вновь вскакивали на ноги, другие оставались лежать неподвижно; слышались стоны и мольбы о помощи.

Я с Михеем Приваловым побежал в обратную сторону. Сзади раздался взрыв снаряда, я инстинктивно оглянулся. Прямо в моем направлении от белого дыма летел с шипящим свистом осколок металла. В этот миг Михей с такой силой рванул меня за руку, что я тут же свалился на бок. Осколок, взвизгнув, вырвал клоч полы моей шинели и врезался в землю. Я вновь вскочил на ноги, мы спустились в крутой овраг и залегли под нависшими корнями старых деревьев.

Михей взглянул на оборванную полу моей шинели и, улыбаясь, добродушно сказал:

— Быть бы тебе без ноги, да вот везет тебе, приятель.

Михей Привалов был добрый тихий человек. Любил он часто рассказывать о своей Белоруссии, где в мирное время пас коров на сочных лугах у берегов р. Сож; в летнюю жару косил сено, ловил рыбку и гонялся по заводям за молодыми утятами.

До определенного момента я слушал его, но когда рассказ незаметно клонился к воспоминаниям о молодой жене, я старался чем-нибудь прервать его и отвлечь от тяжелой тоски, которая при этих воспоминаниях надолго омрачала его душу.

Сидя по вечерам после работы или занятий в своей землянке, Михей часто говорил мне:

— Вот поедешь скоро в военное училище, станешь офицером, а меня в денщики к себе возьмешь, и заживем мы на славу.

— Михеюшка, дорогой! Ни в какое училище я не поеду, не хочу больше землю топтать — никуда и ни за что, кроме летной школы, меня не заставят ехать.

Целью моей жизни в то время был самолет и воздух. Я рассказывал ему, как в детстве полетел на крыльях с крыши и разбился, и Михай от души хохотал.

В небе часто по вечерам появлялись самолеты, но мы в то время не боялись их. От скуки стреляли по ним из винтовок или любовались, как артиллеристы сажали трехдюймовое полевое орудие на колесо от телеги, вращающееся на забитом в землю колу, и, орудуя этим до смешного примитивным механизмом, довольно удачно вели огонь от обнаглевшим самолетам.

Двухнедельный срок отдыха в резерве пролетел быстро, мы снова вернулись в окопы и разместились немного правее злополучного холма с наблюдательным пунктом. Расстояние между окопами здесь было немного поменьше, и вылезать на бруствер было рискованно. Наши окопы часто обстреливали артиллерийским и минометным огнем.

Наступила теплая южная весна. Жаворонки трепетали неподвижно в горячем воздухе и заливали грешную землю своим радостным беззаботным пением. Потом с высоты небесной они падали в молодую ярко-зеленую травку, которая страстно тянулась к солнцу сквозь густую сеть проволочных заграждений.

Михеюшка стоял на посту у бойницы. Чистый весенний воздух и бойкое щебетание птиц, по-видимому, пробуждали в душе его дорогие воспоминания о своей деревне, о берегах родной реки, и тихие, невидимые миру слезы робко ползли по его обветренным щекам.

Приближался день Пасхи 1916 г. И несмотря на медвежьи условия жизни настроение у солдат было приподнятое. Стрельба как с той, так и с другой стороны почти прекратилась. Начальство стало внимательнее и более вежливо обращаться с солдатами.

И вот наступил день Пасхи. Погода стояла тихая, на голубом небе ни облачка. Солнце едва поднималось, и птицы уже начали свой обычный утренний концерт над мертвой полосой заграждений.

Часов в девять утра на австрийской стороне вспыхнуло красное пламя, и огромный столб фиолетового густого дыма извилистой спиральной колонной поднялся к небу. Это был своего рода праздничный фейерверк. Над австрийскими окопами начали появляться невооруженные солдаты и постепенно закрыли своими серыми мундирами мрачную полосу окопов.

По-видимому, это были солдаты гуцульского происхождения из Закарпатской Украины, которые праздновали Пасху одновременно с нами.

Хотя со стороны командования никакого указания не было, но наши люди почти все тоже выбрались из окопов и, подбрасывая шапки, радостно приветствовали своих братьев — ныне невольных врагов.

Ни единого выстрела нигде не было слышно. И, кажется, если бы эти обреченные люди по всему бесконечному фронту вышли бы друг другу навстречу, взялись бы дружески за руки и дали клятву не уничтожать бесцельно друг друга, то никакая другая сила не могла изменить их решения. И всё остальное превратилось бы в прах перед непобедимой волей народов, но зло, к сожалению, в своем презренном неистовстве окрыленное лукавой хитростью, предательством, безмерной трусостью и ложью, в самом зачатии старается пресечь святыя стремления народных масс.

Офицеры в одиночестве стояли в окопах и о чем-то тревожно шептались вполголоса. По окопам с злобным шипением и безотносительными угрозами пробежал капитан Гречкин⁶ — мерзкая, отвратительная личность. Он был чрезвычайно высок и тощ как жердь. Глупая гордость сходства по внешности с великим князем Николаем Николаевичем⁷ усугубляла его глупость. Обычно в окопах он никогда не показывался, но события этого дня заставили его снизойти до такого решительного поступка. Со стороны австрийских окопов отделилась небольшая группа и, размахивая какими-то предметами, похожими на бутылки, двинулась в нашем направлении.

— Ребята, вино несут, — выкрикнул кто-то в толпе наших солдат. — Айда навстречу!

Доброволец мальчуган Рудницкий⁸ вынес из землянки буханку белого пасхального хлеба, и мы группой в 5 человек, как говорится, с хлебом и солью двинулись навстречу австрийцам.

Не видевшим этой сцены и не бывшим в таких условиях в солдатской шкуре трудно представить себе картину общего восторга

⁶ Командир 2-го батальона.

⁷ Речь идет о Верховном Главнокомандующем вел. кн. Николае Николаевиче (1914–1915 гг.), который был весьма популярен в войсках.

⁸ В годы Первой мировой немало подростков под влиянием патриотических чувств и юношеского азарта сбегало на фронт и участвовало в боях. Среди известных можно выделить поэта Вс. Вишневского, который сбежал из дому в возрасте 14 лет.

и ликования как тех, кто шел на сближение, так и наблюдавших за последними в этот редкий весенний день.

Австрийцы уже не шли, а бежали нам навстречу, в их руках действительно были бутылки с вином. Лица их пылали, глаза сияли. Мягкая украинская речь звучала страстно и восторженно. Руки уже готовы были скреститься в братских объятиях. Но в этот прекрасный, незабываемый миг зашипели как змеи снаряды — над головами со свистом и воем рвалась наша шрапнель.

Всё сразу изменилось: бросая бутылки и пасхальные булки, ребята бросились во все стороны.

Подбегая к своим окопам, заметили мы, что среди нас одного не хватает.

— Поздравили с праздничком, нечего сказать, — свирепо ругаясь и грозя кулаком в пространство, кричал какой-то старый бородатый солдат.

— Это Гречкин, сукин сын, позвонил на батарею и вызвал огонь, я сам слышал, — вполголоса говорил ротный фельдшер.

Вот так печально кончилась наша встреча с «врагами». Тут же всех четверых нас арестовали и поодиночке посадили под строгий арест в отдельные землянки⁹.

Наша вина усугублялась отсутствием пятого товарища. «Что будет дальше», — невольно возникал тяжелый, гнетущий вопрос.

Какая кара угрожает нам, не имели мы никакого понятия. В этот же день вместо пасхального обеда нам прислали только хлеб и холодную воду. Вечером, согнувшись в три погибели, в мою землянку ввалился пьяный капитан Гречкин. Еще никогда и никто в жизни не вызывал во мне такого отвращения и злобы, какое закипело в душе в этот жестокий момент. Мне тут же хотелось вцепиться ему в горло и задавить, как собаку.

По-видимому, мои переживания отражались в тот миг на моем лице, так как Гречкин, выпрямившись и пошатываясь, занес свой хлыст над моей головой, но внезапно попятился и опустил руку.

⁹ «Братания», особенно во время религиозных праздников — под Рождество и на Пасху, — характерны как для западного (французского), так и восточного (русского) фронтов. Один из первых зафиксированных случаев братания произошел в декабре 1914 г. в Восточной Пруссии (см.: *Литтауэр В.* Русские гусары. М., 2006). Широкий размах братания приняли на Пасху 1916 г., которая совпала с праздником противника (10 апреля). См.: *Асташов А.Б.* Указ. соч. С. 214.

Поток низких ругательств и оскорблений, как из рога изобилия, вместе со слюной вылетал из поганых уст этого человека.

— Офицером думаешь быть... — визгливо кричал он. — Я покажу тебе...

Я стоял молча и глядел ему прямо в глаза. Руки у него чесались, несколько раз поднимал он свой хлыст и снова нехотя опускал.

Потом, изменив внезапно тон, сдержанно спросил:

— Кто первый из вас решился на измену?

— Какую измену? — невольно вырвалось у меня.

— А вот когда расстреляют, узнаешь, — снова взбесившись, заревел он¹⁰.

В это время в проходе появился вестовой командира полка, он пошел к Гречкину и что-то шепнул ему на ухо. Последний повернулся к выходу и торопливо с помощью солдата вышел наружу.

Вход в мою землянку снова загородила спина часового. На следующий день я узнал от часового, что наш пятый товарищ возвратился от австрийцев обратно, и у меня сразу стало легче на душе.

Оказывается, он в испуге побежал по ошибке не в ту сторону и попал в окопы австрийцев. Там ему (по его рассказам) завязали глаза и повели в штаб какой-то части, усадили за общий для солдат и офицеров стол, накормили и напоили вином настолько, что в тот же день он не в состоянии был возвратиться обратно.

Через несколько дней меня привели в штаб полка, поставили в углу и велели ждать.

Молодой стройный адъютант заканчивал диктовать писарю какую-то телеграмму и искоса поглядывал на меня.

— Ну а теперь повтори, что написал, — сказал он старшему писарю с тремя лычками на погонах. Тот привстал с места и рабски наклоняясь, стал читать:

— Командиру четвертого батальона, подполковнику Р.¹¹ По каким естественным надобностям отправлен поручик М. в г. Черновцы?

Звонкий веселый хохот оборвал его чтение. На пороге показался смеющийся командир полка полковник Чижевский.

¹⁰ «Сношения с неприятелем» без злого умысла карались разжалованием в рядовые или отправкой в исправительные арестантские отделения на срок от трех до шести лет.

¹¹ Командиром 4-го батальона был подполковник Распопов.

— Дурак ты, — закричал адъютант на писаря, — что ты написал? Не по естественным, а по хозяйственным надобностям, чурбан ты этакий!

Солдат виновато согнулся в дугу, а полковник, держась за толстый живот, добродушно и заразительно хохотал. Захохотал и адъютант, и даже сам грамотей-писарь...

Когда полковник немного успокоился, к нему подошел адъютант и что-то шепнул на ухо. Старый седой полковник, продолжая как-то приветливо улыбаться, внезапно задал мне вопрос:

— Ну-ка, скажи-ка мне, вояка, по каким естественным надобностям ты ходил к австрийцам?

Он снова захохотал, не выдержав, засмеялся и я. Полковник подошел ко мне, положил руку на плечо и, глядя в мои почти детские глаза шестнадцатилетнего мальчугана, как-то по-отцовски тихо и внятно сказал:

— Постарайся проявить себя в чем-нибудь более серьезном — забудь свое детство, и теперь иди себе с богом в свою роту.

Я что-то пролетел ему вслед и выскочил на свободу, как ранней весной вылетают из клеток птицы.

Через несколько дней после моего возвращения в окопы нашу роту, а может быть и весь полк, было приказано перевести на новый участок. Это был период позиционной войны, и поэтому части всё время передвигали по фронту. По длинным и замаскированным ходам сообщения выбрались мы наконец из грязных окопов, на дне которых почти всё время текла грунтовая вода, отчего ноги у нас были вечно мокрые.

Горячий весенний воздух легким ласкающим ветерком приветливо встретил вытянувшуюся в длинную извилистую цепочку группу уставших подземных жильцов.

Пыльные шинели, ремни заплечных мешков и винтовки на плечах отягчали движения людей. К полудню знойный воздух быстро вызвал испарину и нестерпимую жажду. К тому же утром перед походом народ был накормлен соленым селедочным супом. Солдаты шли молча, наклонившись вперед, и тяжело дышали, как рыба, выброшенная волной на сухой берег. Пот, смешанный с черной пылью, грязными потеками струился по медно-красным измученным лицам. У каждого в голове была только одна мысль: «Пить, пить, пить...»

Мы с Рудницким, заметив медленно вырастающую за холмом группу деревьев, прибавили шагу и оторвались от группы.

Вскоре показался скрипучий журавль, за ним соломенные крыши, затем сверкающие на солнце своей белизной стены приземистых хат и, наконец, давно жданный колодец.

Не глядя на тяжелое снаряжение и усталость, мы бросились бегом к колодцу. В это время молодая девушка-молдаванка в белой с особым вкусом вышитой сорочке, с ярко-синими цветами в черных волосах и сама как прекрасный сочный цветок, с напряжением поднимала из колодца тяжелое ведро с водой. Мы, как жадные волки, даже не успев попросить разрешения, с жадностью припали с двух сторон к широкому ведру, долго пили, потом на секунду оторвались, чтобы перевести дух, и снова начинали поглощать холодную чистую воду.

— Ой, бедные, бедные, — прошептала она, с глубоким участием глядя на нас грустными выразительными глазами.

Утолив жажду, тяжело дыша и счастливо улыбаясь, я тоже посмотрел на нее и, пораженный ее свежестью и исключительной красотой, не смог оторвать взгляда.

Рудницкий тащил из колодца второе ведро, а я всё смотрел и смотрел на нее. Девушка немножко смутилась, дыхание ее стало глубже и чаще, отчего яркие цветы на груди ее белоснежной сорочки заколыхались и вздулись, как волны.

— Не смотри так, не надо, — лукаво улыбаясь, сказала она и порывисто закрыла глаза мне своею рукою. В этот миг горячее пламя ее дыхания, как огнем, обожгло мне лицо. Потом молодая проказница быстро наклонилась, схватила ведра и чуть ли не бегом, круто изгибая свой стройный стан, исчезла в густой зелени сливового сада.

В это время подтянулась к колодцу основная масса народа. Загрели котелки, ведра, баклажки. Колодец окружили плотным живым кольцом. Журавль почти непрерывно скрипел и визжал монотонно и противно, разжигая еще больше жажду у тех, кто никак еще не мог пробиться к колодцу.

— Привал! — раздался протяжный голос фельдфебеля.

У первой избы я перешагнул через изгородь в сад, сбросил с себя все свои доспехи и растянулся на мягкой траве в тенистой прохладе развесистых сливовых деревьев.

Поодаль улегся Рудницкий и еще другие ребята, но я уже не видел никого. Легкое поскрипывание колес походной кухни не пробудило во мне чувства голода. Я засыпал крепким глубоким сном. На один только миг в фиолетовом мраке легкой тенью проскользнул воображаемый образ юной красавицы и тихо исчез вместе со звуками окружающей жизни.

Снова в окопы

День угасал. Багряное солнце тихо спускалось в прохладу вечерних туманов. Синие тени от изб и садов росли и сгущались. От заплывшей туманом лощины освежающий ветер привлек за собою сырую прохладу земли. Во время дневного привала народ отдохнул и окреп. Тихо брэнча котелками и флягами, рота построилась и ждала команды.

К строю приблизился молодой черноусый прапорщик Семенов и без особых церемоний объявил, что рота наша сегодня заступит на самый тяжелый участок фронта — между окопами противника и нашими всего лишь сорок шагов. В окопах говорить тихо, зря не соваться в бойницы. Быть елико возможно осторожными и беречь свою жизнь.

— А теперь с богом, ребята, на ходу не шуметь, не курить.

Полная рота снова превратилась в цепочку и потянулась к широкой лощине, залитой тягучим вечерним туманом.

Сознательно медля шаги, смотрел я по всем сторонам, чтобы еще хоть раз взглянуть на ту самую девушку, что была у колодца. Но ни одна душа не провожала нас, только пустой безразличный лай какой-то охрипшей собачки напоминал о не совсем еще угасшей жизни в этой глухой деревушке. Когда мы отошли уже шагов на сто от последней избы, я оглянулся на счастье последний разок. На огненном фоне залитой вечерней зорей стены, вся как яркое пламя, заслоняя рукой глаза от низко скользящих лучей, с кувшином в руке смотрела нам вслед та самая девушка. Но головные бойцы уже погружались в густую молочно-белую массу тумана, сначала по пояс, потом всё глубже и глубже, постепенно исчезли, качаясь, их головы, и так вся живая цепочка людей, как сказочных рыцарей, скрылась в тяжелой прохладе дневных испарений.

Молча мы заняли места свои в новых могилах, и так же молча исчезла сменяемая нами усталая рота.

Последний бледно-розовый луч робко скользнул сквозь туман по струнам немых заграждений, быстро угас. И как бы на смену ему, описывая пологие дуги, ввысь полетели одна за другой ракеты, ярко освещая своим холодным светом мир, разделенный железным кольцом.

Ночью никто почти не спал: распределяли блиндажи, устанавливали пулеметы, с неприятельской стороны иногда раздавались одиночные выстрелы. У нас же была мертвая тишина. Этот жуткий покой своей таинственностью возбуждал у бойцов гнетущую тревогу.

Утренний рассвет и первые лучи солнца ободрили усталых людей. Большинство разбрелось по блиндажам на отдых. Часть осталась на постах у бойниц.

Наш старый взводный расхаживал по окопам и по-хозяйски во исполнение приказов начальства давал разные указания бойцам. Между двумя линиями окопов была сплошная сеть проволочных заграждений. Высокие буйные травы густо заслоняли бойницы и нарушали видимость неприятельских окопов. Взводный заглядывал то в одну, то в другую из них, смущенно пожимал плечами и тихонько про себя ворчал.

— Придется взглянуть через верх, — с досадой прошептал он и, поднявшись на выступе, осторожно приподнял голову над окопом. Почти в этот же миг взвизгнула пуля и щелкнула, точно что-то задела на своем пути. Широкоплечая фигура взводного скользнула вниз и мешком упала на дно окопа. Пуля пронзила верхушку черепа. Смерть наступила мгновенно. Прибежал ротный фельдшер. Убитого солдата положили на носилки. По-видимому, в отместку за него один из бойцов сделал два выстрела из соседней бойницы и, перезарядив винтовку, приложился снова, но винтовка дрогнула в его руках, и он, подобно взводному, уже лежал на дне окопа.

И так как стереотруб у нас еще не было, то за день на этом участке наш батальон потерял таким образом около пятидесяти человек.

Как мы узнали потом, против нас стояла в то время какая-то немецкая воинская часть; винтовки у них были установлены на станках и точно пристреляны по нашим бойницам, с утра солнце светило со стороны противника и освещало заднюю стенку наших окопов, благодаря чему наши пустые бойницы всегда были светлые, и стоило только в одной из них появиться тени, как в тот же момент раздавался выстрел — новая жертва падала, сраженная наповал.

Взбешенный капитан Гречкин, замещавший командира нашего батальона, приказал бомбометчикам открыть огонь по немецким окопам. Но это была лишь медвежья услуга, так как в ответ на огонь нашего единственного бомбомета немцы буквально засыпали нас бомбами; они рвались всюду у бойниц, в окопах, залетали под блиндажи и навели страшную панику на не привыкших еще к такой барабанной музыке наших миролюбивых ребят.

Лишь только вмешательство нашей артиллерии прекратило эту неравную дуэль.

Тут я еще раз убедился в изумительно точной ее стрельбе. После первых же залпов батареи бревна блиндажей противника, как спички,

летели вверх, и ни один снаряд не падал мимо. Когда в немецких окопах началась суета и паника, артиллерия покрыла их еще несколькими залпами шрапнели.

Такие дуэли и перестрелки впоследствии проходили почти каждый день, но австрийская артиллерия никогда не вступала в эту борьбу, так как ее снаряды большей частью ложились в собственные окопы или делали большой перелет.

Вот в этих условиях позиционной войны и безопасности нашего командования ежедневно выбывало из строя два-три десятка солдат батальона¹².

Знакомый вам уже киевлянин-кузнец Пятак был веселый и беспечный солдат. Никогда его, казалось, ничего не смущало, и ничего он не боялся. Улыбаясь и шуря свои маленькие, красные от недостатка сна глазки, он всегда развлекал солдат разными рассказами, и особенно он любил вспоминать о неудавшейся пьянке в эшелоне добытым в Киеве «вином».

Как-то, проходя по окопу, я увидел Пятака, сосредоточенно ковырявшего булавкой внутри какой-то блестящей трубки. Убедившись, что это капсуль от гранаты, я выхватил его у Пятака из рук и швырнул за окоп.

— Та я ж наплював туды, — с досадой просопел Пятак и, по-видимому, рассердился на меня.

— Добрый мунштучок бы вышел, — бурчал он себе под нос.

Возвращаясь обратно, я заметил, что он снова ковыряет такой же капсуль. В момент, когда я поравнялся с ним, раздался сухой треск, бедный Пятак в обмороке присел на дно окопа, а обрывки мяса и кости пальцев его левой руки прилипли к его и частично к моей гимнастерке. Этим он и кончил свою нелегкую военную службу, да и кузнецом ему больше не бывать.

Через некоторое время стоявшую против нас часть сменили, на ее место заступила другая, более покойная и бесшумная, вероятно, какая-то кадровая немецкая группа.

На нашем так называемом минном участке наступило успокоение. Немцы почти совершенно перестали стрелять, к чему постепенно приучили и нашу часть.

Иногда их солдаты сознательно выглядывали из окопов и, убедившись, что мы не охотимся на них, стали вести себя гораздо смелее.

¹² Так, за период с 14 (1) по 18 (5) мая полк потерял 54 нижних чина ранеными и убитыми, с 19 (6) по 25 (12) мая — 57 человек, с 27 (14) по 3 июня (21 мая) — 45 человек. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 155. Л. 1–2.

Как мы, так и немцы начали ходить на кухню часто не по ходам сообщений, а просто вылезали из окопов и группами двигались по открытому полю. Иногда мы взаимно с противником развлекались стрельбой по мишеням. Немцы выставляли на палке кусок фанеры или что-либо другое с нарисованной мелом или углем целью, мы стреляли по ней, а они потом штыком показывали точку попадания. Мы выставляли им цинк от патронов и таким образом соревновались в стрельбе.

Не знаю, сколько бы времени продолжалось это содружество, но вот в одно прекрасное утро прошел слух, что после болезни в нашу роту возвратился действительный ротный командир — прапорщик С.

Последующее появление его в окопах сразу же ознаменовалось резкими поступками, ничем не отличающимися от обычного хулиганства. Во-первых, он всегда был пьян. Его стеклянные зеленые глаза не выражали никаких человеческих чувств. Создавалось такое впечатление, что они были совершенно неподвижны, так как людям в глаза он никогда не смотрел и, проходя, не обращал никакого внимания на обычные приветствия. Физиономия у него была рябоватая. Рыжая борода, подстриженная наподобие Николая Второго.

— Хорош, кажется, гусь появился у нас, — шептались между собой ребята, стараясь не попадаться ему на глаза.

— Да к нашему берегу ничего хорошего не приплывает — то щепка, то дерьмо, — угрюмо добавлял обычно старый солдат Золотуцкий, покручивая свои реденькие, но длинные усы.

Неразлучным другом прапорщика С. была тяжелая нагайка, для которой он, проходя по окопам, подыскивал работу.

Однажды здорово, по-видимому, клюнувши, ротный, спотыкаясь на ровном месте, шествовал в одиночестве по окопу, размахивая своей плетью. Золотуцкий стоял на посту у бойницы и, по уставу, не обернулся и не приветствовал прапорщика С.

— Честь! — заревел последний и сколько есть мочи огрел пожилого солдата нагайкою по спине. От внезапности удара солдат схватился за голову и присел возле бойницы.

— На пост! — снова завыл ошалелый командир и еще два раза ударил нагайкой солдата. И не обращая более внимания на пострадавшего, зашагал дальше.

Таким образом в этот день он переколотил большую половину роты. Его возмущению и бешенству не было границ, когда он узнал о наших гуманных отношениях с противником.

И вот однажды немецкие солдаты, выбравшись из окопов, шли покойно на кухню, прапорщик С. заревел:

— Изменники! — и, схватив винтовку, сам начал стрелять по ним. В тот вечер и ночь бомбы и мины противника градом сыпались в наши окопы. Снова появились ненужные жертвы. Атмосфера в окопах стала тяжелой, гнетущей и накаленной.

Как-то сидели мы втроем в блиндаже и делились впечатлениями о нашем звероподобном командире. Золотуцкий не мог вынести обиды, и на его глазах появились слезы.

— погоди, голубчик, в первом бою мы как-нибудь с тобою рассчитаемся, — украдкой утирая горячую слезу, прошептал оскорбленный солдат. Обиду нашего ни в чем не повинного товарища мы воспринимали как свою собственную и тут же вынесли свой приговор.

Минные галереи

Раннее тихое утро, синий безоблачный купол небес предвещал дневной зной. Над окопами, назойливо треща, кружил немецкий самолет-разведчик. От скуки солдаты стреляли по нему, но безрезультатно. В воздухе то там, то здесь вспыхивали белые клубки шрапнельных разрывов.

Из офицерской землянки вышел ротный писарь с бумагой в руках и, подходя к бойцам, задавал вопросы:

— Нет ли кого среди вас шахтеров?

Список его начал быстро расти. Знающих шахтерское дело оказалось немало. Было это правдой, или многие, соображая, что таким образом можно вырваться из окопов, записывались, не имея не малейшего понятия в шахтерском деле, но всё же довольный писарь быстро возвратился в землянку с большим списком шахтеров.

К вечеру в окопы принесли лопаты, кирки, ломы, построили новопеченных шахтеров и объявили, что с этой ночи начнется сооружение галерей под окопы противника.

Бедные ребята повесили носы, но делать было нечего, пришлось приступать к работе. Галерея сначала спускалась вниз метра на полтора-два, потом переходила в горизонтальное направление. Вскоре появились грунтовые воды, борьба с которыми в данных условиях была очень тяжелая, так как никаких насосов из-за создаваемого ими шума применить было невозможно.

Цель этих траншей-подкопов заключалась в организации мощного взрыва непосредственно под окопами противника, после чего

в созданную таким образом воронку должна была врваться пехота и вклиниться в линию расположения врага¹³.

Не скажу, что это мероприятие особенно привлекало нас, так как результат этого броска, хотя и смутно, мы представляли себе.

В ближайшие дни в результате наблюдения за противником выяснилось, что и под наши окопы уже давно ведутся такие же подкопы.

Мысль о столь приятной возможности — в один прекрасный момент взлететь поближе к небесам и оттуда разбросать свои бранные кости на грешную землю — тоже была не из особо утешительных. Солдаты прислушивались к всевозможным шумам и стукам в земле, нервничали и почти не спали ни днем, ни ночью.

Бедные шахтеры, грязные, измученные, по колено в воде, копались, как кроты в темных сырых подземельях. Работа подходила к концу, вскоре привезли взрывчатку и начали закладывать мины. Все солдаты и офицеры болезненно переживали и духовно страдали. «Кто раньше взорвет?» — вот мысль, которая день и ночь мучила всех и не давала покоя.

Преимущество нашего первого взрыва, как из двух зол лучшее, вселяло некоторую надежду на сохранение жизни, ибо нет и не было на земле героев, даже сознательно идущих на верную смерть, в тайниках души которых не теплилась бы самая ничтожная искра надежды на жизнь. Суровая же действительность или, может быть, так называемая судьба готовила совсем другое: минные галереи остались невзорванными и быстро были забыты в результате нарастания новых, более грозных событий.

В период этих бесконечных тревог, физических и духовных переживаний я получил извещение от матери о смерти старшего брата, и, как ни странно, сообщение это не вызвало жалости. Письмо мне передал прапорщик Семенов, который тут же присутствовал при чтении последнего.

Я прочел, свернул и положил в карман. В то время цензура проверяла каждое письмо, а поэтому Семенов знал его содержание.

¹³ Развитие тактики подземно-минной войны стало одним из следствий установления позиционного фронта, когда каждая сторона искала новые способы преодоления инженерных заграждений противника. На русском фронте (позиционная война установилась лишь осенью 1915 г.) известно до 50 случаев осуществления подобных минных работ, на западном фронте подобная тактика получила большее распространение. См.: *Ардашев А.* Великая окопная война. М., 2009. С. 382–416. Вместе с тем вполне возможно, что в данном случае автор путает и речь идет о создании инженерного плацдарма, который позволял в случае наступления незаметно приблизиться к окопам противника.

- Ты всё прочел? — недоумевая, задал он мне вопрос.
- Да, всё, — ответил я.
- У тебя, кажется, умер брат?
- Да, умер.
- И тебе не жаль?
- Не знаю, — ответил я. — Сам не понимаю, почему не жаль.

Вероятно, за это время очерствели и притупились чувства. Прапорщик покачал головой и отошел. И лишь только ночью, когда я остался один на посту у бойницы, в сознании так болезненно и ярко воскресли последние минуты прощания с братом и матерью. В обостренном сознании прозвучала песня пьяных новобранцев, предсказавшая роковой исход моей собственной жизни. И последний унылый протяжный свисток паровоза.

Брусиловский прорыв

В последние дни, когда заканчивалась постройка минных галерей, во время прогулок по бесконечно длинным ходам сообщений на кухню за обедом и ужином, в тылу наших окопов за холмом чувствовалось какое-то необычное движение.

В садах появились повозки с лошадьми. Избы заполнились артиллеристами, их всегда можно было легко узнать по возрасту, по мощным фигурам и по сосредоточенным бородатым лицам. Пулеметные тачанки, зарядные ящики, горы свободно лежащих снарядов и другие военные средства заполняли сады и овраги наших тылов.

В разных местах участка артиллерия отдельными выстрелами вела пристрелку по окопам и тылам противника, на что последний отвечал массированным непрерывным огнем. Но наша артиллерия не поддавалась на вызов и не изменяла темпа.

В один памятный вечер солдатам пополнили запас патронов, а гренадерскому взводу, в котором состоял и я, выдали по 6 штук круглых чугунных бризантных гранат с капсулями и велели проверить ножицы. По окопам осторожно и бесшумно проносили дополнительные пулеметы и бесконечное количество ящиков с пулеметными лентами. Появились какие-то новые, незнакомые нам минометы с похожими на огромную свеклу минами.

Хотя мы еще не понимали и не знали причины этих непонятных и таинственных перемещений, но инстинкт, по-видимому, бессознательно подсказывал: о сне не было и мысли, по телу пробежала дрожь. Всю ночь в наших окопах стояла мертвая тишина — ни одна

ракета, ни один выстрел не нарушали этот таинственный грозный покой. Но мертвое пространство между окопами было залито непрерывающимся светом множества ракет противника и летающими стрелами его прожекторов. Сколько можно было охватить бессонным взглядом в обе стороны вдоль окопов, всюду холодный свет ракет и огни прожекторов насыщали мрак встревоженной ночи и терзали тяжелыми предчувствиями возбужденное сознание «царицы полей». Ночь приближалась к концу. Зеленый луч еще невидимого солнца уже проник сквозь уходящие волны тумана, с его появлением слегка улеглась и ночная тревога людей.

Вдвоем с Золотницким в углу блиндажа вскрыли мы неразорвавшуюся австрийскую бомбу, зажгли тротил и, как обычно, повесили котелок с водой, чтобы согреть чайку, в обществе которого всегда приходит успокоение возбужденных нервов, а его горячая влага выгоняет из организма озноб от сырого ночного тумана.

И вдруг в этот короткий миг ничтожного блаженства, в затаенной тишине небесного свода раздался страшный свист, рев и грохот, как будто небо разорвалось на две части и все предшествующие летние громы обрушились на грешную землю.

Рев нарастал с невероятной силой и скоростью, блиндаж задрожал, земля посыпалась в котелок и чашки. Мы выскочили на воздух. К грохоту орудий присоединилась нестерпимая трескотня пулеметов. Шестидюймовые снаряды безжалостно разрушали первую и вторую линию обороны противника. Вместе с огнем и столбами черной земли кверху летели бревна, кровати, шинели, трупы людей. Трудно описать и еще труднее представить не выдавшему эту ужасную работу нашей прекрасной артиллерии. К ее бешеному урагану примкнули отдельные потрясающие взрывы огромных мин.

Австрийская артиллерия пыталась беспорядочно отвечать, но никакого влияния на темп нашей артиллерийской атаки не могла оказать, быстро была подавлена и уничтожена. Линия австрийских укреплений постепенно превращалась в подобие свежевспаханной пашни, поднятой невидимым колоссальным плугом.

Пулеметы не ослабляли своего треска, резали и рвали в клочья сплошную сеть проволочных заграждений. Разрушив передние укрепления, артиллерия переместила огонь на более глубокие тылы. Шрапнель осыпала свинцовым дождем ходы сообщений и районы командных пунктов. Солдаты в боевой готовности воспаленными болезненными глазами, полными неясной тревоги, молча наблюдали за работой

свистящего металла и ждали атаки. Сейчас уже всем была ясна цель артиллерийской подготовки. По всем признакам можно было начинать атаку, но командование почему-то медлило — по-видимому, не были еще готовы соседние участки.

Лишь только во второй половине дня, когда в окопы вошли новые, незнакомые солдаты, нашему гренадерскому взводу велено было по заранее подготовленным норам выползти в мертвую зону и приступить к уничтожению проволочных заграждений.

Трудно вспомнить и невозможно описать то притупление чувств, во власти которого я находился с момента выхода в мертвое пространство железного кольца. Вытянув перед собою ножницы, мы ползли, как змеи, к колючей проволоке сплошных заграждений. Густая трава, постриженная сверху пулеметным огнем, который всё еще не прекращался, служила прекрасной маскировкой для нашей работы.

Когда же мы подползли вплотную к заграждениям, то оказалось, что их уже не существует — всё было иссечено на куски пулеметным огнем, и лишь кое-где на подрезанных кольях и рогатках висели отдельные куски колючей проволоки, которая не могла служить препятствием для атаки. Обследовав пространство перед расположением своего батальона, хорошо натренированные гренадеры теми же путями возвратились в свои окопы под массивным прикрытием всех видов огня.

И вот только после этого была произведена короткая подготовка к атаке. Уплотненным строем люди были выстроены у бруствера. Бойцы вновь зарядили и проверили винтовки. Гренадеры вставили в бомбы капсуля и теми же тайными тропами выбрались из окопов. Пулеметный огонь прекратился. Артиллерия крошила тылы.

По условному сигналу мы вскочили на ноги, с криками «Ура!» и с бомбами в руках бросились на австрийские окопы. В этот же момент позади нас сплошной стеной поднялась наша пехота. Могучее «Ура!» грозным ревом прокатилось по фронту.

На месте австрийских окопов беспорядочно затрещали отдельные винтовочные выстрелы, которые были сразу заглушены и подавлены гранатами.

В несколько секунд была занята первая линия окопов противника. Какой-то обезумевший от страха австриец, бледный как полотно, стоял неподвижно с поднятыми руками. Прапорщик С. ударил его по голове наганом и тот медленно сел и опрокинулся на бок. Артиллерия снова перенесла свой огонь в более далекие тылы. Таким же образом,

но с большим азартом была занята и вторая линия обороны. Вдруг в нескольких километрах впереди к небу взвился сначала беззвучный огненный столб. Через две-три секунды земля вздрогнула, и мощный ревущий звук взрыва докатился до нас.

— Ну, всё в порядке, склады взрывает! — почти восторженно закричал какой-то старый солдат.

— Теперь можно спокойно двигаться вперед, — добавил он.

Форсированным маршем продвинулись мы еще вперед на два-три километра и остановились у какого-то полуразрушенного завода. Здесь было приказано окопаться.

Трудно сказать, какую цель или какой тактический смысл имели эти остановки, так как впереди еще пылало зарево горящего склада боеприпасов, и ясно было, что противник уходит на более отдаленные позиции. В густых цепях солдат кто окапывался, кто после дневных тревог уснул тут же глубоким беспробудным сном. Но есть люди, которые всегда чего-то ищут, что-то им нужно, точно что-то где-то забыли.

Полуразрушенное сооружение, у которого мы окапывались с вечера, оказалось винокуренным заводом. Разведка и боевое охранение еще с вечера были двинуты вперед, и народ всю ночь мог отдыхать.

На рассвете после подъема кой-кого в строю не оказалось, а некоторые солдаты были очень развязны и нетвердо стояли на собственных ногах. Начались поиски в окрестностях завода, где и нашли трех солдат, в том числе и одного нашего гренадера-украинца, по профессии борца, мертвецки пьяными в канаве под кустом. У него не оказалось даже при себе винтовки.

Ротным командиром прапорщиком С. тут же было организовано наказание, причем досталось больше всех злополучному борцу. Его били по голой спине шомполами. Больше всех, конечно, злорадствовал и даже сам с нагайкой в руке принимал участие в наказании ротный командир. Могучий мужик перенес побои молча, но когда он встал с искаженным от боли лицом и, шатаясь, взглянул на прапорщика, тот вздрогнул и, съезжившись, ускользнул сквозь недобрый шепот солдатской глядящей исподлобья массы.

Пострадавшему борцу хотели надеть гимнастерку, но она не влезла на распухшую, покрытую потоками крови спину. Так его и увели полуголого с арены импровизированного Колизея на берег заросшего кустами пруда.

На пути нашего движения стоял город Черновцы. Австрийцы укрепились вдоль правого берега Прута и считали, как выяснилось потом, при опросе пленных, свои позиции совершенно неприступными.

На левом берегу реки, куда подтягивались наши ударные силы, раскинулся густой старинный лиственный лес, что весьма благоприятно способствовало тактической подготовке очередного удара.

Пятого июня на рассвете вновь загремела наша тяжелая шестидюймовая артиллерия. Крутой обрывистый берег Прута, на котором в непосредственной близости от реки находилась первая линия обороны противника, быстро из ярко-зеленого начал краснеть, точно его кто-то красил невидимой кистью. Несколько цепей русской пехоты, как накалившая лава, незаметно двигались в условиях прекрасной лесной маскировки к исходным рубежам.

Пулеметный и артиллерийский огонь огненным валом бушевал над австрийскими позициями, снова сметая на своем пути заграждения и живую силу противника. Огненный рев не утихал ни на секунду. Артиллерия противника, не имея точных сведений о расположении готовых к атаке русских войск, хотя и много, но беспорядочно обстреливала лес и левый берег реки. К исходу дня пулеметные роты вышли на рубеж и открыли жестокий огонь по переднему краю обороны врага. Под их прикрытием саперы бросились в воду и стали наводить узенькие, без перил пешеходные мостики, и хотя переправы еще не были закончены, пехота непреодолимым потоком бросилась в атаку. Мощное «Ура!» грозными волнами, не умолкая, колыхалось над почерневшим Прутом.

Длинными извилистыми цепочками бойцы устремились на незаконченные еще переправы. Перебегали, прыгали в воду, карабкались по откосам, разрушали заграждения. Многие падали с мостков в быстро бегущие воды реки и беззвучно исчезали, уносимые мутными кипящими волнами.

И когда под прикрытием крутого берега реки накопилось достаточно сил, атака возобновилась. За откосом загремели взрывы ручных гранат. Штыки судорожно склонились вперед, и снова загремело и покатилося по полям Галиции и Буковины русское могучее и неотразимое «Ура!»

Город пал¹⁴.

¹⁴ Изложение хода этих боев мемуаристом несколько отличается от журнала военных действий 326-го пехотного полка и описания боев в научной

Утром на чистеньких улицах древнего украинского городка ничем не нарушался обычный покой и тишина. Усталые поредевшие части этот день отдыхали. Но по хлебным полям и пыльным дорогам Галиции непреодолимым валом продолжали двигаться новые, свежие части русских брусиловских армий.

Знойный безветренный день, накаленный воздух, насыщенный желтой пылью, клубящимися волнами тянулся по дороге вслед за густыми колоннами войск. Пыль проникала всюду, хрустела на зубах, раздражала глаза, проникала под одежду и, смешанная с обильным потом, вызывала нестерпимое желание броситься в первый попавшийся на пути ручей. Усталая пехота двигалась молча, тяжелая выкладка вместе с запасом патронов и гранат отягчала ее грузные движения. Кое-где побрякивали закопченные котелки да пустые стеклянные фляги. Медленно ползли походные кухни, выпуская в мутно-желтый воздух голубоватые струйки едкого дыма. Сквозь густую завесу легкой горячей пыли слабо обрисовывался медно-красный солнечный диск.

В глубоком овраге с остатками разрушенного моста застряла артиллерия. Широкоплечие бородатые мужики — солдаты запаса, напрягаясь, как буйволы, помогали выбившимся из сил лошадям. В воздушном

литературе. В самом начале Брусиловского прорыва 4–5 июня (22–23 мая) полк выполнял пассивные задачи. Только 6 июня (24 мая) он безуспешно пытался перейти в наступление. Затем 10–11 июня (28–29 мая) он участвовал в общем преследовании австрийцев, выйдя к р. Прут. С 12 июня (30 мая) по 18 (5) июня 325-й полк вместе с 326-м (оба входили в состав 1-й бригады 82-й дивизии) находился в резерве. 16 (3) июня 82-я пехотная дивизия была включена в состав 11-го корпуса. Вечером того же дня 326-й полк был выдвинут в м. Садогуры. 17 (4) июня противник занимал предмостную позицию у ст. Зучка, овладеть которой было приказано частям 32-й пехотной дивизии. Артиллерийская подготовка (в ней участвовало более 60 орудий) велась с 11:00 до 16:00. После чего 125-й Курский пехотный полк бросился в атаку, захватив позицию и пленив 1500 австрийцев. На 18 (5) июня по армии был отдан приказ форсировать р. Прут. В 3 часа утра 328-й Новоузенский полк (из состава 2-й бригады 82-й дивизии) бросился в атаку и после тяжелого боя занял г. Черновцы, взяв 1000 пленных и 10 орудий. Поскольку переправа через Прут происходила в тяжелых условиях, из резерва была выдвинута 1-я бригада 82-й дивизии. 326-й полк двинулся в захваченные Черновцы, где командиру полка полковнику Н. К. Чижевскому горожане поднесли ключи от города. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 1–2; *Базаревский А.* Указ. соч. С. 127–128.

пространстве над ними витала самая отборная русская брань, ибо никто во всем мире не владеет такой изощренной и крепкой руганью, как русская конная артиллерия. То, что подчас не могли сделать крепкие, выносливые кони, с успехом выполняли сами артиллеристы, вынося на руках свои тяжелые орудия.

Тут же, в хвосте, двигалась в пестрых расшитых кафтанах с кривыми, чеканенными серебром и золотом саблями кавалерия из так называемой туземной дивизии, которая никогда не принимала участия в боях. Болтаясь по дорогам и селениям, наводила она животный страх на и без того напуганное население.

Армия двигалась в направлении Карпат. 12 июня на рассвете, растянувшись снова цепями, вышли мы к берегам реки Серет. Под слабым артиллерийским огнем с незначительными потерями были быстро форсированы три отдельные рукава реки, и наш полк вступил в небольшой городок Куты, расположенный у подножия карпатских гор¹⁵. После двухдневного отдыха подразделения 326-го пехотного Белгорайского полка заняли рубеж на опушке молодого букового леса.

Перед нашей ротой раскинулись обширное хлебное поле, на котором уже созревала высокая густая пшеница. За этой золотистой, волнуемой под горячим южным ветром полосой снова начинался стройный буковый лес. На опушке этого зеленого шатра закрепились австрийские, мадьярские и немецкие части.

С вечера у бойцов, как обычно, был полный запас патронов, гранат и сухарей. Ранний ужин состоял из хороших мясных щей и жирной рисовой каши, после которого было приказано окопаться в отдельных одиночных окопах. Офицерский состав был чем-то озабочен. Молодые прапорщики — взводные офицеры — о чем-то шептались, их встревоженные лица выражали необычное волнение. Но что нас ожидало завтра, никто из солдат не знал и не предполагал. Противник не производил никаких признаков жизни — ни один звук, ни один выстрел не нарушал ложного покоя молодого дремлющего леса.

Короткая ночь быстро пролетела. Но утро, пробужденное радостным пением птиц и теплым ласкающим ветром, при всей своей внешней

¹⁵ С 19 (6) по 25 (12) июня полк находился все время в движении. 25 (12) июня пришел приказ сменить 1-ю Донскую дивизию на позиции у г. Куты. Был совершен переход из д. Луковец в д. Черногузы, где находился штаб дивизии. В ночь на 26 (13) июня полк занял позицию у г. Куты, встав у р. Глиница. РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 3 об.

красоте таило в себе страшную тайну предстоящей гибели десятков тысяч людских жизней как с одной, так и с другой из враждующих сторон¹⁶.

Гренадерский взвод, состоящий из шестидесяти человек отборных, вооруженных кроме всего основного гранатами и ножницами солдат, был расположен в средней, более выдвинутой части окопов. На его долю выпала горькая честь начинать этот грандиозный прорыв в Карпаты, на осуществление которого в течение одного дня были брошены сотни тысяч людей.

В страшной томительной тишине лежала молча первая цепь в своих маленьких окопах. За густой высокой пшеницей противнику совершенно не было видно, что происходит у нас.

Наклонившись ко мне, прапорщик Семенов, простой добродушный парень, тихо сказал:

— Ротный командир приказал выделить ему после прорыва для охраны двух надежных солдат. Я назначил тебя и Бурова, не забудь, если останешься цел.

Семенов ушел. Ко мне подполз Буров и наш борец, пострадавший под Черновцами за пьянку. Здесь на обломках спичек и был решен вопрос, давно терзавший оскорбленные и униженные чувства солдат нашей злосчастной роты. Момент настал.

По беззвучному сигналу бесшумно поднялся гренадерский взвод и двинулся на свое тяжкое дело. Слегка шелестя, под ноги ложилась высокая пшеница. Таинственная жуткая тишина продолжалась еще несколько секунд. Ее нарушал только отрывистый звук биения собственного сердца. Мысли пылали. Мутное предчувствие почти неминуемой смерти еще пока не покидало разум. Нервная дрожь пробежала по всему существу. Граната дрожала в руке. Но отдельные первые выстрелы заметившего наше движение врага сразу спутали всё.

Граната в правой, а ножницы в левой — вот и всё, что осталось в помутневшем сознании. Взвод прилип к земле и пополз. И вдруг всё сразу затрещало, заревело. Скошенные пулеметным огнем колосья сыпались на голову, на спину. Эхо от бешеной стрельбы и разрывов и бомб в буковом лесу было похоже на раскатистый, непрекращающийся небесный грохот и гром. Когда сквозь стебли пшеницы обнаружили горизонтальные нити колючей проволоки, я бросил в окоп одну за другой

¹⁶ Ниже идет описание боя 27 (14) июня, который был подробно изложен в предисловии к этим воспоминаниям.

три бризантных гранаты. Резкий звук взрывов таких же гранат прокатился по всему атакованному нами участку. Ружейный огонь на несколько секунд почти прекратился.

Мгновенным прыжком я упал к заграждениям и, лежа на спине, с лихорадочной скоростью начал резать колючую проволоку. Обычная уверенность и разум снова вернулись ко мне. Для обеспечения дальнейшей работы я снова бросил через голову еще одну гранату, и она со страшной силой разорвалась на грани окопа, образовав густые клубы пыли. «А что же дальше?» — мелькнула страшная мысль. Но в момент массивного взрыва наших гранат встала на ноги дотоле молчавшая готовая к бою пехота. Мощным неумолкающим взрывом «Ура!» отозвалась она на призывный грохот гранат. Еще миг, и синеватая сталь вперед наклоненных штыков зловеще сверкнула по фронту и заменила собой остатки золотистой измятой пшеницы.

Снова зазвучал страшным громовым голосом молодой буквый лес. Зашипели в воздухе бомбы, их взрывы создавали столбы клубящейся пыли. Треск пулеметов сгущался. Но миг был упущен противником, и наша пехота стремительно ворвалась в первую линию окопов.

Вместе со своими ребятами я спрыгнул в окоп и, несмотря на озлобление, был поражен жестокостью работы русских штыков. Но это были всего лишь секунды. Снова загрело «Ура!», и живая волнующаяся людская стена двинулась дальше.

Опьяненный первым успехом и кровью, я тоже бежал, кричал, стрелял на ходу, сам не соображая куда.

Вдруг впереди в 20–30 шагах отрывисто затрещал австрийский пулемет, но я продолжал бежать уже бессознательно. Кто-то над ухом крикнул «Ложись!» и толкнул меня в шею. Я упал и увидел рядом с собой искаженное злобой и страхом лицо Михаила Привалова. Пули, как озлобленные пчелы, засвистели над головой, и я чувствовал, как они резали на моей спине скатку шинели. Когда поток пуль отклонился в сторону, я вспомнил о последней гранате и с силой бросил ее прямо в пулемет, а сам снова припал к земле. Граната грохнула, и пулемет умолк. Мы вскочили на ноги и снова бросились вперед. В десяти шагах от пулемета, лежала, уткнувшись лицом в землю, могучая, широкоплечая фигура — это был наш борец. Он был почти перерезан по груди пополам пулеметной очередью.

Сопrotивление противника здесь было сломлено, серые, мышино-го цвета мундиры метались по лесу. Одни бежали, другие падали, как дрова, некоторые группами стояли у деревьев и тянули руки кверху.

Но живая ревущая и гремящая волна остановиться уже не могла и катилась без удержу, оставляя за собой на ярко-зеленой траве серые неподвижные трупы. Неудержимая атака продолжалась. Левый фланг наш оторвался от соседей и двигался вдоль отрогов гор, всё шире и шире открывая свой тыл.

Буковый лес внезапно кончился. Перед нами открылась узкая лента просвета, за которым сплошной стеной растянулся невысокий густой кустарник.

Не знаю, какими судьбами я раньше других оказался на поляне и совершенно бессознательно устремился к кустам. Но в этот момент кусты зашевелились, и оттуда двинулась с винтовками наперевес густая мадьярская цепь контратакующих. Они поднимались в трех-четыре метра передо мной, их суровые и на вид покойные лица я помню до настоящего момента.

В это же время на левом фланге в тыл нашей части с гор спустилась другая группа противника.

Наша передняя цепь не приняла штыковой бой, в один миг залегла на опушке и открыла бешеный ружейный огонь по атакующим мадьярам. Последние, не выдержав огня, тоже залегли и открыли ответный огонь.

И вот здесь произошло что-то совершенно непонятное. Ко мне навстречу бросился с винтовкой наперевес молодой австрийский солдат. Не сознавая, что ему нужно, я растерянно смотрел на него, но в расстоянии всего лишь полуметра от меня винтовка выпала из его рук, плечо потемнело, и по правой руке побежали красные струйки. Он начал извиваться, по-видимому, от страха и боли хватался рукой за плечо, а по лицу текли потоки слез. Я указал ему на землю: «Ложись», — но в этот момент что-то отрывисто щелкнуло, на лбу его появилось красное пятно, и он грохнулся на землю. А вокруг стоял настоящий ад — во всех направлениях взвизгивали пули, грохотали гранаты. Я тоже упал на землю, один, посредине зеленой площадки. Как выяснилось позже, по цепи передали приказ отступать. Цепь быстро поднялась и покати-лась назад. Я вскочил и тоже бросился за ними. Над моим ухом раздался знакомый голос:

— Что, австрийского штыка попробовать захотел? Скажи спасибо.

Я крепко пожал руку Михея, и мы вместе, иногда отстреливаясь, бежали дальше, снова углубившись в буковый лес. Люди, потеряв взаимную связь, бежали уже кто куда попало. Среди зелени мелькали серые мундиры австрийцев и зеленые гимнастерки наших солдат.

Вдруг передо мной вырос как из-под земли блуждающий по лесу пьяный наш ротный командир прапорщик С.

— Стой, оставайся со мною, — крикнул он мне и, по-видимому, боясь, что я убегу, пригрозил наганом.

Сзади, что-то показывая в землю, бежали на нас двое австрийцев. Я припал на колено и вскинул винтовку. Один из них тут же упал, разбросав руки, а через секунду, точно споткнувшись на что-то, упал лицом в землю второй. Всё это происходило точно в тумане и было похоже на страшный длительный кошмарный сон. Но и в этот момент почти бессознательного, тупого <...> я не забыл обиду, нанесенную этим человеком моим товарищам. Вспомнил и труп перерезанного пополам пулеметным огнем нашего героя-борца.

— Гранаты где?! — заревел на меня С. и снова поднял наган. Я выбил из его руки наган и отскочил в сторону... Красное пятно вдруг стало расширяться прямо на сердце С.

— Санита... — успел только вскрикнуть он, падая на спину; каблуки еще судорожно скользили по земле, но жизнь уже покинула этого озверелого негодяя¹⁷.

Еще до начала боев мы с Михеем поменялись адресами с целью сообщить родным, если с кем-либо из нас что-либо случится. Лес, где мы бросались во все стороны, потеряв, по-видимому, ориентировку, был уже окружен со всех сторон врагом. Начался жестокий артиллерийский и бомбометный огонь. Стреляли всюду, вероятно, и наша, и австрийская артиллерия.

И вот здесь еще один момент — но уже в последний раз — я увидел Михея Привалова. Что именно произошло, я не знаю, так как на этом моменте произошел провал в моем сознании.

Важность успеха в этом районе решала дальнейшее развитие успеха Брусиловского прорыва, а поэтому к подножью Карпат были подтянуты крупные силы в составе трех корпусов. Во второй половине дня наши отброшенные части, подкрепленные свежими силами, снова бросились в атаку и стремительным ударом обеспечили полный прорыв фронта.

Когда я открыл глаза, сквозь ярко-зеленую листву виднелось синее небо, белые клочки разорванных облаков покойно плыли одно

¹⁷ В журнале военных действий 326-го полка во время описания боя 27 (14) июня, о котором говорилось в предисловии к этим воспоминаниям, упоминается героическая (ли?) гибель командира 14-й роты прапорщика Сапарина. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 12 об.

за другим. Около меня лежало сбитое снарядом дерево и несколько изуродованных окровавленных трупов. Страшно болела голова, по временам какой-то туман застилал глаза и мысли. Смутно доносилась отдаленная беспорядочная пулеметная и ружейная стрельба, она постепенно усиливалась и нарастала. Где я находился и что произошло со мной, я так и не смог понять. Вблизи послышался шорох и треск сучьев — австрийские санитары несли мимо меня на носилках раненых. Я притаился, но звук стрельбы всё нарастал и приближался. Кое-где пробивая стволы старых деревьев, взвизгивали и шлепали пули. Показались отдельные бегущие австрийские солдаты. Вот трое из них с лихорадочной скоростью начали устанавливать пулемет. Где-то уже совсем недалеко прозвучало раскатистым эхом протяжное уверенное «Ура!». Австрийцы уже бежали врассыпную, как стадо испуганного скота.

Я закрыл глаза и затаил дыхание. Со всех сторон слышался топот ног, треск сучьев, непонятный гвалт и уже непрерывный свист пуль. Звуковая картина быстро менялась. Сначала невнятно послышались отдаленные звуки русской речи, возбужденные выкрики и крепкая брань. Я открыл глаза. В нескольких метрах от меня среди деревьев показался взмыленный конь. Его налитые кровью глаза блуждали в пространстве. На нем сидел помощник командира полка полковник Рот. Сверкая в воздухе сталью своей сабли, он, повернув голову назад, в испуге кричал:

— Вперед! Вперед, ребята! Победа! Победа! Не отставай, не отрывайся.

Измученные солдаты с воспаленными красными лицами с потеками грязного пота, с отпечатком голодной усталости, тяжело дыша, бежали, кричали, стреляли.

Сила азарта и голос победы подняли меня на ноги. Подобрал первую попавшуюся винтовку, раскачиваясь, как пьяный, от дерева к дереву, я тоже пошел вслед за бегущими солдатами. Какой-то незнакомый боец, пробегая мимо, взглянул на меня и остановился.

— Тут недалече санитары, валяй-ка к ним, помогут, — крикнул он мне, указывая рукой назад. Но я ухватился за его плечо. Солдат, по видимому, сразу понял меня, и мы продолжали с ним путь в направлении общего движения вперед.

Через некоторое время между стволами деревьев замелькали полоски просвета. Лес внезапно кончился. Передо мной открылась страшная неповторимая картина массового бегства врага. Розоватые лучи клонящегося к закату солнца дымящимися потоками света заливали беско-

нечную беслесную равнину, и эта низменная пустынная гладь дышала неровным движением человеческих масс. Казалось, что здесь внизу на опушке леса кто-то разорил огромный муравейник, и обитатели его в страшном смятении двинулись в далекий нелегкий путь в поиске новых убежищ. Далеко впереди по единственной дороге неслись, сбивая с ног людей, артиллерийские упряжки. Потоки людей колыхались, как волны потока под шквалами порывистого ветра. Дымки шрапнельных разрывов прыгали всюду над этой необъятной равниной страха и смерти. Взрывы фугасов вздымали к небу черные столбы смешанной с огнем земли, прыжками бросались по дымящейся пылью дороге. Обозные и артиллерийские лошади шарахались, падали. Орудия, кухни, телеги опрокидывались, летели в канавы.

И вдруг вся эта масса как будто вздрогнула в последней предсмертной судороге — справа появилась наша кавалерия. Широкий, плотный строй ее неудержимо врезался в серую массу солдатских мундиров.

Но напряжения моих нервов уже больше не хватало мне. Вид человеческого ужаса и гибели лишил меня последних сил, и я опустился на землю. Какой-то солдат или санитар перевязал мне распухшую голову и усадил на носилки. Лицо лежавшего в них человека показалось очень знакомым. Я заглянул в него и встретился с болезненным улыбающимся взглядом прапорщика Семенова, нашего взводного офицера. Оказалось, что он был ранен в обе ноги еще в конце первой, неудачной, атаки. Как раз у того места, где хотел заколоть меня молодой ретивый австриец. Семенов, раненый, остался в плену, и вот сейчас был отбит при повторной атаке. Его понесли на носилках, но я, верный закону солдата никогда не бросать винтовку и держаться на своих ногах, пока хватает сил, встал с носилок и пошел сам вслед за носилками Семенова.

В госпитале от раненого солдата своей роты я узнал, что Михей Привалов был тяжело ранен в плечо во время первой атаки и отправлен в тыл. А из нашего гренадерского взвода, что начинал прорыв в Карпаты, остался жив только я да добрый Михеюшка Привалов.

В тот же вечер я доложил командиру нашего батальона подполковнику Распопову о гибели ротного командира прапорщика С. Подполковник прослезился, но эти слезы сразу охладили во мне некоторое чувство уважения к этому человеку.

Как я узнал впоследствии, Михей Привалов был свидетелем моей контузии в затылок, по-видимому, осколком разбитого снарядом дерева. Далее после ранения Михей из госпиталя сообщил моей матери о смерти сына.

На Коломью

Свежие части русских войск в этот же день включились в общее наступление и продолжали преследовать противника в направлении города Коломья.

После дневного отдыха наш полк в резерве двинулся в том же направлении¹⁸. На закате солнца жар быстро спал. Обильная роса легла на пыльную дорогу и освежила воздух, деревья и травы. Я ехал в санитарной кибитке, так как голова моя болела и по временам немного путалось сознание.

Ночь была тихая, звездная, и если бы не далекие, почти беззвучные вспышки разрывов, похожих на пламя вечерних зарниц, на неяркий бледно-зеленый свет невидимых ракет, то можно было думать, что события вчерашнего дня — это только тяжелый кошмарный сон, а жизнь так же прекрасна, как это самое усеянное горящими звездами небо.

Солдаты шли быстро и молча. Кое-где на пути попадались селения. В окнах домиков не было света, и ни одно живое существо не проявляло признаков жизни.

Небольшие привалы иногда нарушали это безмолвное решительное шествие. Слышались сдержанные голоса и появлялись блуждающие красные точки солдатских сигарок. Потом дорога снова оживала, сначала неровно, неуверенно раскачивалась и двигалась сонным человеческим потоком. Я несколько раз засыпал и снова просыпался, а перед самым рассветом вылез из кибитки и пошел за ней, держась рукой за заднюю перекладину.

Предрассветный ветерок слегка коснулся вершин молодых буков, и они робко зашелестели по сторонам дороги, освеженные чистой алмазной росой. Небольшой перелесок кончился, и навстречу живому потоку двинулся алый рассвет. По обе стороны дороги начали попадаться разбитые обозные телеги, зарядные ящики, перевернутые вверх зубастыми разбитыми колесами. Кое-где у обочин дороги в поле

¹⁸ 29 (16) июня полк был отправлен в дивизионный резерв. 30 (17) июня он был двинут из Куты в д. Яблонов, а на следующий день возвратился обратно. 2 июля (19 июня) 3-й батальон переведен в д. Косов ко второму батальону, а 1-й батальон — в д. Устье-Путилла. 5 июля (22 июня) 1-й батальон с двумя орудиями находился в авангарде отряда полковника Чижевского (левая колонна 82-й дивизии) и совершил переход из д. Устье-Путилла — в д. Ферескул. 4-й батальон из Кутты двинулся в Устье-Путилла. 2-й и 3-й находились в резерве у Косова. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 16.

лежали серые пятна солдатских безжизненных тел. Краски этой картины начали постепенно сгущаться.

Здесь, по-видимому, была ликвидирована неудачная австрийская контратака, или просто настигнута и разгромлена какая-либо поздно выбравшаяся на дорогу воинская часть. Слева у дороги над холмиками могил и разнообразными крестами и памятниками виднелись группы развесистых ярко-зеленых деревьев. Чем ближе подходили мы к кладбищу, число трупов увеличивалось. Местами тела лежали группами, зеленые лица убитых возбуждали невольную нервную дрожь.

Далеко впереди, проходя мимо крайнего памятника, людская волна колыхалась, и головы всех поворачивались влево. Вскоре и я поравнялся с тем же зловеще зияющим мрамором и вздрогнул, невольно пораженный ужасной картиной. По обе стороны памятника стояли два рослых солдата, два невольных свирепых врага. Штыки их винтовок вонзились взаимно в широкие груди того и другого. Винтовки опирались на мрамор креста, а потемневшие лица повисли на грудь, как будто были внезапно застигнуты непреодолимым глубоким сном.

Радостный розовый луч восходящего солнца, несущий отраду и жизнь всему миру, невольно, взглянув на эту страшную дикую картину, казалось, померк, негодуя, и скрылся в туманное облако ускользающей ночи.

Мои еще неокрепшие нервы вызвали сильный прилив крови к больной голове, и, чтобы устоять на ногах, я схватился за кибитку двумя руками и, закрыв глаза, пошел, не оглядываясь, мимо страшного кладбища.

В Коломые было совершенно пусто — население ушло или спряталось по лесам¹⁹.

Здесь, о чем я писал уже ранее, судьба снова столкнула меня с Кириллом Раузовым, которого когда-то дома так напугали мы со Степаном Рожковым на Кабановом хуторе.

В Карпаты

Простояв в городе Коломый всего лишь сутки, полк наш по совершенно непонятным для нас причинам двинулся в обратном направлении, потом свернул вправо и, достигнув низовьев реки Черемоша, вступил в его извилистую долину. Влажный, неподвижный, накаленный жгучим солнцем воздух и та же сухая желтая пыль

¹⁹ Автор, вероятно, путает г. Коломыю и г. Куты.

окутывали и провожали измученную пехоту. Через каждые десять-пятнадцать минут я смачивал в реке носовой платок и покрывал им обнаженную голову. Во время привалов народ в изнеможении тут же на берегу реки падал на влажный каменистый берег и лежал неподвижно до новой команды. Быстрые воды реки лениво перекатывались через округленные веками камни, мягким шумом своим создавая подобие монотонной однообразной колыбельной песни. Под эту ласкающую песню в минуты коротких привалов солдаты быстро засыпали крепким покойным сном. Но какую тяжелую тайну скрывали от нас эти мягкие волны? Что ожидало в верховьях реки этот встречный поток человеческих жизней? Сколько физических мук и душевных страданий утаивали от нас ленивые волны таинственной черной реки?

Каменистая дорога извивалась и перебрасывалась с одного берега на другой. К широкой долине с обеих сторон спускались пологие, покрытые лиственным лесом склоны горных отрогов. По склонам этим, извиваясь змейками, бежали к вершинам узкие тропки и обрывались у убогих гуцульских избышек, обнесенных колючими изгородами²⁰. По ярко-зеленым откосам беспечно бродили мохнатые овцы.

Кое-где у дороги неожиданно появлялись сухие, как жерди, старики-гуцулы. Нещадно высушенные жгучим солнцем, горной ходьбой и тяжелым трудом, они снимали с головы широкие соломенные шляпы, кланялись русским солдатам.

— Дедка! А где австрияки? — спросил Сергей Буров одного из гуцулов — седого, как пена реки, старика.

— Ой, далеко убёг, — залепетал старец, указывая соломенной шляпой в голубоватую дымку дрожащего тумана, где еще еле обрисовывались острые хребты далеких лесистых вершин. В это время со стариком поравнялся Мороз.

— Здорово, дед! — рывкнул он над обнаженной головой старика, и так громко и звучно, что последний даже присел и заморгал глазами.

— Ой, яки солдат! — ахнул испуганный гуцул, глядя снизу вверх на бывшего гвардейца-великана. Мороз, польщенный произведенным впечатлением, добродушно захохотал, положив осторожно руку на худое, высохшее плечо старика.

²⁰ Гуцулы — этническая группа украинцев, проживающая в Карпатах. Основное занятие — скотоводство, лесные промыслы, сплавы леса и пчеловодство. Разговаривают на гуцульском диалекте украинского языка.

Мороз при своей ширине и исполинском росте, вероятно, погиб бы в первом же сражении, но внимательный прапорщик Семенов, взвесив это обстоятельство, назначил его санитаром и этим на относительно продолжительное время сохранил ему жизнь.

Чем дальше продвигались мы навстречу бегущей реке, тем выше и круче становились лесистые горы, тем сильнее сжимали они долину реки и извилистое узкое русло.

Шумящие, озлобленные волны здесь с какой-то яростью метались с камня на камень, вздымая воздушную белую пену и осыпая серебристыми брызгами каменистую дорогу и людей, в изнеможении бредущих по ней в неизвестное будущее своей лукавой, обманчивой судьбы. Там, где долина реки внезапно раздвигала угрюмые горы и где-либо сбоку в ее прозрачные бурлящие воды с яростью бросался сквозь скалы, как тигр на добычу, мутный ревущий поток, ютились у подножия гор гуцульские деревянные хаты с широкими навесами, с резными наличниками, с горшками и кувшинами на кольях догнивающей изгороди. Крестьяне здесь в основном занимались отхожим лесным промыслом, и лишь небольшие клочки земли, отвоеванные у гор и реки, использовались под посадку картофеля, свеклы и так далее.

По склонам гор и их оголенным вершинам бродили стада овец, числом доходившие иногда до двух-трех тысяч голов.

Небольшие фруктовые садики размещались у изб, сменяемые на склонах гор буковыми тенистыми рощами. Ближе к вершинам эти прекрасные рощи постепенно редели и исчезали, уступая место диким еловым массивам, которые своим глубоким мраком возбуждали смутное недоверие и неведомый таинственный страх.

При непрерывном движении по горной долине, огражденной от освежающих ветров, по накаленной каменистой дороге и под безжалостно палящими лучами солнца народ изнемог. Более слабые падали на дороге и оставались лежать до подхода обозов. А остальные со своим русским долготерпением всё шли и шли с обожженными солнцем руками и лицами, с помутневшими мыслями и взорами. Наконец, добрались мы до поселка Яблоново, расположенного вблизи от слияния Черного и Белого Черемоша. Здесь измученный полк остановился на короткий отдых, чтобы привести себя в порядок перед выходом на передний край.

Солдаты быстро разместились по избам, и так как в нашем полку преобладающее большинство были украинцами, то они очень быстро нашли общий язык с гуцулами или, вернее, с гуцулками и проводили свой короткий отдых как дома.

Мужчины, способные носить оружие, еще австрийцами были взяты в солдаты, в горных же деревнях и селеньях остались старики, женщины да дети.

Не знаю, чем это объяснить, но у всех оставшихся стариков возрастом до 60 лет и выше были молодые жены, возрастом так от 20 до 30 лет. По-видимому, затянувшаяся война быстро упростила нравы и внесла свои коррективы во взаимоотношения разных полов и возрастов.

По вечерам, когда кончались обычные тактические и строевые занятия, веселые молодые жизнерадостные хохлы собирались группами, и звонкая украинская песня разливалась рекой по широкой долине, по временам заглушая тревожный шум горной суровой реки. И эта дикая река, казалось, сама прислушивалась к новой, незнакомой, но близкой по природе песне, и сама своим бурным ревом вливалась в общую гармонию прекрасных жизнерадостных звуков.

В первый день отдыха я был назначен старшим ротным разведчиком, и сам подобрал себе более крепких и смелых ребят. Большинство из них, как потом оказалось, были смелые, выносливые астраханские рыбаки возрастом от 25 до 30 лет. Среди них был и кроткий обычно, смуглый как негр Сергей Буров, который быстро привык и привязался ко мне, как прежде бесхитростный, простой белорус Михей Привалов.

Во время занятий я уводил свою команду в горы, и там мы осваивали разные приемы горной разведки.

Поселились мы в одной просторной избе, по-видимому, зажиточного гуцула. Пол в ней был деревянный, стены чисто выбелены. В углу на божнице висели искусно вышитые и хорошо выбеленные полотенца.

В избе вначале находился старик-хозяин — крепкий, коренастый, как дуб, да пожилая, приобщенная, вероятно, в некоторой степени к культурному образу жизни женщина — его жена.

Присмотревшись к поведению солдат и увидев в нашем отношении к себе добрые человеческие чувства, старик на заре второго дня ушел в горы и привел оттуда двух своих дочерей: небольшую, лет двенадцати, девочку, не могу припомнить ее имени, и старшую Марийку, лет пятнадцати, смуглую и худенькую, как тростинка, девушку с кротким, вдохновенным, исключительно прекрасным личиком цвета красно-коричневой бронзы. Она совершенно не походила ни лицом, ни поведением на своих горных родителей. В ней чувствовалась какая-то особая культура изящной южной красоты, которую она сама прекрасно сознавала и поневоле была рабыней своей необычной внешности.

Марийка молча уселась у божницы и, развернув пяльцы, с какой-то работой начала усердно вышивать, не удостоив никого из пришлых незваных гостей ни единым взглядом. Ее длинные, блестящие черные ресницы были низко опущены и скрывали собой такие же черные, но глубокие и умные глаза. Ранее мы обычно обедали и ужинали вместе. Много разговаривали, шумели. Буров рассказывал какую-нибудь запутанную, совершенно не смешную историю, ребята вставляли свои такие же малоостроумные замечания, и все почему-то от души хохотали и этим подбадривали добродушного рассказчика. Сам же Сережка Буров во время рассказа никогда не смеялся и даже не улыбался. Сегодня же мои разведчики обедали молча, иногда украдкой поглядывая на Марийку, и снова молча наклонялись над своими котелками.

Эта кроткая молчаливая девочка своим появлением внесла в нашу солдатскую среду некое возвышенное обаяние и пробудила чистые благородные чувства, которые в любых условиях жизни теплятся в глубоких тайниках души буквально каждого человека и сами по себе выходят наружу под влиянием соответствующих окружающих условий. После обеда ребята тихонько вышли из комнаты и расположились на отдых под длинным навесом, устроенным с фасадной стороны дома, напоминающим подобие примитивной веранды. Я же поместился в углу комнаты, перечитывая старые письма, так как новых после боя под Кутами почему-то больше не получал. Да откровенно говоря, и сам никому не писал ввиду непрерывных походов и болезни головы, которая довольно упорно давала себя чувствовать. Несколько раз я поглядывал на Марийку, но ни разу не встретил ее взгляда. Низко наклонившись над пяльцами, она невозмутимо покойно и усердно работала. Меня очень заинтересовало ее рукоделие. Я тихонько подошел и невольно залюбовался сложным тяжелым рисунком и качеством его выполнения. Но сочетание красок, по моему мнению, было не совсем удачно, и я попытался объяснить этот недостаток в ее работе.

Девочка в сильном смущении опустила руки на рисунок вышивки, и ее загорелое смуглое личико неожиданно вспыхнуло, как будто скользнул по нему свет вечерней зари. Потом она подняла в руках все лежащие перед ней разноцветные нитки, и с какой-то жалобой, не то с укором пыталась ответить на мой вопрос на полуцыганском, полуукраинском языке.

В это время в избу вошел старый гуцул, он укоризненно и строго посмотрел на Марийку, на меня, и я снова возвратился на свое место, а Марийка облегченно вздохнула и принялась за работу.

Из-под навеса в открытое окно заглянул Буров и окликнул:

— Старший, чайку хочешь?

Я взял котелок, достал сахар, белый хлеб, печенье и предложил хозяевам выпить по чашке со мной за компанию. Старик охотно согласился, а Марийка поспешно встала и вышла из избы. Я расспрашивал старика о его работе, о жизни в горах, где ему приходилось бывать. Старый гуцул бесхитростно и вдумчиво отвечал на мои вопросы, жаловался на панов, лесопромышленников, которые безжалостно грабили и обижали темный карпатский народ. Двух старших сыновей взял у него в солдаты, и теперь они живы ли, один бог только знает. Я в свою очередь рассказал ему о всем, что знал в свои 17 лет, где учился, как жил и как попал на войну. Старику, видно, понравилась моя искренняя и чистосердечная беседа с ним. Лицо его стало строгим и грустным.

— Эх, хлопче, хлопче, много еще горя у тебя на пути, вот и мои сынки, дай бог вам вернуться домой.

Мы оба умолкли и, по-видимому, погрузились в одни и те же печальные мысли о будущем.

Но образ нежной и кроткой красавицы Марийки не покидал меня, мои мысли снова возвращались к ней. Мне страшно хотелось поговорить с гуцулом о его семье, о детях, и я как-то совсем неожиданно для себя задал ему вопрос:

— Дядя Мыкола, скажи, пожалуйста, почему твоя дочка Марийка совсем не похожа ни на кого из твоей семьи ни лицом, ни характером; и в поведении своем она точно княгиня какая, даже солдаты мои почему-то боятся ее и говорить громко перестали?

При этих словах я взглянул на старика; выражение лица его совершенно изменилось; в нем появились черты какой-то озлобленности и досады, нижняя челюсть вздрагивала, как будто он хотел что-то сказать и не находил слов.

Потом старый Мыкола резко встал из-за стола, стукнул несколько раз своим костью об пол и вышел из избы, забыв даже поблагодарить за компанию. Какие странные воспоминания и переживания вызвал мой вопрос у старого гуцула? Почему лицо его вспыхнуло злобой, и какая затаенная горечь выразилась в его глубоких морщинах? Всё это так и осталось неразгаданным мной до настоящих дней.

К Марийке старик относился строго и сурово, и она отвечала ему тем же. Младшая сестра как-то чуждалась ее. Одна только мать, простая, иссушенная трудом и солнцем крестьянка, своей незаметной для других материнской нежностью пробуждала теплые чувства у этой юной

и гордой красавицы. И когда на лице ее появлялась редкая и скудная улыбка, от нее невозможно было оторвать очарованного ею взгляда.

Несмотря на зоркий глаз старика, я всё чаще и чаще обращался к Марийке с разными вопросами и сам рассказывал ей в коротких фразах о своем детстве, о наших русских лесах и равнинах, о реках и озерах, в тихую ночь отражающих в своей зеркальной глади глубокое синее небо и яркие звезды. Рассказывал, как и чему я учился. А за стеной под высоким обрывом, не умолкая, шумел меж камней Черемош. Марийка быстро привыкла к объяснениям с нею и хотя не всегда понимала их, но бескорыстная искренность моих обращений бессознательно побеждала ее природную гордость.

Как-то раз она извлекла из кованного железом сундука свои рукоделия, разложила на столе и внимательно прислушивалась к моей положительной критике. Работы по качеству выполнения были действительно чудесные, трудно было даже представить, что в такой заброшенной глуши можно было обнаружить что-либо подобное.

— Марийка! Когда кончится война и я буду возвращаться домой, ты вышьешь мне на память такую сорочку, — девочка едва заметно улыбнулась и легким наклоном головы изъявила свое согласие.

И так у нас завязалась с ней, как мне казалось, теплая нежная дружба. О каких-либо других отношениях между 17-летним юношей, воспитанным под материнским крылом, и полудикой горной девочкой не могло появиться даже и в мыслях.

Целыми днями занимался я в горах со своими ребятами, а в обед и вечером, усталый непривычной ходьбой по горам, отдыхал на берегу Черемоша, прислушивался к его убаюкивающему шуму и, закрыв глаза, уплывал куда-то в красивых мечтах и надеждах. В один из последних дней нашего отдыха меня вызвали в штаб полка, там мне вручили первый серебряный крестик²¹ за бой под Кутами, и я с детской гордостью повесил его у себя на груди. После церемонии награждения меня поздравил старший писарь штаба полка, вручил первое за долгий промежуток времени письмо матери и Веры и сообщил, что несколько дней тому назад в штабе были получены три телеграммы от матери с запросом, жив ли я и где нахожусь, и что на третью из них начальник штаба ответил о моем здравии.

²¹ Речь идет о Георгиевском кресте — самая желаемая награда для военнослужащих в годы Первой мировой войны, несмотря на массовые награждения ею.

И вот из этого облитого слезами письма я узнал и тяжкое горе, и внезапную радость, постигшие бедную старушку в результате моей контузии и последующего долгого молчания. А произошло это так естественно и просто: Михей, всё время следовавший за мной во время боя под Кутами, видел, как после взрыва фугаса я свалился замертво на землю. Продолжая отступать, он сам был тяжело ранен в плечо.

Выполняя товарищеский долг, он из госпиталя сообщил моей матери о моей гибели, конечно, со всеми подробностями, не допускающими никаких излишних сомнений.

И так бедная мать потеряла последнего сына. В нашем старом соборе, где я пел в детстве, тот же невзлюбивший меня священник [Гуляницкий], простив мне все мои детские старые проказы, прослезился и пропел в последний раз «Упокой, господи, душу новопреставленного воина Евгения».

Школьные товарищи проводили домой измученную, полуживую от горя и слез одинокую старушку. И на этом оборвалась моя гражданская жизнь, но не навсегда.

Через полтора месяца я послал первое письмо Вере, и вот с этим-то письмом она прибежала к моей матери. Возник ряд тревожных и радостных сомнений, результатом которых и были три телеграммы, полученные в штабе.

И так солдат снова воскрес!

Когда я возвращался домой, по долине разгуливал свежий порывистый ветер. Рваные клочья седых облаков, как гигантские птицы, быстро неслись над горами, цепляясь лохматыми белыми крыльями за их темно-зеленые склоны, то иногда застилали их вовсе, то низвергались в долину до пенистых волн Черемоша.

Дома Марийка сидела у окна и грустно следила, как первые струйки дождя, извиваясь, скользили по маленьким стеклам. Ее мать стряпала у печи картофельные лепешки и посыпала их резаным зеленым луком. В избе никого больше не было. От тяжелых впечатлений, поведенных материнским письмом, нервы мои были сильно возбуждены, и я не мог не поделиться в эту минуту с кем бы то ни было своими переживаниями. Мать Марийки как мать понимала меня и слушала внимательно, горестно качая головой, иногда она разъясняла дочери смысл моих слов.

Марийка также слушала, стараясь понять мою печальную повесть. Ее глаза, грустные, но светлые как солнце, в первый раз были полно-

стью открыты. Их непроглядная тьма светилась и излучала тихую, глубокую грусть. Я прожил уже немалую и не лишённую многих красивых встреч жизнь, но глаз таких больше не видел — и думаю, что таких больше нет на грешной земле.

Во время рассказа девочка, вероятно, вспомнила о своих братьях, и когда на ее длинных черных ресницах заблестели росинки невольных и искренних слез, она быстро отвернулась и опустила голову на подоконник окна, по стеклам которого по-прежнему сбегали неровными струйками холодные капли дождя.

Но слезы обычно рожают и новые, более сильные чувства. Чем бы всё кончилось, трудно сказать теперь. Я смотрел на Марийку и представлял себе ее одетой в воздушное белое платье и лицо ее в облаке нежных акаций — смуглое, строгое, гордое.

Я перебирал в своей памяти лица известных мне девушек и тех, которых когда-либо видел, но все они меркли перед этой полудикой горной красавицей.

Говорить мне с Марийкой уже больше ни разу не пришлось, но теперь она больше не прятала глаз своих под густыми ресницами. По ним я прочесть мог все ее мысли и чувства.

На следующий день наш отдых кончился, и нам предстояло занять передовые позиции в лесистых горах. С вечера простились мы со своими хозяевами и, чтобы на рассвете никого не беспокоить, пораньше расположились спать под навесом. Ночь в долине реки была влажная, теплая. Не раздеваясь, покрывшись шинелью, я прилег, положив голову на жесткую хозяйскую подушку. Завтрашний день готовил нам новые заботы и испытания, и я долго не мог уснуть.

Марийка почти неподвижно сидела у дома под яблонькой, низко склоняясь и опустив до земли свои черные косы. Дневная усталость ослабила мысли, и я незаметно уснул.

Едва забрезжил рассвет, поселок ожил, на дороге уже дымились ротные кухни, и кашевары с черпаками в руках терпеливо поджидали солдат. Когда я, протирая глаза, приподнялся со своего деревянного ложа, что-то скользнуло с груди моей на пол. Это была закругленная металлическая пластинка. На одной из сторон ее находилось резное изображение мадонны с играющим младенцем на руках. Я положил ее в боковой карман гимнастерки, разбудил ребят, и мы, собрав на скорую свое хозяйство, тихонько вышли на увлажненную ночной росой дорогу. Там уже начинали собираться, громыхая котелками, заспанные солдаты нашего полка.

Кто положил мне ночью на грудь этот маленький простой образок, я не знаю — мать ли Марийки или сама Марийка. Никогда я так и не узнал об этом. В одной из тяжелых разведок боем, падая со скалы, я где-то потерял образок. С Марийкой судьба столкнула меня еще единственный раз — ровно почти через год, и та минутная горькая встреча на долгие годы возмутила мое в то время совсем еще детское сердце.

Еще до восхода солнца, растянувшись цепочкой, с боевым охранением впереди полк потянулся по узкой дороге к новым позициям. Кавалерийские разъезды²² уже остались позади, других же наших войск впереди больше не было.

В расстоянии полуденного пути от поселка, где мы отдыхали, из-за крутого поворота дороги перед нами внезапно широко развернулась высокая горная цепь, прорванная в своей средней части могучим шумящим потоком. Это была так называемая высота 1077, которую, пожалуй, не забыть до конца дней своим многим не раз побывавшим на ней русским солдатам²³.

Под прикрытием тенистых садов, окаймлявших дорогу, я получил задание разведать возможность прохода сквозь узкое ущелье вдоль речушки с выходом в тыл за эту горную цепь.

Развернувшись редкой и длинной цепочкой, скрываясь за деревьями и скалами, мы тихонько двинулись вперед. Двое солдат спустились к реке и шли вдоль обрывистых ее берегов. Я же с одним из ребят пошел по дороге, чтобы не терять из виду остальных и в случае надобности прикрыть их огнем. Так мы прошли около километра и оказались шагах в ста от ущелья. Я остановился и слегка свистнул в кулак, чтобы остановить и ориентировать разведчиков. Но вместо ответных трелей внезапно где-то совсем близко прозвучал сначала один выстрел, потом второй, третий, и долина реки загремела. Пули, вздымая клубочки пыли, скользили по каменистой дороге. Я припал к земле и, лежа неподвижно, следил за дорогой. Мой попутчик, согнувшись вдруг и прикрываясь лопаткой, бросился к обрыву реки, но что-то звякнуло

²² Совместно с 326-м полком в это время действовали 3-й и 4-й эскадроны Текинского полка.

²³ Отметим, что еще 7 июля (24 июня) 4-я рота была выставлена в охранение в районе д. Усцерыки. 9 июля (26 июня) 4-й батальон в составе трех рот совершил переход из д. Устье-Путилла в д. Яблоницу для смены авангардного 1-го батальона. РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 16.

резко и коротко, лопатка повисла, и первая жертва осталась неподвижно лежать на дороге. Дальнейшее движение было бессмысленно; я дал сигнал отходить. Попытки захватить с собой убитого привели к еще одной жертве. Из-за обрыва реки мы открыли ответный огонь, и один за другим отошли в безопасное место.

Когда разведка возвратилась обратно, нашему батальону был дан приказ занять небольшие высоты вправо от реки. Перед нами внизу журчал резвый ручеек, за ним в яркой зелени садов и буков виднелись гуцульские хаты, а далее мрачной темно-зеленой стеной, врезаясь зубчатыми елями в небо, стояла зловеще покойная высота 1077.

Батальон окопался на этих голых пологих высотах, и темная, душная ночь опустилась безмолвно на горы, на лес, на бурные воды реки.

Раннее утро принесло нам новую тревогу: наблюдая в бинокль, наш фельдфебель заметил движение серых мундиров у подножия высоты 1077²⁴.

Сквозь кусты и деревья было видно, как солдаты противника густыми рядами двигались вдоль подошвы высот, пытаясь одним крылом завернуть нам во фланг. Наш батальон открыл ружейный огонь, но расстояние до противника было больше километра, и стрельба эта не давала никакого эффекта. Огонь умолк. Что будет дальше?

Австрийцы по ракетному сигналу встали на ноги и густыми ровными цепями двинулись на наши окопы. С разных сторон вдруг затрещали ритмично их пулеметы, пули перекрестным огнем визжали и пели у нас над головами.

Но наши окопы застыли в глубоком молчании. Подполковник Распопов, наш батальонный командир, был опытный, выдержанный воин. Он дал строжайший приказ до сигнала не допускать ни единого выстрела. Австрийцы приближались к исходным рубежам для атаки, на ходу

²⁴ Вероятно, речь идет о бое 10 июля (27 июня), когда противник развернул 18 эскадронов пехоты (безлошадной кавалерии), которые при поддержке нескольких эскадронов кавалерии и шести орудийных батарей начали наступление в обход правого фланга и тыл авангарда со стороны высот 1150, 1018, 1077. 4-й батальон перешел в контрнаступление, а 1-я батарея капитана Бибикова открыла из д. Конятовен огонь. В результате противник был отброшен. Зато на левом фланге наш 1-й батальон (около д. Гриняв) попал в тяжелое положение. 1-я рота прапорщика Павлова благополучно пробилась через четыре цепи противника, а остальные части при отступлении сбились с пути и на следующий день были обнаружены в д. Усть-Путилла. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 17–18.

стреляли бог весть куда и, по-видимому, были в полном недоумении от нашего психологического молчания.

По цепи прокатился короткий приказ: мешки и скатки снять, быть готовым к контратаке, по сигналу ракеты произвести залп — и вперед. Легкая дрожь пробежала по мышцам, но в сознании были покой и уверенность.

Но вот пулеметы противника умолкли, внизу перед нами раздались недружные, невнятные крики — австрийцы пошли тремя густыми цепями в атаку, расстояние начало быстро сокращаться. И вдруг на левом фланге у дороги взвилась навстречу противнику наша ракета.

По фронту прокатился дружный залп. Мощное «Ура!» всколыхнуло воздух. И не успела еще живая людская стена подняться из наших окопов, как австрийские вояки без оглядки бросились обратно и рассыпались внизу по садам и оврагам. Атака сорвалась и больше не повторялась, несмотря на то что у противника раза в три было больше солдат.

Пленные гуцулы

Ни одному из наших батальонов за последние дни не удалось захватить ни одного пленного, чтобы выяснить, какие части и в каком количестве находятся перед нами. И вот на следующее утро, вернее на рассвете, я решил попробовать счастья.

Еще в долине над рекой держался густой пронизывающий туман. Гуцульские петухи, забившись в сараи, не подавали признаков жизни. Окутанные предрассветным мраком горы, молчаливые, мрачные, черной стеной упирались в серое облачное небо и собою преграждали путь рассвету.

Командой в 12 человек покинули мы тихонько окопы и в глубоком молчании направились в сторону гор.

Сырой влажный воздух да монотонный мягкий шум ручья в глубине оврага полностью поглощал все звуки нашего движения. Перешли через ручей, углубились в буковую рощу и на опушке ее сквозь густую чащу листвы обнаружили в тенистом фруктовом саду небольшой гуцульский хуторок.

Разместившись полукругом, по-пластунски поползли мы к хутору. Меня беспокоил вопрос, нет ли на хуторе собак. Но всё пока шло благополучно. Достигнув сада, группа залегла и затаилась. Астраханец рыбак Лобачев пополз со мною к крыльцу дома. Здесь нас окружала полная тишина — ни один лист на дереве не шевелился. Казалось, в этот момент весь мир затаился, и злые невидимые силы витают сзади над

головой и ждут удобного момента, чтобы вцепиться страшными когтями в спину. Кто его знает, что могло ожидать нас здесь после вчерашней атаки. Но риск — благородное дело.

По моему знаку Лобачев бесшумно подполз к крыльцу, поднялся на него и нерешительно постучал в дверь. На этот звук ответило слабое эхо, и снова всё замерло. Неужели пусто? Лобачев еще постучал трижды, и снова всё замерло. Но через несколько секунд чуткое ухо смогло уловить легкий внутренний шорох, потом дверь с треском распахнулась. Лобачев за дверью замер, и на пороге показалась сонная морда солдата, но уже одетого по форме, с подсумком на поясе. Он в недоумении огляделся вокруг, и в тот момент, когда его взгляд встретился со мною, Лобачев сильным ударом кулака по шее сбил его с ног, и парень свалился с крыльца прямо мне на руки. Прижав его коленом к земле, я сделал ему знак о молчании. Он поднял руки вверх и на его искаженном от страха лице появились обильные слезы и пот. Через несколько секунд из избы вышел второй, и увидев штык Лобачева, задрожал и поднял руки. Я усадил его на землю рядом с первым, а Лобачев вскочил в избу, откуда сразу донесся женский вой и визг.

— Больше нет, — сказал храбрый разведчик, вынося из хаты две винтовки.

Обоих пленных солдат мы отвели в лес и там узнали, что они оба русины. Один из них бывал ранее в Киеве, где и по сие время живут его родственники. Вражда тут же сразу была забыта. Их угостили папиросами и продолжали беседовать уже совсем по-приятельски. Обрадованные счастливым для них исходом войны, черномазые парни бросили в сторону свои подсумки, повесили шинели на руку и сопровождаемые одним из наших солдат, как выразился один из них, «пошли до Киева».

Этим мы не удовлетворились и решили подобным же методом обследовать еще один домик. Но на этот раз дело приняло другой оборот, и я, благодаря своей излишней уверенности и неосторожности, чуть не поплатился жизнью.

Когда мы тихонько окружили избу, и я с винтовкой, висящей на ремне, направился к двери, последняя сама широко распахнулась. На пороге появился огромного роста мадьяр, который, увидев меня, мгновенно вскинул винтовку и направил ее прямо мне в грудь. В этот же момент прозвучал какой-то странный двойной выстрел, пуля оглушительно взвизгнула у меня в ушах, а мадьяр, уронив дымящуюся винтовку, грохнулся на пол крыльца и скатился на землю по его ступенькам. Его убил идущий за мной Моисеев.

Операция не удалась, нужно было уходить восвояси. Секреты противника, услышав выстрелы, открыли огонь, к ним присоединились другие. Зарокотал пулемет. Покой был нарушен. Долина просыпалась. Грохот стрельбы прокатился по фронту. Отлежавшись в овраге, мы возвратились в окопы. Но невидимые свинцовые пчелы еще долго с характерным шипеньем бороздили во всех направлениях утренний влажный туман. Подобные, но более удачные операции впоследствии мы проводили еще несколько раз.

На высоте 1077

Мрачной безмолвной стеной стояла перед нашим полком высота 1077. Сплошной еловый лес покрывал ее от подножия до вершины, скрывая тайну ее неведомой жизни. Она преграждала нам путь к Черным горам — к перевалу Карпат и далее к Венгерской долине.

За последние дни подтянулась артиллерия, обозы и кое-какие скудные резервы. Дальше стоять на одном месте было бессмысленно: война эффективна в движении, нужен маневр, необходим обман, ложные удары, обходы и т. п. В общем, необходимо непрерывно путать врагу карты и всячески сбивать его с толку. В один из этих дней я получил приказ от командира батальона произвести глубокую разведку боем высоты 1077.

Легко отдать приказ, легко бросить небольшую горсть людей почти на верную смерть, но не так легко и просто выполнить задание и сохранить людям жизнь.

Идти тем же путем, каким мы обычно ходили вылавливать молодых донжуанов, сейчас было бессмысленно, так как здесь мы уже немало насолили своим соседям и в любую минуту могли попасть в ловушку и не выполнить приказа.

Сейчас мне легко писать эти воспоминания в тихой теплой комнате у лениво пылающих и потрескивающих дров. Но в тот момент от всевозможных соображений, планов и догадок трещала моя голова. Я усердно изучал карту, ползал один то с одного, то с другого фланга по ручейкам и оврагам, выбирая исходный пункт для предстоящей разведки.

И вот, наконец, взвесив все обстоятельства со своими ребятами и ознакомив их с моими соображениями, мы еще ночью оставили окопы с правого фланга, где сплошной лес сливался с подножием высоты 1077, и почти непроходимыми дебрями двинулись в тяжелый, мучительный путь.

Из опыта я уже знал, что ни австрийцы, ни немцы не любят лесов и всегда укрепляются на чистых местах. В ночном же мраке ни местные

жители, ни австрийские дозоры не могли заметить нашего перехода в лес, и поэтому момент начала разведки остался тайной для своих и чужих. К рассвету моя группа беспрепятственно добралась до подножия высоты. С этого места начинался самый тяжелый как с физической, так и с духовной точки зрения путь.

Вековые мохнатые ели, местами уже мертвые, истлевшие, обломки скал, обросшие скользким мхом, потоки горного щебня лежали на нашем пути. Каждый неловкий, неосторожный шаг мог выдать наше присутствие.

Двигаться просто в сапогах было невозможно, — пришлось одеть на ноги музлаки (подошвы с железными шипами).

Подъем с незначительными перерывами продолжался около пяти-шести часов, и наконец, сквозь дикий сырой мрак непроходимой чащи кое-где промелькнул слабый просвет. Подниматься по крутому откосу часто приходилось, цепляясь руками и ногами за корни деревьев, за ветви, за выступы скал. Невыносимая усталость сковывала силы. Здесь, растянувшись в цепочку, мы перевели дух и, отдыхая, прислушивались, всматриваясь, но никаких живых звуков пока не слышали.

Поднимаясь с величайшей осторожностью дальше, обнаружили, что вершина горы совершенно голая — безлесная, покрыта высокими сочными травами. И, как ни странно, земля здесь была влажная и мягкая.

Осторожно приподняв голову из травы, я заметил слева, шагах в двухста, легкий дымок. Приподнялся еще немного и увидел то, что до некоторой степени являлось целью нашей сегодняшней жизни.

Над огнем на козлах висело несколько больших черных котлов; пар приятно клубился над ними. И вот сейчас я только почувствовал, что сильно голоден, но с собой не захватил даже ни одного сухаря. У котлов суетились с черпаками повара, а поодаль длинной цепочкой с котелками в руках в ожидании раздачи обеда стояли солдаты.

Мы тихонько собрались в одну кучу для принятия дальнейшего решения.

— Дадим им жару перед обедом, что ли? — прошептал я, а руки чесались, и есть хотелось до тошноты. Лобачев загадочно покачал головой, сухо усмехнулся и заложил капсюль в гранату. В густой высокой траве по опушке леса бесшумной змейкой поползли мы ближе к котлам. Сил своих в этот страшный решительный миг мы, конечно, не взвесили и этим совершили непоправимую ошибку.

— Ну что ж, боем так боем, — уже равнодушно и решительно твердил я в своем воображении. И так, между котлами и моей маленькой экспедицией оставалось не более 50 шагов.

Ребята у меня все были смелые, крепкие и голосистые. Бывало на отдыхе, по пути с занятий мимо штаба рванут такую песню, что по силе и звучанию она не уступала целой роте. И вот здесь, в самом неприятельском гнезде в минуты обеденного блаженства с злобным шипением завертелись в воздухе и полетели гранаты. Дикий озверелый крик «Ура!» оглушил вершину горы. Некоторые котлы уже кувыркались по откосу. Густой пар от залитых супом костров клубами взвивался к небу. Звон котелков, топот сотен ног, крики, стон смешались с взрывами гранат, с ружейной трескотней и почти безумным криком «Ура!». Голая вершина высоты 1077 превратилась в настоящий ад. Когда мы ворвались на самую вершину горы, кроме раненых и трупов, да шипящих и дымящихся костров никого уже там не было.

На этом разведку нужно было закончить и тем же путем возвращаться обратно. Но мы, увлеченные таким неожиданным успехом, забыли обо всем на свете. Растянувшись в редкую цепочку вдоль вершины, открыли беглый огонь по противоположному склону горы, который был так же покрыт густым дремучим лесом. Чувствуя себя хозяевами положения, голодные разведчики набросились на один из уцелевших котлов и с жадностью навалились на вареную баранину.

Предполагая не уходить с занятых позиций до подхода наших войск, я послал одного из разведчиков прямым путем доложить начальству о нашем успехе, с просьбой немедленно прислать подкрепление. Солдат быстро скрылся в дремучей чаще, но через несколько минут в направлении его движения раздалось несколько выстрелов, и всё стихло. Причина выстрелов ясна была всем. И вот в этот только момент мы сразу отрезвели от хмельного угара победы. Мой связной был, конечно, убит боевым охранением противника. Мы бросились в обратный путь, но в расстоянии не более двухсот шагов обнаружили ползущую цепь серых немецких шинелей.

И вот в положении запертых внезапно в клетке зверей мы уже не имели возможности обдумывать наш отход и, к великому огорчению, потеряли наше обычное самообладание. Кто-то бросился прямо вниз по откосу горы, а за ним, не отдавая себе отчета, и все остальные. Как дикие звери, неслись мы по склону. Шинель я бросил сам, а через минуту потерял и фуражку. Сзади зазвучали сначала одиночные

выстрелы, потом к ним присоединился характерный замедленный треск австрийского пулемета.

Стреляли они уже вслепую, так как в такой непроходимой тайге за десять метров уже ничего не видно, и этот огонь не причинил нам никакого вреда. Так бы мы, пожалуй, через полчаса были бы у подножия высоты, но на пути нашем в районе постов неприятеля оказались густые, непроходимые, перепутанные колючей проволокой завалы.

Здесь нас встретил беспорядочный ружейный огонь; откуда он исходил, я так и не смог обнаружить. Ребята исчезли в завалах, туда же бросился и я. Мысль о плене в то время для меня была хуже смерти. Да и вряд ли после такой дерзости нас бы оставили в живых.

На высоте полугоры, когда преследование и обстрел прекратился, я овладел собою и задержал на минуту уцелевших ребят. Вид у нас был жуткий и жалкий: от моей гимнастерки остались жалкие лохмотья, всё тело было изодрано о сучья и колючую проволоку. Рваные раны сильно болели. Собрались в конце концов всего семь человек, вид у них был не лучше моего. Да кроме всего остального, двое были без винтовок, которых не смогли протащить сквозь завалы. Несмотря на печальный, как нам казалось, финал разведки, а другого, откровенно говоря, и ожидать не приходилось; мы всё же обеспечили предстоящее наступление всеми необходимыми сведениями и были представлены к награждению крестами и медалями святого Георгия²⁵.

Взятие высоты 1077

Через день после нашей разведки подполковник Распопов повел четвертый батальон на высоту 1077²⁶. Это была не обычная атака с предварительной артиллерийской подготовкой и лобовым ударом,

²⁵ Скорее всего, здесь описан бой 14 (1) июля. Около 7 часов противник открыл огонь, а примерно в 10 часов правофланговая застава из взвода 16-й роты, находившаяся на высоте 1077, оказалась обойдена справа. Туда были двинуты другой взвод 16-й роты и взвод команды разведчиков. Для парирования обхода правого фланга выдвинулись 6-я, 8-я и 16-я роты. В это время обозначилось наступление двух вражеских батальонов пехоты с высоты 132 и 1109 по потоку Пентечному в обход высоты 1077. В итоге заставы на высоте 1077 оказались отрезаны и пробивались штыками. Огонь нашей артиллерии остановил дальнейшее продвижение противника. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 19 — 19 об.

²⁶ В действительности наступление началось 17 (4) июля. Оно было отложено на несколько дней из-за плохой погоды. Непосредственно на высоту 1077

с большим громом и большой кровью. Распопов повторил наш простой маневр, только в гораздо бóльших масштабах. В старых окопах остался небольшой заслон для проявления признаков жизни. На левом фланге у реки утром будущего дня должна была произойти перестрелка с постами противника.

Ночью же батальон в глубоком молчании двинулся вправо и лесными зарослями достиг подножия высоты. В это время на рассвете на левом фланге отделение одной из рот приблизилось к ущелью и завязало перестрелку с передовыми постами австрийских войск. Теперь мы чувствовали себя в составе целого батальона гораздо смелее и, отыскав на склоне горы русло весеннего ручья, повели по нему батальон на высоту. Противник, отвлеченный перестрелкой на левом фланге, открыл даже там по невидимым врагам артиллерийский огонь и совершенно забыл свой правый фланг.

К полудню батальон приблизился к обнаженной вершине высоты, но значительно левее того места, где побывала день тому назад разведка. Это дало возможность сгруппировать батальон в боевой порядок, совершенно не обнаружив себя противнику.

Распопов снял фуражку, перекрестился; то же повторили в глубоком молчании и все солдаты. После этого шестнадцатью цепями, по взводу батальон ползком занял исходный рубеж. В первой короткой цепи была команда разведки.

Уверенность и самообладание нашего командира оказывали всегда на солдат настолько благоприятное действие, что и в настоящий момент по движению его руки люди совершенно спокойно встали и с винтовками наперевес двинулись молча вдоль узкой, безлесной вершины горы.

Я оглянулся назад, и меня поразило это покойное и уверенное движение шестнадцати живых цепей, точно это происходило на учебных занятиях или в Орле на параде.

По сигналу цепи снова залегли, а разведка поползла опушкой леса по своему старому знакомому пути.

двигалась центральная колонная подполковника Распопова в составе четырех рот 4-го батальона и одной роты 1-го батальона. Слева была колонна капитана Пантилина из двух рот 2-го батальона (5-й и 7-й) и одной роты 1-го батальона. Справа наступала колонна поручика Тимофеева (6-я и 8-я роты). Отдельно двигался 3-й батальон подполковника Серебрякова на урочище Магура с целью содействовать продвижению 325-го полка. РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 20.

И вот на том же месте снова слегка дымились костры, над ними в котлах варился обед. Рядом находился беспечный повар и помешивал черпаком в котлах.

Момент настал.

Штыки склонились вперед.

Дружное оглушительное «Ура!», как внезапный раскат грома на покойном небе, огласил дремавшую вершину, и эхо покатилося по соседним горам. От топота двух тысяч бегущих ног глухо гудела земля.

Густо заговорил пулемет, беспорядочно загремели винтовочные выстрелы и быстро снова утихли. Не прошло и двух минут, как вся вершина уже была заполнена атакующими. Защитники высоты бросились врассыпную по лесистым склонам и, провожаемые дружным огнем, пытались вброд перебраться через бурные воды Черемоша²⁷.

Преследовать их нашими небольшими силами было бессмысленно, да и к тому же последующий маневр давал возможность отрезать их отступление вместе с обозами²⁸. Мы потеряли в этой операции всего лишь несколько человек, да и то от последующего артиллерийского огня противника, которым он прикрывал бегство своих храбрых вояк.

Готовый обед был быстро уничтожен проголодавшимися солдатами. А мои разведчики, любившие, как говорят, «пошуровать всюду», нашли в избушке, где жил командир неприятельской части, брошенную мною во время злополучной разведки шинель. Один погон ее был распорот, так как под нашитым чистым сукном его был старый трафарет 203-го запасного батальона.

После взятия высоты 1077 наш батальон повернулся фронтом в обратную сторону и двинулся вдоль гребня этой высоты, которая в расстоянии нескольких километров вливалась в подножие одного из наиболее высоких хребтов Карпат — высоты Плайка. Она гордо возвышалась над всеми остальными хребтами и своей вершиной почти упиралась в облака. Серовато-розовый цвет склонов свидетельствовал об отсутствии хвойных лесов.

²⁷ Высота была взята 18 (5) июля только после того, как обозначился успех правой колонны поручика Тимофеева.

²⁸ В действительности 19–21 (6–8) июля наши войска продвигались вперед. А 22 (9) июля разведчики вышли к р. Черный Черемош у д. Шибени (правда, на следующий день оставили ее из-за невыгодного положения). Авангард занял позицию на линии д. Яворник — гора Людова (1466). См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 22–23.

У подножия Плайки батальон круто повернул на юг, и через полчаса где-то далеко внизу перед нами открылась узкая, зажатая горами долина Черного Черемоша. На дороге, извивающейся рядом с серой полоской реки, как муравьи, копошились люди, ползли обозы, зарядные ящики, кухни. Никаких звуков до нас не долетало, но видно было, как вся эта масса торопилась, перемещалась. Один обгонял других, но благодаря значительному расстоянию до них общего движения вперед почти не ощущалось. Конечно, трудно было устоять перед такой отрадной картиной бегства противника, и Распопов решил попробовать счастья — отрезать отступление австрийских войск.

Шестнадцатая рота четырьмя цепями ринулась вниз по голому крутому склону, но примерно в средней части ее высоты разыгралось совершенно неожиданное ужасное событие.

Внезапно где-то в складках противоположащих гор раздались звуки, подобные отдаленному грому, и через мгновение над несчастной ротой прокатился огненный шквал — белые дымки шрапнельных разрывов бешено прыгали в воздухе. Черные столбы земли и дыма от частых разрывов фугасов отделили нас от наших товарищей.

Через десять-пятнадцать минут, когда огонь прекратился и горный ветер рассеял завесу из пыли и дыма, висевшую над склоном горы, перед нами открылась ужасная картина смерти: серый откос был усеян неподвижными трупами, и ни одного живого звука не доносилось отсюда.

У многих солдат и офицеров на глазах заблестели слезы. Вокруг воцарилось гробовое молчание. Все сняли фуражки, осенили себя крестом и долго стояли с непокрытыми головами.

В дальнейшем выяснилось через пленных немцев, что Германия, убедившись в полном бессилии своих союзников и боясь стратегического отхода ее южного фланга, спешно сняла с осады Вердена свою так называемую Стальную дивизию и бросила ее в Карпаты, в направлении нашего движения. Вот здесь и произошла первая, неудачная для нас встреча с этой дивизией. Но в дальнейшем мы не раз отплатили ей тем же²⁹.

²⁹ Весьма интересно, что о столкновении своей «железной» дивизии (4-я стрелковая) с немецкой «стальной» дивизией в мемуарах писал А. И. Деникин (см.: *Деникин А. И. Путь русского офицера*. М., 2013. С. 274). Этот случай приводит и эмигрантский военный историк А. А. Керсновский, называя «стальной» 20-ю германскую Брауншвейгскую дивизию (*Керсновский А. А. История русской армии*. М., 1994. Т. 4. С. 58–59). Вместе с тем в августе

С особой осторожностью были отведены в укрытие за холмами остальные роты батальона, где и застала их холодная дождливая ночь.

С этого момента потекли у нас долгие дни тяжелых испытаний, холода, голода и невероятных трудностей горной суровой жизни. Началось с непрерывных холодных морозящих дождей и туманов. Дождь в течение двух недель не прекращался ни днем, ни ночью. Температура падала по ночам до нуля и ниже. Раскладывать костры запрещалось. Вечно мокрая одежда кисла и гнила на людях.

Спали прямо на земле и, чтобы не замерзнуть ночью, плотно жались друг к другу. Но, как ни странно, никто не заболел. Запас сухарей быстро иссяк и начался настоящий голод. Батальон ушел глубоко в горы, куда никакая кухня и никакой обоз не мог добраться. Доставка же продовольствия на выюках по халатности командования не была организована.

В течение двух почти недель не было ни куска хлеба, ни капли соли. Единственным спасением для солдат были брошенные в горах стада овец, достигающие численностью до нескольких тысяч. Пытались кушать мясо сырым, но этот метод питания без соли и хлеба вызывал страшное отвращение. Потом в конце концов додумались уносить бараньи туши в густую лесную чащу и там обжаривали их на вертеле до пригорания наружного слоя, что в некоторой степени смягчало отсутствие соли.

Путем всевозможных маневров и обходов наши части наконец вышли к верховью Черного Черемоша и вступили в пределы Черных гор. Здесь мы встретили идущий на отдых второй полк нашей дивизии и 300 человек пленных солдат. Шел непрерывный холодный дождь. Облака пронизывающего тяжелого тумана ползли по вершинам гор и, как огромные прозрачные медузы, поглощали отдельные группы вечно

1916 г. эта дивизия вела бои на р. Стоход и никак не могла оказаться в районе Белгорайского полка. Отметим, что в настоящее время в околоисторической литературе ходит «миф» о разгроме российской кавказской «дикой» дивизией некоей германской «железной» дивизии (см.: *Пыхалов И.* Липовый подвиг «Дикой дивизии» // АПН. 2008. 30 июля. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20467.htm>). Вполне возможно, что во всех этих случаях, включая данные воспоминания, мы имеем дело с очередным «фронтowym мифом». Непосредственно в Карпатах против 326-го полка из германских частей бои вел 23-й пехотный полк. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 28.)

мокрых, истерзанных холодом и голодом, полуживых в человеческом образе тварей. Здесь мысль о смерти была более близкой и отрадней, чем горькая действительность жизни.

Небольшой родничок — исток Черного Черемоша — затерялся в заболоченных зарослях у самых вершин Черных гор, голых, неприветливых, безжизненных. Полк растянулся бесконечно длинной, блуждающей в туманах цепью вдоль горного перевала.

Очередное мрачное облако тумана медленно взобралось на перевал и разделило пополам эту тоже беззвучно ползущую цепь серых безропотных существ. Движение по обе стороны облака обеих частей полка продолжалось независимо [друг от друга]. Передняя группа оторвалась и двинулась по хребту, отклоняющемуся круто вправо, а вторая часть полка приостановила движение до прохода облака. Когда примерно через полчаса облака рассеялись, то обе группы оказались одна против другой. Неизвестно кем спровоцированная тревога привела к тому, что обе части одного полка вели меж собой перестрелку около полутора часов, и с обеих сторон имелись жертвы.

Противник в это время, по-видимому, тоже маневрировал, и поэтому никто не знал определенно его местоположения. Одно только было понятно, что он находится где-то перед нашим полком. На основании этих соображений наше движение было прекращено и полк начал окапываться вдоль хребта Черных гор, фланги которого с незначительным спадом уходили в непроходимые лесные дебри.

Через день по долине Черного Черемоша, по потокам ползущих вниз щебня и грязи поднялась батарея полевой артиллерии, состоящая из четырех трехдюймовых орудий, и разместилась с левого фланга полка, под прикрытием лесного массива. Еще через два-три дня противоположные высоты начали оживать. На левом фланге, у опушки леса, уходящего в сторону противника, наша разведка встретилась с разведкой германской Стальной дивизии.

Ни та, ни другая сторона не хотела первой открывать огня, и так обе группы разошлись, поприветствовав одна другую дружеским помахиванием рук. Подобные встречи бывают только между группами разведчиков, людей с крепкими нервами и устойчивыми характерами.

При этой встрече мы обнаружили в лесу небольшой домик, по-видимому, принадлежавший горному пастуху. Людей в нем не было, и лишь за высокой изгородью визжала и хрюкала огромная откормленная свинья. Как у нас, так, вероятно, и у немецкой разведки возникла мысль овладеть столь лакомым в этих условиях жизни блюдом. И вот

на рассвете следующего дня, когда на востоке едва еще заалела заря, мы пошли к лесному домику и снова встретились с немцами.

Одичалая свинья, увидев незнакомых людей, бросилась на изгородь, проломилась ее и помчалась в лесную чащу. С обеих сторон раздались дружные залпы, но испуганное животное углубилось в лес и быстро скрылось в заболоченной чаще. Немцы не любят леса, и поэтому, недовольные исходом охоты, повернули обратно, а мы еще долго преследовали свинью по болотам, пока не выгнали ее в район наших артиллерийских позиций, где она и была убита одним из разведчиков.

Начало немецких атак

Несмотря на миролюбивую встречу с разведкой противника, в этот же день немецкая артиллерия начала пристрелку наших окопов из орудий разных калибров, включая и девятидюймовые фугасы. Эта пристрелка производилась в течение трех дней и дала нам почувствовать, что немцы сосредоточили здесь крупные силы и готовятся к серьезной операции.

Наше командование, в свою очередь, выделило резервную группу, которая разместилась во второй линии окопов, подготовленных на заднем склоне хребта и невидимых противнику.

На рассвете третьего дня, было это, кажется, 7 июля 1916 года, начался массированный обстрел наших позиций противником³⁰. Это

³⁰ Скорее всего, Е. В. Тумилович ошибается в датах. 26–27 (13–14) июля наши войска безуспешно пытались переходить в наступление. А 28 (15) июля уже атаковал противник. Вероятно, именно об этом столкновении и пишет Е. В. Тумилович. На этот момент полк занимал фронт от д. Яворника до ур. Дуконя протяженностью в 19 верст. Противник с утра открыл огонь по высотам 1443 и 1506 (их занимал 2-й батальон), а затем повел наступление. Героическими усилиями 8-й роты он был остановлен. Вечером атака повторилась. Остатки 8-й роты во главе с прапорщиком Хращовским приняли неравный бой и бросились в штыки, полностью погибнув в бою. В это время командир 3-го батальона подполковник Серебряков послал в контратаку 9-ю роту прапорщика Лукова. Она атаковала противника во фланг, взяла 300 пленных, но и сама попала под удар. И в итоге 9-я рота отошла с высоты 1443 на высоту 1506, приведя 154 пленных. 29 (16) июля противник начал артподготовку атаки высоты 1506. Оборону держали 6-я и 7-я роты. Командир 2-го батальона капитан Пантелин бросил в атаку резервную 13-ю полуроту. Первая атака была отбита. В 16 часов во время второй атаки противник ворвался в наши окопы и решил задействовать здесь новые силы. Тогда полурота 13-й роты под командованием ротного командира поручика Самсонова открыла фланговый огонь.

была артподготовка, в которой принимало участие не менее 150 орудий разного калибра. Хребет Черных гор, изрытый окопами, казалось, извергал к небу черные столбы земли и дыма, горы гудели и вздрагивали от взрывов тяжелых снарядов.

Беспечный русский народ не побеспокоился построить надежные укрепления, и вот теперь, когда немцы с целью разгрома нашей линии обороны открыли жестокий артиллерийский огонь, солдаты сидели в мелких, не прикрытых сверху окопах, согнувшись в три погибели, чтобы не торчали поверх окопов головы.

Ясно, что при таких условиях сразу же обнаружились большие потери. Прижатая огнем к земле, в духовном ощущении эта человеческая масса безмолвно ютилась в своих примитивных могилах, и каждый ждал своей очереди, а над ним бушевала огненная буря, осыпая сверху землей, камнями и рваным железом.

Часть неприятельского огня была сосредоточена на участке расположения нашей артиллерии, которая находилась на правом фланге в лесу, почти в одной линии с окопами. И несмотря на подавляющий огонь неприятеля, четыре наших полевых орудия непрерывно вели беглый огонь по позициям и артиллерии противника.

В ожидании атаки усиленная команда нашей разведки выдвинулась вперед метров на двести в лесу на том же правом фланге и, никем не обнаруженная, затаилась на опушке болотистых зарослей.

К полудню немецкая артиллерия усилила свой огонь до максимальных пределов. В это время пехота противника поднялась из укрытий и несколькими густыми цепями двинулась в направлении занятых нашими войсками высот. Прижатым к земле защитникам наших позиций не было видно, что делается перед ними в долине оврага, но у команды разведки всё это происходило на глазах, она ясно представляла себе свое бессилие перед огромной массой атакующего врага. Шрапнельный огонь русской артиллерии на сравнительно близком

А со стороны правого фланга 6-й роты пулеметный огонь открыл унтер-офицер ефрейтор Молотов. Тогда же Серебряков приказал перейти в атаку полуроте 12-й роты, которая находилась в резерве. Во главе с прапорщиком Чигириком она бросилась в атаку. Положение было восстановлено. Стоит отметить, что немалую роль в успехе сыграли 10 пулеметов 2-го и 3-го батальонов под командой прапорщиков Губанова, Юрченко и Голяшева (всего за два дня они расстреляли 78000 патронов). Стоит также добавить, что с 25 июля по 9 августа (12 по 27 июля) 326-й полк находился в составе сводного отряда полковника Л. И. Савченко-Маценко. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 24–27).

расстоянии опрокидывал на землю целые звенья вражеских цепей, но они всё шли и шли, упорно и твердо.

Когда немцы достигли склона занятых нами высот, артиллерия наша уже не могла стрелять и прекратила огонь.

Немцы широко растянулись по склону горы, и левый фланг их двинулся всего лишь в нескольких десятках метров от залегшей в зарослях разведки.

Передняя немецкая цепь была уже в 100 метрах от линии русских укреплений, где царило гробовое и жуткое молчание. Эта мертвая тишина была, казалось, страшнее грома. Наконец артиллерия противника внезапно замолкла, и на несколько мгновений воцарилась полная тишина. Потом склоны горы огласили нестройные невнятные крики — Стальная дивизия бросилась в атаку. Но наверху по-прежнему царил тишина. У бедных разведчиков от этого молчания заходил мороз по коже. Но бежать вверх по довольно крутому подъему не так легко и просто, что немцы, вероятно, не учли, и в самую решительную минуту в непосредственной близости от цели большинство пошло на четвереньках. И вот в этот миг среди их рядов засверкали огненными брызгами взрывы русских гранат. Грохот их слился в один протяжный гром, потрясший воздух и землю. В ход были пущены не только ручные гранаты, в дополнение к ним по склону сбрасывали тяжелые полупудовые круглые бомбы, своими мощными взрывами в массе атакующих они вносили расстройство и сеяли панику.

И вот в этот-то момент изрытая, изуродованная массивированным огнем серая линия русской обороны зашевелилась, поднялась, вырастая, сверкая сталью штыков и потрясая воздух взрывом «Ура!», ринулась вниз на врага.

Таким же ожесточенным «Ура!» и дружными залпами ответила команда разведки, оказавшаяся в тылу врага. Что-то неожиданное и непонятное произошло в первый миг на склоне горы: защитные гимнастерки перемешались с мышинными мундирами, красными петлицами и околышами. Потом всё ринулось вниз по косогору, оставляя позади себя беспорядочно разбросанные по склону серые бесформенные массы трупов.

Так гнал перед собой четвертый батальон 326-го пехотного Белгородского полка части германской Стальной дивизии, в несколько раз превышающие его численностью. После соединения с разведкой, батальон круто свернул вправо и лесом быстро возвратился на свои позиции, чтобы не оказаться в открытом поле под артиллерийским огнем опомнившегося после разгрома пехоты противника.

В течение двух дней на Черных горах был полный покой. На выюках доставляли хлеб и кое-какие другие продукты. Солдаты блаженствовали, и прежняя беспечность снова воцарилась в окопах победителей.

На правом фланге вечером под шатром мохнатой ели сидел Сергей Буров, окруженный разведчиками, и таинственным голосом плел какую-то допотопную старушечью сказку. Ребята молча слушали, без особого внимания. Некоторые, устремив взгляд на противоположные высоты, предавались грустным и печальным мыслям.

— Ты, Сергей, точно умирать собрался — развел такую тоску, — с досадой сказал Лобачев. — Или уже брось, или вспомни что-нибудь веселее, а то уж больно тошно становится.

Буров умолк, его мрачный неподвижный взгляд устремился в неведомое пространство. Лицо застыло, ни обиды, ни досады не выражало оно.

Мертвое выражение смугло-черного лица и неподвижных глаз несколько напоминало застывший труп. Потом он глубоко вздохнул, поднялся и скрылся в вечернем мраке. Что смутило сердце, тоска ли по дому, семье или его мучили какие-либо предчувствия, трудно было разобрать в этот серый пасмурный вечер.

Четвертый взвод, которым командовал Кирюшка Раузов, находился на левом фланге, и поэтому мы встречались с ним только в те минуты, когда его вызывал к себе командир роты.

В тот день он после получения заданий остался на некоторое время со мной. Мы вспоминали наши школьные годы, свой городок и проводы сестер Егеревых на Кабановом хуторе. Здесь я открыл ему тайну нашей шутки над ним, когда он возвращался с хутора после удачных проводов младшей сестры. Мы долго смеялись, но он так и ушел, не поверив моему рассказу.

Это была моя последняя с ним встреча.

Работа пехотного разведчика, благодаря непрерывной опасности и частым столкновениям с врагом, приучает его к смелости, к самообладанию в самых невероятных условиях и вырабатывает способность мгновенно ориентироваться в любых, казалось бы, безвыходных положениях. И поэтому жизнь разведчика сохраняется более длительное время. И чем эта работа сложнее и опаснее, тем упорнее утверждается чувство неверия в возможность смерти, а это, как ни странно, и является основным фактором мнимого бессмертия.

Подобное чувство, волей или неволей, бессознательно овладело в конце концов и мною. То же, по-видимому, ощущали и большинство

ребят моей команды. Справедлива старинная народная поговорка: «Смелым бог владеет», — где под словом «бог» нужно подразумевать, безусловно, твердость характера, безукоризненное самообладание и веру в неприкосновенность. Но человек всегда остается человеком, и только свинец или осколок стали не всегда считается с его убеждениями³¹.

На третий день утром, к общей радости всех, выглянуло солнышко. Туман рассеялся, и яркие зеленые пятна небрежно разбросанных пастбищ заиграли на солнце блеском гигантских изумрудов.

В прозрачном воздухе на десятки километров во все стороны вырисовывались резкие очертания невидимых ранее горных хребтов. И чем дальше уходили они в бесконечность, тем мягче становилась синева их воздушной окраски и тем больше напоминали они застывшие волны безбрежного бурного моря.

Но великий покой, царивший над мертвой природой, был внезапно нарушен громом тяжелых орудий, свистом снарядов и грохотом взрывов. Вновь началась артиллерийская подготовка к очередной атаке наших позиций. И вновь полузасыпанные землей и камнями люди в безмолвном оцепенении жались к стенкам своих окопчиков в безнадежной и бессмысленной борьбе за право на жизнь.

Кто попадал на войне в подобные условия, тот, вероятно, помнит, что нет ничего тяжелее и ужаснее, как лежать часами под ураганным

³¹ Приведенное описание разведчиков интересно сравнить с оценкой М. Н. Герасимова, подпоручика в годы Первой мировой, а в советское время — генерала (во время Великой Отечественной войны — командующий армией). В своих мемуарах он с восхищением пишет о своем начальнике штаба-ротмистре Н. М. Муромцеве, начальнике команды пеших разведчиков: «...я по-новому взглянул и на разведку, и на разведчиков. Убедился, что удача Муромцева в разведке в действительности есть результат большой и напряженной работы всей команды, высоких организаторских способностей самого Муромцева и отличных боевых качеств всех разведчиков, их изобретательности и инициативы». В уста Муромцева мемуарист вложил и следующее описание качеств разведчика: «Я не отрицаю допустимость риска, но бесшабашная удаля, как вы определили некоторые качества, необходимые разведчику, в большинстве случаев простое безрассудство. Разведчику нужно иметь горячее сердце, в этом я полностью согласен с вами, но наряду с горячим сердцем ему нужна холодная голова. Тогда и горячее сердце дольше будет биться в отважной груди» (*Герасимов М. Н. Пробуждение. М., 1965. С. 119–120, 122*).

артиллерийским огнем в пассивном бессилии и каждую секунду ждать своей смерти. Любое активное столкновение с более многочисленным врагом или самая беспощадная контратака гораздо легче переносится, чем вынужденное и сознательное бездействие под массированным артиллерийским обстрелом. Когда же перед атакой внезапно прекращается грохот орудий, солдаты обыкновенно легко вздыхают, и на лицах оставшихся в живых появляются даже улыбки.

И вот с того дня в течение полутора недель каждый день повторялось одно и то же. Иногда атаки противника возобновлялись по два-три раза в день и каждый раз с беспримерной стремительностью вновь отбивались.

Измученные, изнуренные воины целыми днями сидели голодные и лишь по ночам в полусонном бреду грызли свои сухари или получали скудную остывшую пищу. Но воля и стойкость с каждым днем становились всё крепче и крепче.

Ночью уносили убитых и эвакуировали раненых. С каждым днем редели силы защитников Черных гор, но никакого подкрепления или пополнения ниоткуда не прибывало. Что думало высшее командование и даже сам Брусиллов, получая смутные сводки о стойкости и возрастающих потерях этой горсти обреченных на верную гибель, сильных духом и гордых людей, непонятно было тогда и неясно теперь. Была ли это обычная беспечность или просто предательство, покажет будущее, ибо от глаз времени и суда истории никогда и ничего не может укрыться, несмотря ни на какие хитрости, козни и ложь.

Но защитникам перевала Карпат в то время от этого не было легче. Многие раненые оставались в строю и продолжали оборону наравне со здоровыми. Я видел одного пожилого солдата, который, будучи ранен во время контратаки, сначала упал, потом быстро вскочил на ноги, разорвал на груди гимнастерку, где прямо против самого сердца торчал почерневший затылок застрявшей между ребрами пули. В таком положении до ночи он оставался в строю и после удаления пули не покинул своих боевых товарищей.

За период этой неравной борьбы были разбиты еще два орудия нашей батареи, осталось только одно, но и это одинокое орудие целый день ни на минуту не прекращало огня; его размеренные удары резко выделялись из массы окружавших его взрывов и этим вселяли некоторую бодрость в сердца русских солдат.

Еще 20 июля на исходе прохладного дня была отбита последняя атака противника — фугасы рвались у наших окопов до момента под-

хода цепей почти к самым окопам³². Под артиллерийским огнем их контратаковала по центру резервная группа, поддержанная ружейным огнем и гранатами первой линии обороны. К ночи всё снова затихло, гнетущая тишина опустилась на Черные горы и зловещим предчувствием вкралась в души измученных изнемогающих воинов.

21 июля. Еще не всюду расступился ночной предрассветный туман, красные стрелы восхода огненно-красными лучами из-за горных хребтов бороздили небесную высь и, попадая на серое облако, воспламеняли его светом утренних зорь. Молочные реки тумана ползли по лощинам и складкам меж горных хребтов. Капли утренней росы висели на иглах еще дремлющих елей. Но народ уже не спал. Какое-то странное, неясное предчувствие, непонятно чем вызванное, волновало остатки забытых защитников горных хребтов. Говорили тихо, проверяли винтовки, гранаты и с суровым волнением поглядывали на высоты, занятые озлобленным врагом. На склоне лежали неубранные трупы, безмолвные свидетели вечерней отбитой атаки.

Вместе с первыми лучами солнца началась и новая артиллерийская подготовка, но более мощная и более жестокая. Глухой гром орудий доносился и с фронта, и с флангов.

Визг шрапнелей и взрывы фугасов слились в один общий рокошущий гул. В столбах черной пыли и едкого дыма померкло утреннее солнце, и над линией наших окопов навис полумрак.

Злорадство смерти в тот день не имело границ. У правого фланга, где обычно сидели разведчики, вместе с Буровым мы успели вскочить в одиночный окоп и молча, без всякой надежды считали свои последние минуты.

Полное тупое безразличие овладело чувствами, и жизнь в эти минуты казалась ненужным и тяжелым бременем.

Какой-то обезумевший, лишившийся рассудка солдат выскочил из окопа и, с дьявольским хохотом поднимая руки к небу, потрясал кулаками. Последующий взрыв тяжелого фугаса огненным вихрем смахнул его мертвое тело обратно в окоп. В последние дни случаи безумия здесь стали обычным явлением.

От ударов снарядов о камни и грунт и последующих взрывов земля под нами тряслась как в лихорадке. Визг, свист и вой рвущийся стал был настолько силен и пронзителен, что я невольно зажал голову

³² Обнаружить сведения об этом бое не удалось.

руками и так сидел, полусасыпанный землей в этой маленькой братской могиле.

Страшный порыв какого-то вихря чуть не свернул мою голову и унес фуражку. Тихо прозвучал еле слышный короткий хрип. Голова Сергея Бурова низко повисла на грудь, а против нее в стенке окопа открылась черная зияющая круглая щель. Котелок, висевший у вещевого мешка на спине Сергея, быстро наполнился до половины дымящейся кровью — целый неразорвавшийся снаряд пробил спину у самой шеи и ушел в грунт. Так печально прервалась жизнь бесстрашного разведчика в им же самим вырытой могиле.

Через несколько часов огонь так же внезапно прекратился. В какой-то безумной лихорадке я ждал команды к контратаке, но ее не последовало. Из окопов никто не поднялся. Внезапно наступившая зловещая тишина была так страшна в этот миг, как и предшествующий ей оборванный гром.

В центре наших позиций вдруг появились какие-то серые люди и, по-видимому, в недоумении и замешательстве смотрели по сторонам, заглядывали в окопы. Число их быстро росло. Потом направо в тылу, со стороны батареи, появились такие же чужие люди. Рассудок вернулся. Всё вмиг стало ясно.

«Плен, смерть или свобода», — молнией пронеслось в голове. Да, смерть или свобода.

Я выскочил из окопа. Несколько знакомых лиц также поднялось и замерло. И вдруг, как будто по команде, мы бросились навстречу подымающимся в гору со стороны батареи немцев.

Соскочив с валуна, я внезапно оказался перед смертельно бледным лицом совсем еще молодого немецкого офицера. Немое оцепенение продолжалось всего лишь считанные доли секунды. Рука инстинктивно рванулась кверху, и штык моей винтовки вонзился в его горло и уперся во что-то твердое. Одновременно с этим ударом у самого моего лица прозвучал сухой выстрел, и пуля прорвалась в гимнастерку, обжигая мою шею.

Труп офицера медленно покачнулся и вместе с моей винтовкой опрокинулся и покатился по склону. Через мгновение мы уже были в лесу. Интенсивная беспорядочная стрельба позади заставила нас прижаться к земле и по-кошачьи ползти вниз по крутому лесистому склону. Но радость свободы и жизни уже ликовала в пылающем сердце. Через некоторое время мы спустились в долину верховьев Черного Черемоша. По извиляющейся, покрытой плывущей грязью дороге наши артиллеристы

тащили свое последнее подбитое орудие. На участках дороги, которые иногда были видны с покинутого нами перевала, снова свистели пули и шлепались в жидкую грязь или вонзались в стволы могучих елей.

Часа через три небольшая группа бежавших от плена солдат спустилась к слиянию рек, с трудом перебралась через догорающий мост и здесь в полном изнеможении лишенные последних сил люди падали на землю у орудий горной казачьей артиллерии, которая должна была закрыть своим огнем выход из долины, вернее, ущелья Черного Черемоша. Через некоторое время немцы появились и здесь, но, встреченные картечью горной артиллерии, ушли обратно на перевал.

Офицеры, наблюдавшие из штаба полка за сражением на Черных горах, впоследствии рассказывали, что 21 июля на Черных горах было подобие извержения нового вулкана. Большая часть защитников погибла в окопах. Часть из попавших в плен при переправе их немцами через какую-то бурную реку, текущую в направлении Венгерской долины, погибла в ее кипящих водах³³.

После потери перевала остатки русских войск отошли на несколько десятков километров по той же долине Черемоша. Полк наш был перестроен и укомплектован новым пополнением из татар и других монгольских национальностей, большая часть которых не знала русского языка и домой обычно писала письма на своем, никому не понятном жаргоне. Местная цензура возвращала эти письма и разъясняла, что писать нужно только на русском языке³⁴. В результате этих разъяснений

³³ Наступление противник начал 3 августа (21 июля) утром. Уже около 12 часов противник потеснил наш батальон у Яворника. А потому 3-й батальон начал принимать положение вправо к горе Людова (1466). Начальник дивизии двинул две роты во фланг противнику. Около 15 часов противник открыл огонь по участкам 1-го и 2-го батальонов и повел наступление. Основной удар приняли 14-я (высота 1506) и 5-я (высота 1610) роты. По нашим оценкам, против каждой из них наступало не менее батальона. Пагубную роль сыграл и прицельный огонь противника, который разбил сразу пять пулеметов. Несмотря на сопротивление 5-й роты прапорщика Браженцева германцы прорвали ее позиции и зашли в тыл 2-му и 3-му батальонам. 14-я рота прапорщика Миллонаса три раза бросалась в контратаку и отошла только тогда, когда противник вышел в тыл со стороны высоты 1610. Нашим двум батальонам пришлось по горам отступать на Гриняву. 7 августа (25 июля) полк отошел на Долгопольскую позицию. См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 28–29.

³⁴ В действительности подобное положение было на всех фронтах. Огромный поток писем в годы войны привел к тому, что система цензурных органов

появились письма, написанные русскими буквами, но язык оставался тот же. Так ничего с ними поделаться и не удалось.

Ясно, что от такого пополнения трудно было ожидать вначале положительных результатов, что со временем и обнаружилось при первых попытках восстановить утраченное положение на фронте.

Из группы разведчиков счастливо уцелело пять или шесть человек, в том числе Лобачев, Моисеев, один весьма храбрый и всегда ко всему равнодушный чуваш и еще кое-кто.

В резерве мы буквально ничего не делали и, как следствие, целый день думали только о еде. Все мы в то время получали за свои награды довольно приличную по тому времени сумму — по 8–20 рублей в месяц. Сверх своего законного питания в полковой лавочке мы могли покупать любые продукты и лакомства. Там было печенье, шоколад, какао, консервы и тому подобные вещи, а у местных же жителей за хлеб выменивали молочные продукты.

Наш повар-чуваш любил часто готовить какое-то особенное экзотическое блюдо, состоявшее из картофельного пюре, которое заливалось горячим молоком с растворенным в нем какао и сахаром. Это не особенно остроумное и хитрое блюдо готовилось всегда в огромной эмалированной кастрюле. На свежем воздухе, где-либо под тенью деревьев, с большими деревянными ложками рассаживалась вокруг вся группа разведчиков, до отвала наедалась этой жидкой, ароматной коричневой массы и тут же в изнеможении маленькая команда укладывалась спать.

Жили мы своей дружной семьей на окраине деревушки, в какой-то заброшенной избе. И вот, помню, однажды часа в три ночи осторожно и нерешительно разбудил меня Лобачев.

— Старшой, свининки покушать не хочешь? — в некотором замешательстве прошептал он.

— Какой свининки? Где вы ее взяли?

Мне хотелось спать, но обижать ребят было неудобно, и я, не вдаваясь в подробности этого вопроса, встал, взял кусок отварной свинины,

(перлюстрировавшая письма на предмет наличия сведений, содержащих военную тайну) не справлялась с ним. Соответственно, главнокомандующие армиями фронта уже в 1915 г. начали отдавать приказ о запрете корреспонденции на иностранных и инородческих языках. Летом подобный вопрос поднял штаб Юго-Западного фронта. В ответе генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего М. С. Пустовойтенко указывалось, что необходимо запретить писать письма на тех языках, которыми не владеют имеющиеся в распоряжении цензоры. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1488. Л. 322, 324, 325.

да так с ним в руке и уснул снова. Утром выяснилось, что неугомонные разведчики не поленились в два часа ночи отправиться в горы и вытащить там из сарая поросенка, не обнаруживая при этом себя ни малейшим шумом.

Мародерство в то время не особенно поощрялось, да и ребята потом устыдились своего поступка, вызванного излишней жадностью. Утром собрали деньги, хлеб и снесли удивленному, растерявшемуся гуцулу, который еще даже не знал о таинственном исчезновении принадлежавшего ему поросенка³⁵.

Дни отдыха на фронте летели обыкновенно с неимоверной быстротой. Немного отдохнули, немного поучились, поменяли белье и двинулись снова на передовую.

Сменяемая нами часть стояла на подходах к тому же горному хребту, высоте 1077, который был взят нашим батальоном в первом нашем бою за Карпаты. Оставляя старые наши позиции, эта воинская часть предоставляла нам честь снова занять знакомый уже горный хребет.

Тем же почти старым путем повел я разведку на эту высоту. К утру мы поднялись на седловину между Плайкой и известной уже нам высотой, но признаков жизни там вначале никаких не обнаружили. Тогда двинулись мы влево, вдоль голой узкой вершины в направлении крутого обрыва, у подножия которого злобно шумел Черный Черемош.

³⁵ Стоит отметить, что русское командование крайне негативно относилось к мародерству, применяя к мародерам весьма жесткие санкции — вплоть до расстрела. При должной энергии со стороны начальства даже в оккупированных вражеских городах (например, восточнопруссские Инстербург и Тильзит) устанавливался образцовый порядок, отмечаемый в дальнейшем даже противником. Вместе с тем нередко в период тяжелых маневренных боев, сопровождаемых перебоями со снабжением, войскам приходилось питаться «местными средствами». Однако в этом случае мародерство следует отличать от реквизиций. Кроме того, например, на оккупированных вражеских территориях подобным образом войска пытались бороться с благосостоянием противника, подрывая его экономические основы. Отечественный исследователь А. Б. Асташов предлагает рассматривать присвоение чужих вещей («трофеев») как дополнительную мотивацию участия в войне и способ «реализовать свои представления о полезности на этой войне». В любом случае, проблема мародерства не может рассматриваться вне контекста конкретных операций, а также без учета выстраиваемой войной особой системы ценностей. Подробнее см.: Асташов А. Б. Указ. соч. С. 192–199; Пахалюк К. А. Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914–1915 гг. // Военно-исторический архив. 2012. № 6 (150). С. 160–178; 2012. № 9 (153).

В это время батальон подошел вплотную к подножию высоты. Не ожидая результата разведки, командование довольно легкомысленно повело еще совершенно необстрелянных новобранцев, не знающих в общей массе русского языка, по крутому, дико заросшему дремучим лесом склону горы.

Для воодушевления солдат наша артиллерия, не зная о том, что разведка находится на вершине, начала обстрел ее шрапнельным огнем. От этого огня мы, конечно, мало испытывали удовольствия, так как потерять голову и жизнь без всякой пользы, да еще от своей собственной артиллерии, было верхом непростительной глупости. Но с этим несладким обстоятельством поневоле пришлось смириться.

Укрывшись за стволами верхних елей, осыпаемые шрапнельными пулями, которые звучно щелкали по стволам и сбивали еловые ветви, терпеливо ждали мы, когда кончится это безобразие.

Нужно напомнить, что на этот раз мы имели дело не с трусливыми австрийскими войсками, а с германской Стальной дивизией. Немцы нас, конечно, видели и терпеливо поджидали, когда мы сами придем к ним прямо в лапы.

Наконец наша артиллерия умолкла, и я понял, что батальон уже где-то близко подошел к вершине. Желая окончательно убедиться, что противника на горе нет, мы перевалили через вершину и двинулись по высокой траве к противоположной опушке леса. И вот в этот-то момент произошла совершенно неожиданная наша встреча. После прекращения артиллерийского огня немцы, решив, по-видимому, захватить нас живьем, двумя группами поползли в траве нам навстречу.

Моисеев заметил раньше остальных движение травы, дал коротким птичьим голосом условный сигнал, и когда перед нами показались враги, мы уже падали в траву, и после дружного залпа наши гранаты одна за другой полетели навстречу противнику, вызвав там вполне естественное замешательство.

В это время наша пехота добралась уже до опушки леса, который кончался всего лишь в 20–30 шагах от вершины, и была уже готова к последнему броску. Но вот в этот-то момент, когда загремели наши гранаты и раздалась ружейные залпы с обеих сторон, произошло нечто безобразное и постыдное, о чем до настоящего времени я не могу вспоминать без злой горечи и досады.

Несмотря на то что наши горе-богатыри ясно видели на вершине горы свою разведку и что мы совершенно не собираемся покидать ее, испуганные внезапными взрывами гранат, они, как стадо глухих

баранов, бросились обратно вниз с такой стремительностью, что лес задрожал, загудел, как будто в нем бушевала гроза. Всё это произошло на наших глазах так неожиданно и так глупо, что я впервые растерялся, а у Лобачева от злости и досады выступили на глазах слезы.

После такого конфуза нам ничего не оставалось делать, как, пользуясь некоторым коротким замешательством немцев, быстро ползком исчезнуть в направлении постыдно убегающих от нас же наших однополчан. Вот что может наделать плохая подготовка солдат и преступная беспечность начальства.

Но злая шутка судьбы этим еще не кончилась. Отходя, мы, естественно, отстреливались, а немцы, не решаясь преследовать отходивших, отвечали тем же. Наши вояки, будучи остановлены на половине склона горы резервной группой, открыли в направлении собственной разведки бешеную стрельбу.

Мы, таким образом, очутились между двух огней и, с трудом укрывшись меж камнями и в трещинах скал, около часа лежали неподвижно, в ожидании успокоения стрельбы и смирения человеческой глупости. Потом сначала Моисеев один, повесив на штык белый носовой платок, с осторожностью спустился вниз и предупредил о возвращении попавших в беду разведчиков. Оказывается, стрельба эта возникла сама по себе стихийно. Взводные офицеры приостанавливали ее в одном месте, она возникала в другом, и так продолжалось, пока не надоело самим стрелкам.

Когда противник, пытаясь, по-видимому, узнать, что произошло, начал спускаться вниз, стрельба с обеих сторон снова возобновилась и продолжалась до самой глубокой ночи.

Страшная ночь

В результате этой бессмысленной вечерней перестрелки среди наших солдат оказалось немало пострадавших и даже убитых. Наконец, стрельба постепенно прекратилась, наступила полная тишина. Черная непроглядная ночь опустилась на мрачные ели и окутала своим черным мраком всё живое и мертвое. Люди узнавали своих соседей только по сдержанному шепоту или наощупь.

Еще до наступления полной темноты по распоряжению начальства были выставлены секреты, а батальону приказали вытянуться в одну цепь и чувствовать плечом своего соседа. Но несмотря на эту жуткую призрачную тьму и вполне естественный страх, усталые и голодные солдаты начали постепенно засыпать.

Разведчики же совершенно не спали и предыдущую ночь, а поэтому все быстро уснули мертвецким сном. Я лежал между чувашем и Лобачевым, и так как оба они невыносимо храпели, я же с детства совершенно не переносил этих звуков, отполз вперед шагов на десять, выбрал во мху мягкое и уютное местечко и, слушая далекий ровный шум Черемоша, тоже уснул почти непробудным, но болезненно чутким сном.

Не знаю, сколько времени продолжался этот тяжелый сон. Будучи в стороне от общей цепи, я не слышал и не знал, что происходит вокруг. Черная ночь оставила эту страшную тайну неразгаданной.

Просвистел ли катящийся мимо меня камень, или тяжелые холодные капли ночного дождя, непрерывно падавшие с еловых ветвей мне на лицо, заставили меня проснуться, и я приподнялся, не сознавая сразу, где я и что происходит вокруг.

Такая жуткая невыносимая тишина и черная тьма вызывали невольную дрожь. Потом я припомнил вчерашнюю обстановку и тихонько пополз, как мне казалось, к тому месту, где лежал вечером.

Я ощупывал руками мох, камни, корни деревьев, но людей не находил. Непонятный ужас начал постепенно, как ядовитая безжалостная змея, пробираться к рассудку. Мои движения стали какими-то лихорадочно быстрыми. Я наткнулся на чью-то руку, затряс ее, но она была холодна и безжизненна. Невольный стон вырвался у меня из груди, но этот звук моего голоса был так ужасен, что я, теряя рассудок, упал и прижался к земле. Потом я встал на ноги, протянул руки вперед, сделал несколько шагов, споткнулся о что-то мягкое и упал на новый труп. Бессознательно вцепился я в него руками, а волосы на голове зашевелились, и отчетливый стук моего сердца был четко слышен в этой мертвой черной тишине.

Далее смутно припоминаю, как я летел вниз по склону горы, падал, вскакивал, ударяясь головой о стволы деревьев, снова вставал, бежал и снова падал. Нормальный рассудок у меня в тот момент, вероятно, отсутствовал, и это возбудило во мне новое, неестественное мужество в неравной борьбе с темными силами и мнимым врагом.

Ударившись головой о ствол дерева, я потерял, вероятно, на некоторое время сознание, и это спасло меня от полной потери рассудка. Когда я очнулся, утренний свет уже слегка пробивался сквозь мохнатые колючие лапы горных лесных великанов. Этого едва уловимого света было достаточно, чтобы изгнать из воображения дикий ночной ужас. Я снова поднялся и, еле двигаясь от усталости и боли, пополз вниз.

Крутизна откоса постепенно уменьшалась, лес редел и радостный свет первых бликов утренней зари улыбался пробуждаемой им же природе.

Гора кончилась. Я спустился в долину, миновал еще сонные гуцульские сады, хуторá и вышел на дорогу, которая сопровождала бурные воды Черемоша. Но и здесь была полная тишина — ни солдат, ни гуцулов, как будто всё вымерло вокруг в эту страшную черную ночь.

Сображая, что солдаты ушли ночью и разместились по избам на отдых, я постучал в одну из ближайших халуп. Через несколько минут дверь заскрипела, открылась, и на пороге появился знакомый старик, но он не узнал меня. На его лице одновременно появился неподкупный испуг, удивление, растерянность, и он в страхе снова захлопнул дверь. Я всё еще ничего не понимал. Спустился к реке, и когда пил жадно воду и освежал ею лицо, то обнаружил, что оно сильно распухло и заняло от соприкосновения с холодной водой. Потом я постепенно начал прибавлять шаг, и неясная тревога снова волновала мысли.

Уже наступил день. Сентябрьское солнце еще сильно грело и сушило остатки росы от утреннего тумана, но ни одного русского солдата по-прежнему не попадалось мне на пути. Гуцулы, увидев меня, сердито поглядывали и шептались между собой.

В горах впереди меня и с боков послышались отдельные выстрелы. Я побежал. Только к исходу дня догнал я свою роту. Разведчики с радостными криками обступили меня и с удивлением рассматривали мою избитую, изодранную физиономию.

Первое, что я сказал вместо приветствия, это были слова «Дайте зеркальце». И хотя я не узнал себя в нем, но с радостью убедился, что цвет волос моих, несмотря на ужас пережитой ночи, остался прежним.

Дальше по пути мне ребята рассказали, что ночью выяснилось следующее: в то время, когда наш батальон пытался атаковать высоту 1077, немцы начали обходить нас с обоих флангов, в связи с чем ночью же был дан приказ при соблюдении полной тишины оставить гору, спуститься в долину под прикрытием ночи, отойти на 25–30 километров и занять новые позиции. Приказ об отходе был передан по цепи и солдаты разбудили каждый своего соседа, сняли посты и, соблюдая полную тишину, спустились в долину.

Я же лежал в стороне в неизвестном никому месте, и поэтому остался там коротать эту памятную ночь в полном одиночестве, по соседству с забытыми трупами...

В тот же вечер батальон занял новые позиции. Немцы двигались вслед горными хребтами и перевалами, сокращая себе этим путь. Когда наступило следующее утро, они уже были перед нами в долине реки; а некоторые их группы расположились на горных хребтах, фактически уже в нашем тылу, откуда расположение батальона было видно как на ладони.

Чувствуя себя оставленными в мешке, солдаты и офицеры переживали, так как противник в любой момент мог отрезать группу, обороняющую долину. Какая была цель удерживать нас в то время в таком тяжелом положении, сообразить сначала было трудно. Когда же посланный в штаб дивизии курьер возвратился с приказом стоять насмерть и держать оборону до последнего солдата, то сразу смирились и успокоились. С наступлением ночи в долине оставили на риск небольшой заслон, а основные силы заняли оборону вдоль горных склонов по обе стороны долины реки. При попытках же противника пустить вниз разведку, солдаты открывали беглый ружейный огонь, им и сбивали его с толку.

В числе незначительной группы более надежных солдат, обороняющих долину реки, находилась команда разведки, которая занимала центральную часть обороны, глубоко вклинившуюся в расположение врага.

Ночь напролет ни один человек не имел права хотя бы на минуту сомкнуть глаза. Где-то позади происходили стычки с противником, трещали пулеметы, гремела артиллерия, но группа эта твердо охраняла долину реки с тяжелым, но гордым сознанием своего назначения и своей обязанности.

Так продолжалось несколько суток, пока команду разведки не отозвали на несколько километров назад. Тут же я получил новое задание — провести на следующее утро глубокую разведку боем в районе расположения совершенно незнакомых мне высот. После тщательного изучения карты и окружающей местности с вершины одной из наиболее высоких сопok ранним утром, скрываясь в залитой туманом лощине, двинулись мы в незнакомый нам опасный путь.

Я уже упоминал о том, что немцы зря никогда не обнаруживали своего присутствия ни своим открытым появлением, ни стрельбой. Они до последней минуты следили из укрытий за движением своих противников и начинали действовать, взвесив обстановку, наверняка. Это обстоятельство, конечно, нервировало и меня, и остальных ребят, хотя каждый старался не проявлять чувства беспокойства. Шли мы, вытянувшись в редкую цепочку, соблюдая полную тишину, и, как

волки, присматривались к каждому кусту и каждому камню или выступу скалы. Расположение наших войск осталось далеко позади.

Лощина с бегущим на дне ее ручейком пошла круто вверх и уперлась в гранитный обрыв высотой в несколько метров, по которому сбегали струйки воды, образуя внизу подобие маленького водоема. Здесь я оставил для прикрытия большую часть своей группы, а сам с Лобачевым, Моисеевым и Чувашем обогнул гранитный массив и поднялся на его плоскую террасу.

Деревьев здесь никаких не было, лишь высокая, высушенная солнцем нескошенная трава покрывала пологие склоны соседних высот.

Тут мы были как на ладони, и нас могли увидеть со всех сторон. Пришлось залечь в траву и продолжать свой путь ползком. Здесь мы двигались параллельно и хорошо видели друг друга. Впереди на низеньких жердях тянулись телефонные провода. Лобачев был к ним ближе остальных. Я сделал ему знак пальцами перерезать их. Он подполз ближе, немного приподнялся и протянул руку, но в этот момент, опередив немного выстрел, раздался звучный шлепок пули о кость, рука Лобачева упала, и сам он свалился в траву. В то же время, бог весть зачем, вероятно, просто инстинктивно приподнялся Чуваш и тут же был намертво сражен пулей. С двух сторон немцы уже в открытую, во весь рост, бежали к нам. Моисеев выстрелил и, как змея, ползком спустился вниз у скалы. За ним сполз с болтающейся рукой и искаженным лицом Лобачев. Я же, двигаясь посередине, очутился против обрыва, который отрезал мне путь отхода.

Растерянность в таких случаях равноценна смерти. Выстрелив в упор по подбегающему ко мне немцу и заметив, что второй бегущий за ним замешкался, заряжая на ходу винтовку, я снова выстрелил и бросился к обрыву. Вместе с визгом пуль позади раздалось несколько выстрелов, но я уже летел вниз с обрыва. Падение было довольно удачным — я надломил себе только шейку левого бедра.

Оставленные мною внизу товарищи, укрывшись за камнями, своим огнем остановили немцев. Двое из них подняли своего старшего и потащили обратно в сторону расположения своей части. Остальные, продолжая отстреливаться, двигались к исходному рубежу.

Таким образом нам удалось вклиниться в расположение противника, но установить его силы мы не смогли.

Мне кажется, что дальнейшее описание однообразных событий боевой жизни может наскучить, и поэтому считаю более целесообразным упомянуть о них лишь в общих чертах.

Во время моей непродолжительной болезни наша часть снова продвинулась несколько вперед — в район той же злополучной высоты 1077, укрепились на высотах, где и застала нас зима³⁶.

До будущей весны военные действия ограничивались лишь мелкими стычками любителей острых ощущений да артиллерийскими дуэлями. Когда же снежные сугробы сравняли в одну белую пелену все неровности и окопы, а долины ручьев и овраги стали совершенно непроходимыми, то и эти мелкие стычки прекратились, и на фронте воцарилась полная тишина.

Покой этот лишь иногда нарушался, да и то, по-видимому, от скуки, нашей тяжелой артиллерией, доставленной в долину Черемоша из Осовецкой крепости.

Февральская революция

В конце февраля весь 326-й Белгорайский полк был отведен в резерв на очередной отдых и размещен в землянках на небольшом открытом плоскогорье, вдоль какого-то неширокого, но бурного потока. В том месте, где этот ручей вливался в Черемош, лежал в его русле огромный валун, который был, вероятно, принесен сюда потоком во время горного ливня. Он занял почти всё русло и преградил путь движению быстротекущих вод. Озлобленный поток оглашал своим бешеным ревом долину, стараясь столкнуть со своего пути непрошеного гостя, им же принесенного сюда из высокогорных ущелий.

Жизнь полка протекала в обычных условиях отдыха: людей мыли в банях, меняли белье, к весне, как правило, выдавали зимнее обмундирование и теплые папахи, причем всё это внедрялось с большим нажимом. Хотя в это время в нем не было уже никакой необходимости. Но ничего не поделаешь, дисциплина — закон для солдата. Зимой обыкновенно мерзли в фуражках, а до середины лета парились в теплых тяжелых папахах.

³⁶ Стоит отметить, что с 9 по 13 августа (27 по 31 июля) полк вел безуспешные бои за высоту 981. 20 (7) августа ввиду успехов других частей противник на участке 326-го полка отошел. А сами белгорайцы заняли д. Яблоница. С 22 (9) по 30 (17) августа велись бои за высоту 1077. 31 (18) августа с выступлением Румынии отряд генерала Сухих (325-й, 326-й, 327-й пехотные полки вместе с 9-м Донским казачьим полком при поддержке артиллерии) повел наступление. На следующий день высота 1077 была взята 4-м батальоном 326-го полка. Наступление с переменным успехом развивалось до 6 сентября (24 августа). См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 156. Л. 36–38.

Каждый вечер полк выстраивался на поверку, на молитву, тут же сообщались некоторые приказы. Оркестр играл гимн, потом марш, и народ расплзался по землянкам на отдых и сон.

С наступлением сумерек в землянках зажигали керосиновые коптилки, в изготовлении которых изошрялись каждый по-своему, но все они страшно коптели и наполняли эти вдавленные в землю тесные неуютные логовища смрадом и копотью.

Иногда по воскресным дням солдаты по собственной инициативе устраивали даже самодеятельные концерты. Для этой цели на одном из пригорков было устроено из жердей и еловых лап почти подобие сцены. Ну а зрители располагались, конечно, прямо на земле, густыми темными рядами.

Любая удачная или неудачная солдатская острота или нецензурная выходка наделялась громом аплодисментов и одобрительными криками. В репертуар этого фронтового театра входило всё что угодно, всё, что приходило в голову любому из его актеров. На сцене часто появлялись даже опытные провинциальные балаганные болтуны, которые здесь, в отсутствие прекрасного пола, давали волю своей необузданной отвратительной пошлости.

Бедные, лишенные самой ничтожной доли культурных духовных потребностей зрители воспринимали всякую гадость за счастье и чистосердечно наслаждались этим редким зрелищем.

Известный уже нам огромный хохол Мороз был здесь незаменимым конферансье. Появление его мрачной, косолапой, глядящей исподлобья фигуры со старинной лирой на боку всегда вызывало дружный взрыв хохота и рукоплесканий.

Под аккомпанемент этой лиры, издававшей звуки, похожие на одновременный скрип доброго десятка немазанных телег, широкомордый Мороз, слегка подмигивая, выдавал иногда такие штучки, что многие зрители вместо смеха крепко задумывались и, поглядывая друг на друга, почесывали затылки. Происходило это обыкновенно тогда, когда по каким-либо причинам отсутствовало всевидящее око военной полиции и вездесущая тень капитана Гречкина.

Наш духовный наставник, полковой священник, становившийся когда-то перед походом во главу полка, с тех пор как одним из первых в полку заболел далеко не цензурной болезнью, вовсе перестал показываться солдатам на глаза и принимал лишь участие в полковых офицерских попойках. Концерты эти Мороз часто заканчивал вместо гимна любимой солдатской песней:

Твоя жизнь это та же могила,
Что ни час в наступленье иди.

Во время исполнения этой песни его бархатная могучая октава глубоко задевала сердечные раны старых воинов и часто вызывала невольную скупую горькую слезу.

По вечерам после поверки по дымящимся землянкам начинали робко ползать какие-то странные, неопределенные слухи о какой-то сказочной свободе, о новом царе, о неясных волнениях в столице и т. п. При мерцающем свете мрачных коптилок, под вечно неумолкающий шум неугомонного потока слухи эти в десятках всевозможных вариантов незримыми волнами колыхались по лагерю и возбуждали радужные и яркие надежды в заскорузлых мозгах серых подземных жителей.

Числа 12 или 15 марта 1917 года, точно не помню, выстроенный длинными стройными рядами полк заканчивал вечернюю поверку. В это время со стороны правого фланга на прекрасном вороном коне прошмыгнула какая-то мрачная фигура и остановилась слегка поодаль фланга. Дежурный офицер, отделившись от строя, скомандовал:

— Полк смирно! Господа офицеры! — и направился к подъехавшему, но эта темная фигура отмахнула рукой, и дежурный офицер в недоумении остановился.

— Командир дивизии — генерал Пронтов, — пробежал по рядам сдержанный шепот.

— Что-то неладное, братцы, привез, — пробасил Мороз. — Глянь, фуранька як кверху сзаду задралась.

Действительно, может, происходило это случайно, но всегда, когда генерал появлялся с недобрыми вестями, широкие поля его фуражки сзади были задраны кверху, а голова опущена вниз. Оркестр непонятно по чьей команде заиграл гимн «Боже, Царя храни!». Но генерал замахал руками, и оркестр умолк.

Тогда Пронтов выехал вперед, остановился перед полком и произнес сдавленным глухим голосом:

— Их Императорское величество Николай Второй, император всея Руси, царь Польский... и т. д. и т. п. [27 февраля] 1916 года³⁷ отказался от престола.

³⁷ Видимо, неточность или описка: отречение состоялось 15 (2) марта 1917 г.

Он, кажется, продолжал еще что-то говорить, но в этот миг раздался такой оглушительный взрыв «Ура!», что генерал снова повесил голову, а поля его фуражки загнулись кверху. В воздух непрерывно летели папахи. Солдаты хватали друг друга за руки и крепко жали их.

— Братцы, тут и войне конец! — прозвучал могучий рев Мороза. Его попытались качать, но уж слишком велика была эта махина, и он, шутиливо помогая восторженным товарищам, сам смеялся и, размахивая руками, слегка подпрыгивал от земли. Потом Пронтов поднял руку кверху и терпеливо ждал, когда умолкнет разбушевавшаяся стихия.

Прозвучала команда «Смирно!». Приученные к строгой военной дисциплине солдаты сразу умолкли. Пронтов продолжал:

— Император Николай Второй отказался от престола в пользу великого князя Михаила.

Генерал круто повернул коня и скрылся в сгущающихся вечерних сумерках.

— А трясца ему в зад, — с досадой рывкнул Мороз. Под звуки невнятного ропота серая масса шинелей стала растекаться по своим землянкам.

Итак, об отречении Николая и о Февральской революции мы узнали на фронте только через 12–15 дней после свершившегося факта.

Война всё же продолжалась. Но этот огромный тронутый с места улей в лице всей великой России, в массе оторванных от семей, от труда и мирной жизни, одетых в серые прокопченные, ободранные шинели людей, грозно гудел внутри. И опытное ухо «старого пчеловода» уже улавливало в этом шуме победные звуки великих грозных событий.

Примерно за месяц до Февральской революции мои документы были, в конце концов, присланы в штаб полка. Мне об этом сообщили, а еще через несколько дней я должен был отправиться в Киев, в военное училище. Но вечной затаенной мечтой моей жизни была летная школа, и я наотрез отказался от командировки, чем нарушил уже не первый раз военную дисциплину и был временно задержан при штабе полка.

С наступлением весны, когда обнажились горные вершины, а снега сползли в чащу и овраги, бурные кипящие реки, смывая на пути своем мосты и забытые избы, сбросили воды свои по горным ущельям в ярко зеленеющие равнины. Начал оживать и фронт.

Вероятно, по распоряжению высшего командования были предприняты новые попытки прорвать немецкий фронт в лесистых Карпатах — недалеко от румынской границы, в направлении Венгерской равнины.

Наши части за зиму пополнились, подучили молодых солдат, усилили артиллерией и так далее. Но и противник не дремал. Немцы хорошо укрепились на весьма выгодных для обороны опорных пунктах, для чего использовали наиболее высокие хребты и перевалы.

Одним из облюбованных нашим командованием пунктов, в районе которого предполагался прорыв фронта, была высота Прислен, расположенная вблизи румынской границы. На склонах своих она почти не имела лесов и угрюмо возвышалась над соседними высотами.

С наступлением благоприятных климатических условий наша артиллерия обрушила свой огонь на восточные склоны этой горы, где ясно обнаруживались ряды немецких укреплений. В развертывании этих боев я не участвовал, так как временно находился в штабе полка.

После первых неудачных лобовых атак из района сражения потянулись по долине реки сотни окровавленных раненых. Здесь, в долине, мне довелось встретить раненых офицеров своей роты и близких товарищей. Несмотря на тяжелые ранения, все они были довольны, что вырвались наконец из этого ада, где люди, обессилив от страшной усталости при подъеме по крутому склону, в изнеможении падали на землю перед укреплениями противника и тут же беспощадно уничтожались, не достигнув цели. Почти все пострадавшие имели ранения в голову.

Бессмысленная и глупая борьба за эту высоту тянулась продолжительное время и стоила нашей дивизии нескольких тысяч солдат только убитыми и около полусотни офицеров.

Полк наш быстро растаял и вскоре был снова отведен в резерв для нового пополнения. Это был тот же поселок Яблоново, в котором полк отдыхал прошлым летом перед началом боевых операций. Но я не узнал его сразу, здесь было построено много новых деревянных домов с резными украшениями и просторными верандами. Все они красовались на живописных холмах или обрывах над рекой.

Можно было предположить, что в этом поселке размещался какой-то крупный штаб, для которого наши солдаты выстроили эти хоромы, а сами сидели со своими неизменными вшами в мрачных сырых «подземельях».

Только по случайно уцелевшей вывеске на одной из заколоченных лавчонок я узнал, что это было то же Яблоново, где я прошлым летом впервые увидел Марийку.

Разместившись со своими ребятами в одной из заброшенных халуп, стоявшей довольно высоко на склоне прибрежной горы я невольно вспомнил о Марийке и, сам не сознавая, искал с ней встречи. Несколько

раз подходил я к дому, где в прошлом году недолго жили мы у ее отца, но ни Марийки, ни старого гуцула я там ни разу и не увидел. У крылечка избы постоянно крутились какие-то связные, денщик часто раздувал сапогом посиневший стертый русский самовар. Хозяйева избы, по-видимому, были куда то выселены или сами ушли, подавшись от греха в горы. И так я постепенно снова стал забывать о Марийке. Ее образ, воскресший в моем воображении, потускнел и постепенно стухевался.

Через несколько дней, сидя у своей избы, я увидел внизу на дороге у реки всадника, который о чем-то расспрашивал встречного солдата. Последний, выслушав его, указал рукой в сторону моей избы.

Как велика была моя радость, когда я в незнакомом всаднике узнал своего любимого двоюродного брата Леонида Юшкина, с которым мы так чудно проводили последний летний месяц на Днепре, перед войной в 1914 году.

В настоящее время он командовал одной из рот Корсуньского полка³⁸, входящего в состав нашей же 82-й дивизии. Здесь мы вспоминали с ним наши детские проказы, революцию 1905 года, когда он прятал у нас оружие и нелегальную литературу, и наконец Днепр, тот самый божественно прекрасный Днепр, столь дорогой и близкий каждому русскому человеку. Песчаные холмы над ним старого варяжского кладбища с ярко-зелеными кудрями дубов, пышно украшавшими его берега, и темные синие воды, безмолвно бегущие к югу, уносящие в Черное море тайну веков нашей Родины.

В эту короткую встречу он посвятил меня в тайны сложной политики, которой тогда никто из нас не понимал и не ощущал. Солдатские умы бродили каждый по-своему, каждый смотрел со своей колокольни, но не было среди нас человека, который мог бы объединить все эти наблевшие чаяния, всё горе веков, слить их в одну могучую силу и раздавить его хитро сплетенную тину.

Это была моя последняя встреча с Леонидом, так как в одном из последующих боев он погиб, честно выполнив свой долг перед родиной.

Дни стояли теплые и тихие. С безоблачного синего неба ярко светило весеннее солнце, обогревая своими палящими лучами остывшую за зиму землю. По горным склонам струился теплый влажный пар. Весенние воды устремлялись в долины. Река успокоилась, и лишь мерный успокаивающий шум ее вод воскрешал разрушенные годами войны надежды и пробуждал уснувшие мечты. С одним из моих новых

³⁸ 327-й Корсунский пехотный полк.

сослуживцев, Данилой Сомовым, сидели мы поодаль избы на косогоре и подставляли спины горячему солнцу.

Данила вслух тосковал о забывшей его невесте и вполголоса тянул какую-то нудную украинскую песню. По склону горы и по нашим наклоненным спинам скользнула какая-то тень. Данила умолк и оглянулся.

— Эй, дивчина, не торопись, присядь-ка с нами и Расскажи нам чего-нибудь, — скороговоркой залепетал Данила. Но тень шаррахнулась в сторону и слилась с едва зеленеющими ветвями деревьев.

Я тоже повернулся. По тропинке, слегка выющейся вдоль косогора, быстро удалялась от нас худенькая женская фигурка в праздничном гуцульском наряде. Неужели Марийка? Внезапная мысль эта обожгла меня, точно огнем. Я встал и, ничего не сказав Даниле, пошел вслед за девушкой. Снова замедлив шаги, она продолжила свой путь, наклонив низко голову. Она или нет? Бог ее знает. Я видел ее всего лишь несколько дней. А этот кошмарный минувший год тяжелым бременем улегся в моем сердце и раздавил в нем чувства и воспоминания.

Когда между нами оставалось не более двух шагов, я нерешительно окликнул:

— Марийка!

Девушка вздрогнула и быстро повернулась ко мне. Она! Ее глубокие печальные глаза. Несколько секунд Марийка молча смотрела на меня. Глаза ее открывались всё шире и шире. Горькая улыбка мгновенной радости быстро сменилась выражением глубокой тоски и безграничного страдания. Как дикая серна она отпрянула в сторону и закрыла лицо дрожащими руками.

Лицо это, когда-то прекрасное и чистое, теперь искаженное отпечатком ужасной болезни, последний раз мелькнуло передо мной и быстро исчезло в густых еловых зарослях. Я не пытался ни преследовать, ни разыскивать ее. Новая встреча для нее была бы слишком тяжелая, а для меня бессмысленная.

Прогуливаясь однажды в свободное время по ближайшим холмам, я случайно встретил там старого гуцула — отца Марийки. Старик настолько одряхлел и сгорбил, что его с трудом можно было узнать.

— Дядя Мыкола! — обратился я к гуцулу, вскапывающему свой маленький клочок пригодной для посадки картофеля земли.

Он немного выпрямился и, прикрыв от солнца глаза рукою, долго присматривался ко мне, потом, воткнув лопату в землю, пошел ко мне навстречу. Мы тепло поздоровались и дружески смотрели друг другу в глаза. Я хотел помочь ему вскапывать землю, но он наотрез отказался.

Опасаясь затронуть тяжелую сердечную рану бедного гуцула, я никак не мог собраться с мыслями и начать какой-либо отвлеченный разговор. Старик вытащил из кармана трубку, набил табаком, закурил и присел на траву. Я тоже опустился против него.

— Я думав, что тебя, хлопче, уже давно на этом свете нету, да видно, Бог уберег.

Посмотрев пристально на мое лицо, он добавил:

— Год тому назад уходил ты от нас совсем малым хлопчиком, а вернулся настоящим солдатом; видно, и тебе нелегко пришлось в наших темных горах.

Я вкратце рассказал ему о моих мытарствах и переживаниях за этот тяжелый год. Старик попыхивал трубкой и горестно качал головой. Ему, видимо, хотелось сообщить мне о чем-то важном и тяжелом, что омрачало его старческую душу, начать же этот разговор он никак не мог.

Но, откровенно говоря, очень тяжело быть бесполезным свидетелем чужого несчастья, и поэтому, не желая исполнять эту нелегкую для меня роль, я встал и напомнил, что мне нужно идти, простился со стариком.

Отпуская мою руку, он всё же не выдержал и проговорил глухим убитым голосом:

— Скажи, хлопче, спасибо вашим офицерам за то, что погубили Мариюку, прощай, бувай здоров.

Старик снова низко склонился над дышащей весенним теплым паром землей. Своим жалким, страдальческим видом в эти минуты он походил на человека, роющего могилу для самого дорогого, самого близкого ему существа.

Разнохарактерная политическая пропаганда в войсках всё усиливалась и кружила неискушенные солдатские умы. Всё слушали, всё принимали и одобряли, но воевать больше никто не хотел. Офицеры постепенно теряли свою власть, уединялись, и, наконец, между ними и солдатами образовалась непреодолимая пропасть. Росли и формировались два неравных лагеря: лагерь войны и лагерь мира. Политическая борьба двух основных частей ширилась и углублялась. Солдаты доставали где-то красную ткань и накалывали себе бантики, чем явно раздражали консервативную часть офицерства. Самым тупым и непримиримым оказался капитан Гречкин. Однажды, проезжая в пролетке по дороге берегом реки, он повстречал двух едущих верхом казаков. Пожилые, но brave кавалеристы даже не собирались приветствовать

«лихого капитана» и, не обращая на него никакого внимания, ехали себе мимо.

Гречкина взорвала такая, по его понятиям, наглость, и он, остановив пролетку, заорал своим отвратительным лающим собачьим голосом:

— А где честь?!

Казачи переглянулись, огляделись по сторонам, потом, как по команде, их нагайки взлетели в воздух и со свистом обрушились на горбатую спину капитана Гречкина. Ошеломленный вояка настолько растерялся, что в свою очередь начал стегать хлыстом по спине своего возницу и, потеряв фуражку, еле унес свои бранные кости.

После нового пополнения полк наш остался в резерве и больше не участвовал в боях на Карпатах. Брожение среди солдат быстро прогрессировало. Измученные тяжелыми условиями борьбы и жизни в горах, солдаты и слышать больше не хотели о войне. Большевицкая агитация находила здесь прекрасную почву для своих идей и имела колоссальный успех. В силу всех этих обстоятельств высшим командованием было решено вывести полк из Карпат.

И вот в один из последующих дней на рассвете серая лава покорных сгорбленных людей двинулась вниз по долине Черемоша старым знакомым путем.

Чем дальше уходила колонна от черно-зеленых угрюмых хребтов, тем веселее становились солдаты, несмотря на усталость и возрастающий жар. Серые зимние папахи были молодецки сбиты на затылки. Вперемешку с оркестром звучали задорные солдатские песни и звонким эхом отдавались в ущельях и долинах соседних ворчливых потоков.

Привыкшие за протекший год к русским солдатам гуцульские бабенки, раззадоренные звуками музыки и игривыми беззаботными песнями, вертелись толпами у пыльной дороги, задорно галдели, трещали и бесцеремонно дразнили бойцов своим вызывающим веселым смехом.

Долину Черемоша сейчас было трудно узнать. Там, где год назад с трудом перебирались через реку чуть ли не вброд, теперь красовались широкие, из чисто тесанного дерева мосты. Рядом со старыми покосившимися избами выросли новые большие деревянные дома с резными наличниками, балкончиками и верандами, всё сияло свежестью и чистотой.

По узкоколейной железной дороге, надрываясь, пыхтя и извергая клубы черного дыма, бежал маленький паровозик и тащил за собой

десять два груженных платформ, на которых сидели в своих пестрых нарядах довольные гуцульские бабы.

Чем ближе к концу подходил наш путь, тем сильнее жгло солнце и ярче казались пологие склоны. Пышным бело-розовым цветом были одеты сады, щедро осыпая землю снежинками нежных своих лепестков. Широкая грудь многолюдной колонны жадно вдыхала родной и знакомый запах садов, и мысль о далекой покинутой родине больно щемила солдатское сердце.

К исходу третьего дня горы внезапно растаяли; бесконечная серая лента колонны, оставляя за собой густую завесу клубящейся пыли, растянулась по зеленой безбрежной равнине.

На одной из небольших железнодорожных станций полк был погружен в теплушки и направлен в район города Тернополя, где в это время готовилось новое и последнее на Юго-Западном направлении наступление. Старый командир полка полковник Чижевский куда-то исчез, на его место прибыл новый молодой полковник — офицер Генерального штаба; человек гуманный и мягкохарактерный³⁹.

Наступление готовилось в широких масштабах, намечался большой прорыв немецко-австрийского фронта. Пока полк находился в резерве, мы были свидетелями крупных подготовительных операций. Огромное количество артиллерии разных калибров двигалось по ночам к фронту и занимало позиции в укрытых местах. Сюда была подтянута даже английская тяжелая одиннадцатидюймовая артиллерия. Прямо у дорог на окраинах местных деревушек разгружались и складировались в штабеля снаряды. Подтягивались склады, продовольственные обозы, лазареты. Кое-где вырастали мачты редких в то время радиостанций. Для наблюдения за вражескими позициями в голубом безоблачном небе вдоль линии фронта повисли десятки аэростатов. Трескучие воздушные тихоходы того времени как той, так и другой стороны

³⁹ В данном случае автор, возможно, спутал год. Еще в июле 1916 г. полковник Н. К. Чижевский, судя по всему временно, был отстранен от командования. Непродолжительное время его замещал начальник штаба 82-й дивизии Генерального штаба полковник И. А. Рот. 8 августа (26 июля) командиром полка стал полковник Попов. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 136. Л. 268.) Вскоре Чижевский вернулся. В ноябре 1916 г. ему присвоили генеральское звание, а 30 (17) ноября он вместе с командиром 1-го батальона Багрецовым был отстранен от командования за то, что 1-я и 3-я роты отказались идти в атаку на хребет Прислип. (См.: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Л. 4 со ссылкой на следующее дело: РГВИА. Ф. 2935. Оп. 1. Д. 147.)

бороздили воздух или, вынырнув где-либо незаметно из-за леса, поджигали ракетами баллоны аэростатов, при этом в воздухе происходила огромная вспышка, а корзина наблюдателя вместе с ее пассажиром камнем летела вниз⁴⁰.

Немало хлопот стоило командованию, чтобы уговорить войска пойти в наступление. Командир полка сам ходил по ротам и всячески старался повлиять на упрямый народ.

— Братцы! В последний раз исполним свой долг перед родиной, — чуть ли не со слезами говорил он бойцам. — А там и войне конец, и по домам пора.

В нем не чувствовалось вовсе старого офицера-солдата, и исполнять «свой долг» ему так же не хотелось, как и каждому из подчиненных ему солдат.

Атака на вражеские позиции всё же состоялась. Грандиозная артиллерийская подготовка беспощадно разрушила укрепления врага. Широчайший огненный вал вздымал к небу столбы земли и пламени. Тяжелая артиллерия глухим непрерывным громом заставляла невольно держаться поближе к земле.

Не обошлось и здесь без досадных казусов: несколько тяжелых одиннадцатидюймовых английских орудий во время стрельбы разорвалось, угробив при этом десятки лучших артиллеристов. Дело в том, что снаряды изготовили на наших заводах вредительским, вероятно, методом, не точно соответствовали калибру орудия и при выстреле разрывали его казенную часть.

Первая атака кончилась неудачей, так как войска противника, определив начало артиллерийской подготовки, скрылись в так называемых лисьих норах и по окончании последней снова заняли свои места на переднем крае обороны.

После первой неудачи командование пошло на хитрость: произведя новую короткую подготовку, артиллерия умолкла, солдаты с криками «Ура!» произвели демонстрацию ложной атаки. Немцы же в этот

⁴⁰ Впервые аэростаты в русской армии были применены в годы русско-японской войны. В дальнейшем начали появляться специальные воздухоплавательные роты. К началу Первой мировой у нас было 11 воздухоплавательных рот, а концу 1917 — 87 отрядов, не считая две морские воздухоплавательные роты. Всего к концу 1917 г. на вооружении было 93 аэростата. За 1917 г. из строя выбыло 10 аэростатов по метеорологическим условиям, 52 оказались сбиты (41 вражескими самолетами, 7 уничтожены на земле, 4 — артиллерией). См.: *Анощенко Н. Д.* Воздухоплататели. М., 1960. С. 7–25.

момент снова заняли передний край обороны и последовавшим внезапно новым мощным огневым шквалом были застигнуты врасплох, прижаты к земле и большей частью уничтожены.

Командир нашего полка сам шел в атаку с передними цепями и, будучи еще не обстрелянным, всё время кланялся земле при потрясающих воздух ударах нашей тяжелой артиллерии. Прорыв был совершен, но наступление не получило развития, так как солдаты, сознавая, что войны так никогда не кончить, бросали фронт и уходили обратно. Немцы этим воспользовались и, в свою очередь, начали развивать наступление.

Наш полк целиком отошел в резерв, дальнейший же натиск немцев сдерживали другие части нашей и других дивизий.

В один из таких дней, когда брожение среди солдат доходило до высших пределов, полк был выстроен огромным квадратом и ждал какого-то неизвестного события. Через некоторое время подкатила черная бричка, в которой сидел sereneкий тщедушный генерал и какой-то странный тип во фраке и цилиндре. Впоследствии оказалось, что это были Корнилов⁴¹ и французский министр Альбер Тома⁴².

Темпераментный француз выступил с речью, стоя на бричке, он потрясал в воздухе кулаком и тростью. Голос его, похожий на охрипый лай, на совершенно непонятном солдатам французском языке, вызвал добродушный смех у последних. Когда он кончил, все с удовольствием прокричали ему «ура» и долго хлопали в ладоши.

После французского министра выступил генерал Корнилов, его жалкая серая бесцветная фигура не внушала к себе никакого уважения. Он переводил речь француза и долго лепетал от себя, но все эти речи сводились к тому, что сейчас же необходимо идти на фронт и продолжать наступление, поддержать наших союзников и обеспечить победу.

— Шалишь, брат, — злобно посмеивались себе в кулак солдаты, и когда Корнилов, наконец, закончил свою длинную невнятную речь, живой квадрат ответил на нее глубоким молчанием.

⁴¹ Корнилов Л. Г. (1870–1918) — выдающийся разведчик и военачальник. В годы Первой мировой командовал 48-й пехотной дивизией. Весной 1915 г. попал в плен, летом 1916 г. бежал из плена. Получил в командование корпус. Во время Февральской революции назначен командующим Петроградским военным округом. В конце апреля 1917 г. назначен командующим 8-й армией. Уже вскоре благодаря политической поддержке стал главнокомандующим Юго-Западным фронтом, а через неделю и Верховным Главнокомандующим.

⁴² Тома А. (1878–1932) — французский министр-социалист. В 1917 г. как министр вооружений ездил с переговорами в Россию.

Еще через день-два снова был выстроен полк и долго ждали прибытия какого-то нового гостя. Наконец с наступлением сумерек явился сам Керенский⁴³. Заложив руки за пуговицы френча, Александр Федорович закатил полную пафоса и «благородных призывов» речь, которая у неискушенных добродушных солдат имела даже некоторый успех. Когда его трогательная речь подходила к концу, вокруг Керенского зажгли бенгальские огни, и он, освещенный их ослепительным светом, продолжал как истукан неподвижно стоять на одном месте, стараясь придать своей фигуре подобие героического монумента. Ему тоже прокричали «ура» и хлопали в ладоши.

А ночью с большим трудом удалось ему скрыться. Спасла его от солдатских пуль южная черная ночь. Теряя надежду использовать для продолжения войны фронтовых солдат, искушенных мыслями о непреходящем мире, временное правительство мобилизовало полицию, сформировало женские батальоны, и вся эта мразь была брошена на фронт для водворения порядка. Но было уже слишком поздно. Сердцами измученных усталых людей завладело новое великое имя. Ему верили, перед ним преклонялись. Это был Ленин.

Наш полк, как наиболее пострадавший в тяжелых условиях горной войны, конечно, легче других воспринял большевистскую пропаганду. В результате этого влияния 326-й пехотный полк к октябрьским событиям получил почетное звание Первого большевистского полка.

С первого ноября 1917 года я получил отпуск и поехал в Петроград, где в то время гостила у родственников моя мать. Следом же за мной и весь полк был срочно погружен в теплушки и направлен в Петроград, как тогда говорили, на защиту Ленина.

По прибытии в город полк был размещен в здании современной филармонии и нес караульную службу в Смольном. Часть полка вскоре была демобилизована, а оставшиеся вошли в состав организованного на его базе батальона Красной гвардии, который впоследствии отбыл на фронт.

После демобилизации я сразу поступил на работу в 17-ю дистанцию службы пути сев[еро]-зап[адной] железной дороги и одновременно с величайшим жаром принялся за учебу.

⁴³ Керенский А. Ф. (1881–1970) — политический деятель. С 20 (7) июля (и до Октябрьской революции) премьер-министр временного правительства.